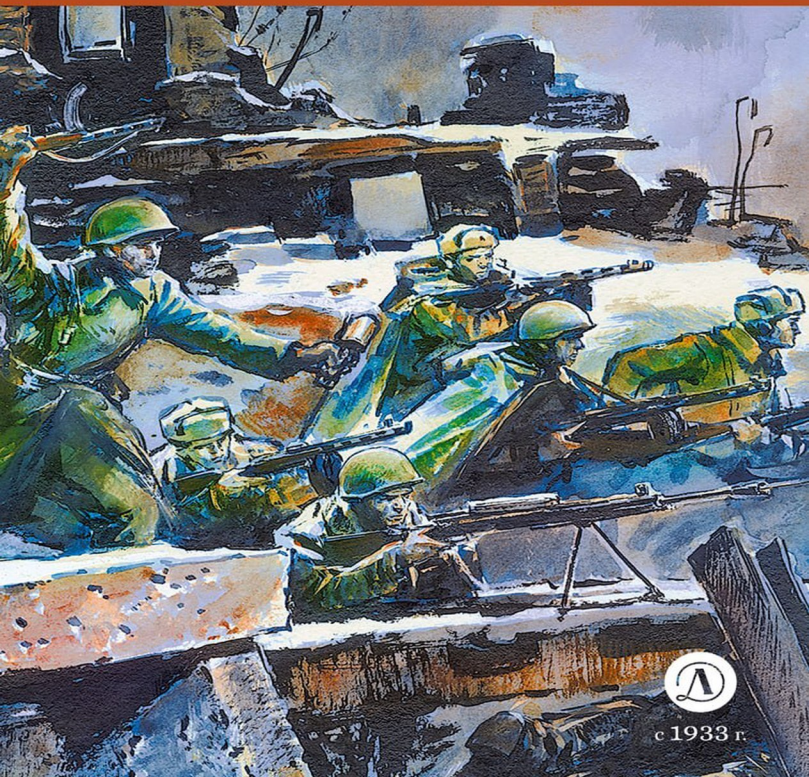
Школьная библиотека

Сергей Алексеев

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ



с 1933 г.

Рассказы о Великой Отечественной войне

Сергей Петрович Алексеев

Аннотация
Сергей Алексеев. Рассказы о Великой Отечественной войне
От автора
Рассказы о великой Московской битве
- Холм Жирковский
- Сила
- Мценск
- Вязьма
- Генерал Жуков
- Красная площадь
- Подвиг у Дубосекова
- Три приятеля с Волхонки
- Зоя
- Ударная
- «Напишу из Москвы»
- Переломилось
- Казаки
- Активный отдых
- «Какой род войск сражается?»

Рассказы о великом сражении на берегах Волги

«Ни шагу назад!»
Мамаев курган
Знаменитый дом
Сталинградская оборона
Майор Устинов
Редут Таракуля
Берлинская знаменитость
Остров Людникова
Титаев
Крепость
19 ноября 1942 года
«Хендехохнули!»
23 ноября 1942 года
«Зимняя гроза»
Победа под Сталинградом
Сражение за Кавказ
Южнее Ростова
«Затонула»
Миссисипи с Миссури
Охота на мамонтов
Кавказские перевалы
Донгуз-Орун-Баши
«Ахтунг! Ахтунг!»
Основной и демонстративный
Подвиг Корницкого
«Нептун»

«Берегись Бартова!»
С востока, с запада, с юга
Гадание на Ромашкине
«Голубая линия»
Рассказы о битве на Курской дуге
Первые залпы
Звероловы
Особые
Вальс Добрянского
«ЧЁрный день»
«Курские соловьи»
Москва – Иркутск
Обида
Хороши у гиганта лапы
Беркут
Необычная операция
«Кутузов»
«Румянцев»
Поклон победителям
Рассказы о героическом Севастополе
Пять и десять
Тройка
Без звания и названия
«Есть и будет!»
Выходное платье
Птицу в полЁте схватят

Новое оружие
Улица Пьянзина
Богатырские фамилии
Константиновский равелин
Безупречный
Херсонéс
Мы пришли, Севастополь!
Обухов
Рассказы о ленинградцах и Подвиге Ленинграда
Разгрузка-погрузка
Дорога
Первая колонна
Кобóна
Блокадный хлеб
Таня Савичева
Шуба
Медицинское задание
Выставочный экземпляр
Началось
Монблáн и Вавилов
«На-а-ши!»
Загадочный танк
Порóжки
«ВперЁд, на запад!»
Восточный вал
Первые

Невидимый мост
Снег на голову
«С Букрина, с Лютежа?»
Горы
Оксанка
«Багратион»
«Инженерная операция»
Хатын
«Доложить!»
Фаталисты
Жало
Полный кавалер
Море справа, горы слева
Рассказы о Берлинском сражении, штурме Берлина и полной нашей Победе
Москва. Ставка Верховного главнокомандующего
Ночь. Три часа по берлинскому времени
Дымы
Под Штеттином
Зееловские высоты
На Берлин идут машины
Хофакер
В имперской канцелярии
«Мы в Берлине!»
Майоры

«Данке шён!»
Плечом к плечу
Бронзой поднялся в небо
«Топор своего дорубится»
Золу развеял… рассеял гарь
Последние метры война считает
Победа

Аннотация

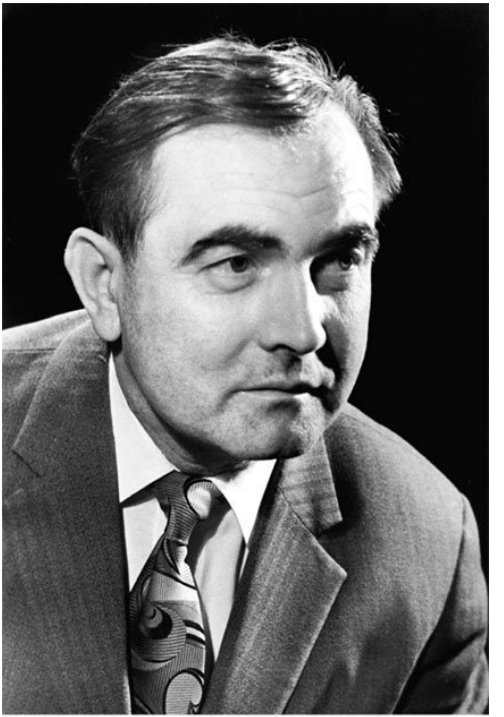
Книгу составили избранные рассказы известного детского писателя-историка о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., посвящённые великому подвигу советского народа в борьбе с фашизмом. В них рассказывается о знаменитых сражениях: Московской битве, Сталинградском сражении, битве за Кавказ, танковой битве на Курской дуге, обороне Севастополя, блокаде Ленинграда и взятии Берлина.

Для среднего школьного возраста.

Сергей Алексеев
Рассказы о Великой Отечественной войне

© Алексеев С. П., наследники, 1975, 1985
© Непомнящий Л. М., наследники, иллюстрации, 1984
© Поляков Д. В., иллюстрации, 2014
© Лурье А. А., наследники, иллюстрации на переплёте, 1975
© Оформление серии, составление. АО «Издательство «Детская литература», 2018

* * *



C. Alexeyev

1922—2008

От автора

22 июня 1941 года на рассвете войска фашистской Германии вероломно, без предупреждения напали на нашу Родину. Фашисты пытались лишить нас свободы, захватить наши земли и города.

Началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских поработителей.

Для нас война началась неудачно. Враги напали неожиданно. Фашисты были сильнее. Лучше вооружены. Лучше обучены. У них было больше пушек, самолётов, танков, солдат. Перед тем как напасть на Советский Союз, фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, ряд других государств Европы.

Промышленность этих стран стала работать на фашистов.

Под натиском врагов наши армии отступали. Враги рассчитывали расправиться с нами быстрым, стремительным ударом. Они даже придумали выражение «блицкриг», то есть молниеносная война. Но захватчики глубоко просчитались. Все, как один, поднялись народы нашей страны на защиту своей Родины и свободы.

Война с фашистами длилась четыре года (1941–1945). Нелёгким был путь к победе.

На Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на подступах к Москве, под Ленинградом, у стен Сталинграда развернулись кровопролитные бои. Наши войска остановили врага.

За Волгой, на Урале, в Сибири советские люди построили первоклассные военные заводы, создали новое, совершенное оружие.

Советские воины научились умело воевать. Военные командиры — Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и многие другие — чётко и умело руководили войсками. Большинство из них стали прославленными маршалами.

Советские войска сломили фашистов и погнали их с родной земли. Весной 1945 года наши армии штурмом взяли столицу фашистской Германии

город Берлин и подняли над ним победное знамя.

О главных битвах Великой Отечественной войны, о её бессмертных героях, о нашей великой Победе над фашистами и написаны эти рассказы.

Рассказы о великой Московской битве

Холм Жирковский

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — так назвали фашисты план своего наступления. Тайфун — это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Взять советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов был план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта немецкие танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подошли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский. Как

льву на зубок горошина.

— Форвертс! Вперёд! — прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: — Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада.

Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай! — шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

— Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет — кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату.

Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул

танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

— Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.

Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждёт.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идёт на Унечина. Кто-то опять сказал:

— «Зверь на ловца бежит».

Выждал Унечин минуту, вторую, третью…

«Бросай же, бросай!» — снова крикнуть хотел сосед. Однако губы сжал, сдержался.

Ещё минута — и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом её поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло… Тридцать минут про-

шло… Час продолжается бой, два — не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застряли они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — батюшки светы! — всё поле в подбитых танках, земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

— Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

— Конечно же Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов

Холмы Жарковские.

Сила

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орёл. С севера движутся к Калинину (ныне г. Тверь). Идут на Вязьму, Калугу, Ю́хнов.

Город Юхнов. Река Угра́. Здесь, на Угре, под Юхновом, обороняли солдаты мост. Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

— Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу — и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулемётный огонь по нашим. Изрешетили весь

левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И всё же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

— Где же помощь? — тревожиться стал Гаркуша. — Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

— Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты миномётный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

— А ну, подходи! А ну, подходи! — это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши, как пулемёт, стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударила по нашему берегу фашистская артиллерия. Всковырнули, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдаётся упрямый мост. Не пропускают солдаты вперёд фашистов.

Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперёд!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад — посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Всё те же кругом бойцы — друзья по геройской роте.

— Где же сила? Была же сила! — смотрит солдат на соседа. — Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чём, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянётся солдат —

была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперёд фашистов.

Мценск

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперёд фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперёд машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С ходу ворвались фашисты в Орёл. Мчатся дальше, спешат на Тулу. Между Орлом и Тулой — Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки.

Утро.

Встал Гейнц Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнц Гудериан генерал заслуженный. В особом почёте среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнц» — называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

— Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске… — стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

— Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле, — сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

— Послезавтра мы будем в Туле. Ещё день, ещё два…

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

— Ещё день, ещё два…

И вот уже видит Москву Гудериан.

— Москва, Москва… — стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

— Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнц Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

— Русские танки! — кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако силён удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт — там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была создана. Изучает комиссия — как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков?

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поётся ему. Нет желания. Нет настроения.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты. Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

— Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер… — Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, — пытается что-то сказать тот, смелый. — Наш Фридрих Великий ещё сказал…

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал…

Слушает Гитлер:

— Ну, ну, так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить.

А потом ещё и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Меды́ни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города… — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-запад от города, сосредоточил про-

тивник большие силы, — и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии…

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы — обстановку знаете, — похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под

Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб, поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в великой Московской битве.

Красная площадь

1941 год. 7 Ноября. Москва. Красная площадь.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тару́сы.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

— Парад! — объясняет ему командир. — Торжественный, на Красной площади.

— Так точно, парад, — отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители страны на ленинском Мавзолее. Всё точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лёг на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлёвской башне. Отбили куранты время.

Минута. Всё стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравил войска. Опять всё стихло. Ещё минута. И вот вначале тихо, а затем всё громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжёлые времена. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — летят сквозь мороз слова. — Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьёзнее, строже.

— Война, которую вы ведёте, есть война осво-

бодительная, война справедливая. — И вслед за этим Сталин сказал: — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И всё это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением. И всё это, как в сказке, возникнув здесь, в цент-ре Москвы, — ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шёл рядовой Митрохин. А рядом шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

Подвиг у Дубосекова

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили своё наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришёлся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было двадцать восемь. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков!.. Так это, выходит, меньше чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, разбойник!

— Эка же, хвост поджал!

Передохнули солдаты. Видят — снова идёт лавина. Сосчитали — 30 фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

— Друзья, — произнёс Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты.

— Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу

танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

Три приятеля с Волхонки

Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки.

В дни обороны Москвы население города не только уходило в ряды ополченцев, не только помогало в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стали к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра — брата, старики — сыновей, подростки — своих отцов.

Круглые сутки, в три смены, работали московские заводы. Всё, что необходимо фронту, выпускали тогда заводы: гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые «ежи», железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много-много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и работали трое друзей.

Вот идут они с работы. Вот встречают их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трёх друзей. Вот кричат привет мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, улыбнулись:

— Нас не трое — нас четыре.

Сказали и пошли себе дальше.

Стоят мальчишки, смотрят подросткам вслед, поражаются:

— Где четыре? Как четыре?! Где четыре, если три!

Верно — трое идут ребят. Три спины. Три головы. Четвёртой нигде не видно.

Через несколько дней снова мальчишки увидели трёх друзей. Озорно кричат мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, опять улыбнулись:

— Нас не трое — целых шесть!

Сказали и пошли себе дальше.

Опешили вовсе теперь мальчишки, смотрят подросткам вслед, плечами худыми водят:

— Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?

Снова прошло несколько дней. Вновь идут они с работы — три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька — Гошка, Витька и Алёшка. Вновь мальчишки на Волхонке отдают друзьям салют:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились опять подростки, посмотрели на мальчишек и вдруг сказали (у мальчишек даже глаза вразлёт):

— Нас не трое — девять нас!

Ухмыльнулись мальчишки, на лицах улыбки глупые — как же понять?

Не мучили долго ребята мальчишек. Достали подростки свои рабочие книжки. Показали. В книжках нормы, в книжках цифры, сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот ещё графа — процент. Смотрят мальчишки: сто… сто тридцать… двести… триста.

— О-го-го! — зашумели мальчишки.

Пропали с лиц у мальчишек улыбки глупые. Ясность теперь на лицах. Понятно любому и каждому: триста процентов, значит, работа здесь за троих. Смотрят мальчишки на трёх друзей:

— Девять их, конечно, девять! Математика проста!

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки.

Зоя

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петри́щево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии, подполковник Рюдерер:

— Кто вы?

— Не скажу.

— Это вы подожгли дома?

— Да, я.

— Ваши цели?

— Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал её на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», — отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, её несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босой ходить по снегу.

И снова:

— Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни, на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занёс руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился — нужно получиться достойным на снимке. И в это время…

— Товарищи! Не бойтесь, — прозвучал голос Зои. — Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

— Мне не страшно умирать, товарищи, — говорила Зоя. — Это счастье — умереть за свой народ. — И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: — Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!

Комендант дёрнулся. Подал рукой команду…

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться

Зое. Синее небо. Простор. Цветы…

Ударная

Харлов Иван служил пулеметчиком в 1-й Ударной армии.

28 ноября 1941 года танковым ударом фашисты обрушились на город Я́хрому. Яхрома стоит от Москвы точно на север, на берегу канала Москва — Волга. Ворвались фашисты в город, вышли к каналу. Захватили мост через канал, переправились на восточный его берег.

Танковые соединения врага обходили Москву с севера. Положение было тяжёлым, почти критическим.

1-я Ударная армия получила приказ остановить врага.

Втянулась Ударная в бой. Вместе с другими в бою и Харлов. Опытен он в сражении. В наступление шла стрелковая рота. Припал Харлов к пулемёту. Защищает огнём своего пулемёта советских стрелков. Действует по-харловски. Не торопится. Зря в поле пуль не пускает. Бережёт патроны. Бьёт точно по цели. Стреляет очередями короткими. Чувствует Харлов себя ответственным за жизнь пехотинцев. Словно каждая лишняя смерть на его счету.

Хорошо бойцам под такой защитой.

И вдруг осколком фашистской мины искорёжило у Харлова ствол пулемёта.

Оборвался, заглох огонь.

А противник снова идёт в атаку. Смотрит Харлов — воспользовались фашисты, что стих его пулемёт, выдвинули вперёд пушку. Вот-вот и ударит пушка по нашей роте. Сжались в кулаки от обиды у Харлова руки. Потом он постоял и вдруг припал к земле, прижался и как-то по-крабьи, боком, забирая чуть-чуть в обход, пополз по направлению к неприятельской пушке.

Увидели солдаты, замерли.

«Батюшки, верная смерть!»

Впились солдаты глазами в Харлова. Вот ближе к пушке Харлов, вот ближе. Вот и рядом совсем. Поднялся в рост. Размахнулся. Бросил гранату. Уничтожил фашистский расчёт.

Не сдержались солдаты:

— Ура Харлову!

— Ну, Иван Андреич, теперь беги!

Только прокричали, видят: вышли из-за бугра фашистские танки и идут прямо на Харлова.

— Беги! — снова кричат солдаты.

Однако мешкает что-то Харлов. Не отбегает.

Всмотрелись солдаты внимательнее.

— Гляньте, гляньте! — кричит один.

Видят солдаты — разворачивает Харлов фашистскую пушку навстречу танкам. Развернул. Пригнулся. Припал к прицелу.

Выстрел. Загорелся фашистский танк. Два танка подбил герой. Остальные свернули в сторону.

До самого вечера длился бой. Отбросила Ударная армия фашистов вновь за канал. Восстановила здесь положение.

Довольны солдаты:

— А как же иначе! На то и Ударная!

— Как же иначе, раз такие, как Харлов, есть.

«Напишу из Москвы»

Не удаётся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

— Брать её штурмом, брать её в лоб! — отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! — строчит Наймган. — Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовёт начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с кратчайшего Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперёд.

Торжествуют фашистские генералы:

— Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрей в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров… десять… пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров… десять… пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров… десять… пятнадцать… У деревень Бурцево и Юшково — стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и всё же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

— Ничего, ничего — отдохнём, поднажмём,

осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Наша армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Наша армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты своё наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

Переломилось

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает наша армия. Рванулись войска вперёд. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Кузнецова, Голикова, танкисты Лелюшенко, Катукова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и артиллерийские дивизионы.

Успешно идёт наступление. Много отважных солдат из разных сёл, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение — сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сём.

— Как настроение?

— Боевое, товарищ командующий!

— Как доехали?

— Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

— Готовы идти в наступление?

— Готовы, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядрёный сибирский народ, смекалистый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Пошли разговоры о том о сём. Как настроение? Как доехали? Как вас тут встретили? И наконец:

— Готовы идти в наступление?

— Хоть сию минуту, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Поехал Жуков в полки к москвичам.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сём. О Москве, о войне, о московской хватке. Закалённый народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

— Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?

— Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казахами и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков.

Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага.

Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», — рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

Казаки

Одной из казачьих дивизий (кубанской) командовал генерал-майор Исса Александрович Плиев.

Огневой, задорный народ кубанцы. Собрались в дивизии казаки из станиц Советской и Вознесенской, Отрадной, Попутной, Лабинской, Кавказской и многих других.

Хороши под кубанцами кони. Хороши у кубанцев песни. Шашки в бою как молнии.

Во многих боях рубились кубанцы. Особенно памятен бой у деревни Го́рбово.

Наступали тогда казаки, гнали врага на запад.

Захватили конники Горбово, но тут на помощь своим подошли фашисты. Дивизия приняла встречный бой.

Плиев решил ударить во фланг противнику. Однако идти в атаку нужно было открытым местом. Прямо от села начиналось большое поле.

Ветер бежит по полю. Гонит с бугра снежинки. Смотрит на поле Плиев. Хорошо, конечно, ударить во фланг, однако сколько людей погибнет здесь на открытом месте.

Задумался генерал. Вдруг слышит:

— Товарищ комдив!

Поднял Плиев голову. Видит — стоит перед ним казак. Казак настоящий — с усами, в кубанке. Уже в годах.

— Откуда, служивый?

— Из станицы Попутной.

— Слушаю вас, товарищ.

— Товарищ комдив, дозвольте совет.

— Совет так совет, — улыбается Плиев.

Подошёл казак к генералу, стал что-то шептать на ухо.

Слушает Плиев:

— Так, так.

Руками что-то казак показывает.

Улыбается Плиев:

— Так, так. — Совсем оживился Плиев: — С удальством, по-казачьи, значит?

— Так точно, по-дедовски, товарищ комдив.

Дал Плиев команду идти в атаку.

Построились казаки на улицах Горбово. С места взяли в карьер, в галоп. Донеслись до околицы. Вот и открытое поле. Помчались кони вперёд на врага.

Но тут встретили фашисты конников залпами. Вот неудача! Повалились из сёдел всадники. Повисли на стременах. Разгорячённые кони вперёд несутся.

Довольны фашисты — отбили атаку. Несутся по полю кони, тащат тела казаков. «Ага, и лошади будут наши», — рады фашисты двойному везению. Кони и правда несутся к ним. Вот-вот и хватай скакунов за уздечки.

И вдруг… что такое?! Не верят фашисты своим глазам. Видят и всё же не верят. Остановились вдруг кони в беге. Ожили, как в сказке, убитые всадники. Поднялись на стременах. Приложили к плечам автоматы. Огнём, как косой, по фашистским рядам прошли.

Увенчалась успехом казацкая хитрость. Откатились назад фашисты. Взяли в галоп эскадроны. Острой казацкой шашкой довершили лихое дело.

Горд Исса Александрович Плиев:

— Джигитовка! Высший казацкий класс.

Активный отдых

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боёв, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатью.

Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули:

— Тревога! Тревога!

Гремит:

— Подъём!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки — на плечи, винтовки — в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская.

Вступили солдаты в бой. Окружили, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошлись по улице. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война

огнём. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, на норы.

Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в брёвна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замёрзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лёд, на сваи:

— А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошёл, как снова доски легли над Гжатью, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят — на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряден взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

— Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренгу рота.

— Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взвилась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию. Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

— Прибыла с отдыха рота.

— Как отдыхалось?

— Полный во всём порядок.

— А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

— Благодарю. Ну что ж, активный, выходит, отдых.

«Какой род войск сражается?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперёд.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любуется.

— Молодцы, молодцы! — приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

— Какой род войск сражается?

В это время с криком «ура!» как раз устремилась вперёд пехота.

— Пехота, — ответили офицеры, — товарищ командующий. Пехота — матушка полей.

— Верно, верно, пехота, — соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

— Так какой же род войск дерётся?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушкари. Нет фашистам от них пощады. А вот и «катюши»

послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землёй фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждёт, что ответят ему.

— Артиллерия, товарищ командующий! — сказали офицеры. — Артиллерия — бог войны.

— Верно, верно, артиллерия, — соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

— Эх, молодцы, эх, молодцы! — И снова к офицерам с тем же вопросом: — Так какой же род войск дерётся?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры — ждёт генерал ответа.

Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперёд.

— Танки, товарищ командующий! Танки! — ответили офицеры.

— Верно, танки, — соглашается Жуков. — Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

— Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперёд с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолёты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

— Ну, ну? — ожидает ответа Жуков.

— Авиация, — кто-то сказал несмело. — Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

— Верно, — соглашается Жуков. — Слава советским соколам. — Наклонился к своим офицерам и тихо: — Так какой же род войск дерётся?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить.

Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

— Непобедимый, — сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населённых пунктов освободили советские войска в боях под Москвой. Разгромили 38 фашистских дивизий.

Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила — наши солдаты. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным

разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

— Так какой же род войск сражается? — переспросил командующий у офицеров.

— Непобедимый! — ответили дружно ему офицеры.

Рассказы о великом сражении на берегах Волги

«Ни шагу назад!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге.

Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду (ныне Волгоград), к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. Шестнадцать солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

— Ни шагу назад! — поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой — жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

— Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

— Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии: Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни миномётов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки всё ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнём затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел ещё раз на Гущина, Бурдова — они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

— За Родину! — крикнул герой.

Бросился вперёд, навстречу врагу. Прижал покрепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опалённые боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гущин и Бурдов. Храбрость рож-

дает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гущин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

— Нас не возьмёшь! — прокричали солдаты.

Рванулись вперёд герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

— Свобода дороже жизни!

Вот они четверо — на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

— Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Ещё взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утёсы, как скалы, стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии: Кочетков, Докучаев, Гущин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов — красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган — самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперёд.

— Вперёд! Вперёд! — до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

— Вперёд!

Лежат солдаты, не поднимаются.

— Вперёд! — кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. — Вперёд!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы корёжат рот.

— Вперёд! — кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг появился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

— Они же мёртвые, товарищ лейтенант, — тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял: солдаты мёртвые. Живы только они вдвоём — он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь, внизу у кургана, назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не

достигли они вершины ни в третий, ни в четвёртый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет, страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку — сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

— В атаку! — снова прошла команда.

Снова к вершине ведёт Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит: раскатом грома гремит «ура!». «Что бы такое?» Решает — причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги, с левого берега, пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

— Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

— Всё же наша взяла, — произнёс лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские чёрные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови всё так же дугой, как месяц.

Знаменитый дом

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Миномётным огнём, словно дождём, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Не пал на колени дом.

Защищали его солдаты огромной нашей страны. Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далёкой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запевает таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о её колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоми-

нает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Вот какая твоя страна. Вот какая она огромная!

Русский, татарин, грузин, узбек за общую Родину бьются.

Здесь, на Волге, решается всё: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Обжились солдаты в доме. Даже баню в подвале себе устроили.

— Сандуны! Сандуны! — смеются солдаты. (Сандуны — это московская лучшая баня.)

— Гочило! Гочило! (Это тбилисская лучшая баня.)

Хорошо помыться солдатам в бане. На десять сражений вперёд зарядка. Кричат фашистам:

— А ну к нам в баню!

Молчат фашисты. Боятся бани.

Второй месяц атакуют фашисты дом. Изводят батальоны свои и роты. Стоит, не дрогнет упрямый дом. Кинжальным клином в оборону фашистов врезался.

По траншеям, по скрытым ходам сообщения нет-нет да и приходят к солдатам гости. То разведчики, пробираясь в тылы к фашистам, задержатся тут на минутку. То минёры пройдут, то отряд

миномётчиков.

— Как тут у вас, гарнизон, дела?

— Служба идёт, и солдат не дремлет, — отвечают бойцы с достоинством.

Стоит на виду у фашистов дом. Как мозоль на ступне, как бельмо на глазу. Не даёт он врагам покоя.

Начинают фашисты атаку.

— Не возьмёшь! — отвечают бойцы фашистам.

— За нашу Родину! — открывают огонь по врагам.

И летят во врагов гранаты.

— За то, чтобы цвести державе!

— За свободу!

— За радость встреч!

— За Родину нашу — страну Россию!

Бьются в общем строю солдаты. Стоит нерушимо дом. За атакой идёт атака. Отбивают бойцы атаки.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют Домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идёт с фашистами бой-сражение.

— Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! — командует сержант Яков Павлов. — Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

Сталинградская оборона

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков — боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника 300 метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

— Товарищ командующий, противник рядом, — доложили Чуйкову.

— Вот и прекрасно, — сказал Чуйков. — Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада — открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолёты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону команд-

ного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

— Опасно, товарищ командующий, — рядом огонь!

— Вот и отлично, — сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. — Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

— Так это же прекрасно, Глинка! Это же боевая приправа. Фронтовой витамин на злость.

— Витамин!.. — пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты — боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует всё время

Чуйков противника. Не даёт фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждёт указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как по науке лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает:

— Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут! — Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провёл стрелку. — Вот здесь, — сказал, — завтра вместе с соседом справа начнёте атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

— Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий, а не оборона.

— Нет, оборона, — сказал Чуйков. — Сталинградская оборона.

Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Василий Иванович Чуйков стал Маршалом Советского Союза.

Майор Устинов

Не утихают бои в Сталинграде. Сентябрь проходит, а город сражается. Октябрь на улице, а город сражается.

Летят из Берлина грозные предписания:

«Взять Сталинград! Взять Сталинград! Сутки — и чтобы взять!»

14 октября 1942 года фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. От ожогов кричало небо.

Неравны по-прежнему силы.

Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады».

Десять дней не утихает ужасный бой. Идёт он в цехах, корпусах, отделах — за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей висят над заводскими трубами фашистские самолёты. Пушки бьют очумело прямой наводкой.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился и командный пункт команди-

ра полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Всё ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Всё меньше и меньше кругом защитников. И вот наступил последний момент — майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Всё больше их, больше и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх бы рвануть „катюшами“, — подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится наладить связь с артиллеристами. Наладил.

— Дорогие, — кричит Устинов, — умоляю: залп реактивными! По скоплению неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

— Стреляйте! — кричит Устинов. — Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему:

— Рус, сдавайся! Рус, капут!

— Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнём осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили всё живое.

А как же майор Устинов?

Цел, невредим. Стоит улыбается. Словно бы он заколдованный. Словно бы он заворожённый.

Недаром безумству храбрых гимны народ слагает. Недаром в песне одной поётся: «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт».

Редут Таракуля

Таракуль — это фамилия. Сержант Юрко Таракуль по национальности молдаванин. «Редут» — старинное слово, означает оно — укрепление.

Пулемётчики Юрко Таракуль и Михаил Начинкин занимали оборону в одном из старинных купеческих особняков.

Особняк стоял на уличном перекрёстке. Позиция для обороны была удобной. Как на передовой пост, сюда и пришли пулемётчики.

Начинкин в прошлом рабочий-металлист, токарь по профессии. Таракуль жил в селе, выращивал виноград.

Смеётся Юрко Таракуль. Называет Начинкина и себя: «Рабоче-крестьянское подразделение».

Заняли бойцы позиции на первом этаже. Каждый выбрал себе по комнате. Разобрали печь, заложили кирпичами окна, лишь небольшие просветы — амбразуры — для пулемётных стволов оставили.

Дождались пулемётчики, когда появились на перекрёстке улиц фашисты, открыли огонь по врагам.

Ответили фашисты огнём на огонь. Пошли в

атаку на дом автоматчики. Да только крепкими были стены у купеческого особняка, меткими были бойцы-пулемётчики. Не получается ничего у фашистов.

Сидят Таракуль и Начинкин в своих персональных комнатах. Проверяют: здоровы ли, целы. Подают голоса друг другу, словно в лесу аукаются.

— Ау-у! — кричит Таракуль.

— Ау-у! — отвечает Начинкин.

Не осилили дом фашистские автоматчики.

Прибыл их миномётный расчёт к перекрёстку. Взвились со свистом мины. Градом железным бойцов осыпали.

Живы бойцы, невредимы.

— Ау-у!

— Ау-у! — несётся из комнаты в комнату.

Подкатили к перекрёстку враги орудия. Сразу три пушки. Открыли из пушек огонь по дому. Пробили снаряды стены, посыпалась штукатурка.

— Ау-у! — кричит Таракуль. — Ау-у!

Не ответил ему Начинкин.

Бросился Таракуль в соседнюю комнату. Видит: ранен Начинкин. Лежит, истекает кровью. Перевязал Таракуль Начинкину рану. Смотрит, куда бы укрыть солдата. Соображает — в подвал. Спустился в подвал с Начинкиным. Потом вернулся. Перенёс пулеметы.

Оборудовал Таракуль в подвале две бойницы. Установил пулемёты. И снова по фашистам ведёт огонь. То из одного пулемёта боец стреляет, то быстрее бежит к другому, открывает огонь из этого.

— От меня… от Начинкина!.. От меня… от На-

чинкина! — выкрикивает Таракуль.

Не могут фашисты никак за перекрёсток продвинуться.

Пришлось вызывать самолёты.

Прилетели самолёты. Спикировали на дом, сбросили бомбы. Не устояли стены. Рухнули. Завалили подвал обломками.

Подвал завалили, а бойницы остались целы. Сохранились и оба пулемёта.

Думали фашисты — всё, покончено с домом. Двинулись на перекрёсток. Только вышли — огонь из развалин. Перебегает Таракуль от пулемёта к пулемёту:

— От меня... от Начинкина!.. От меня... от Начинкина!

Три дня сражался отважный воин. На третьи сутки в одной из атак к развалинам купеческого особняка прорвались наши солдаты. Слышат Таракуль и Начинкин наши, русские голоса. Закричали и сами.

Подбежали солдаты к подвалу.

— Братцы, тут наши, никак, сидят!

Но как же войти в подвал? Всё забито, зарыто, засыпано. Только бойницы одни торчат.

Явились сапёры. С трудом отрыли они пулемётчиков. Даже взрыватели применили.

Вышел из подвала Таракуль. Вынесли на носилках Начинкина.

Посмотрел саперный начальник на остатки купеческого особняка, на стены-скалы, на камни-глыбы, сказал:

— Редут!

— Редут! — поддержали его другие.

— Редут Таракуля, — сказал Начинкин.

Берлинская знаменитость

Много прославленных снайперов было на Сталинградском фронте: Виктор Медведев, Гильфан Авзалов, Анатолий Чехов… Самый известный — Василий Зайцев. Почти 300 убитых фашистов на счету у знаменитого снайпера.

Решили фашисты уничтожить меткого стрелка. Назначили большую награду тому, кто убьёт советского снайпера.

Только осмотрителен, опытен Зайцев. Никак не удаётся определить фашистам, откуда, с какого места солдат стреляет. Меняет боец позиции. Сегодня сидит в окопе. Завтра за каменной кладкой подвала укроется. Из окон разбитого дома стреляет он на третий день. Забравшись под брюхо сгоревшего танка, бьёт по врагу на четвёртый.

Не помогает обещанная награда. Нет среди фашистов под Сталинградом стрелка, который был бы равен Василию Зайцеву.

Увеличили фашисты награду. Рыщут повсюду охотники. Только нет никому удачи. Нет среди немцев под Сталинградом стрелка, который смог бы осилить Зайцева.

Досадно фашистам. Вспомнили гитлеровские

командиры, что в Берлине есть знаменитый немецкий стрелок майор Конингс — руководитель школы фашистских снайперов. Вызвали срочно Конингса в Сталинград. На специальном самолёте прибыл берлинский снайпер.

Узнал Конингс фамилию русского умельца.

— Зайцев? Хо-хо! — рассмеялся.

Сыскался среди немецких солдат находчивый:

— Господин майор, есть среди них и Медведев!

А Виктор Медведев и вправду после Василия Зайцева был самым метким стрелком на фронте.

Понял шутку берлинский гость:

— О-о!

Конингс рослый, плечистый. На шее — Железный крест.

Смотрят немецкие солдаты на Конингса — вот кто покончит с Зайцевым. А заодно и с Медведевым, Авзаловым, Чеховым…

И вот сошлись майор Конингс и Василий Зайцев в снайперской схватке.

Осторожен, сама осторожность Конингс. Зайцев ещё осторожнее.

Глазаст Конингс. Зайцев ещё глазастее.

Терпелив Конингс. Зайцев ещё терпеливее.

Четыре дня сидели стрелки друг перед другом. Ждали, кто первым выдаст себя, кто первым до-

пустит промах.

Идёт Конингс на разные хитрости. Всё пытается сделать так, чтобы советский снайпер хоть бы на секунду из-за укрытия высунулся. И Зайцев о том же думает: как бы заставить майора Конингса на секунду оставить своё укрытие.

Хитёр Конингс. Зайцев ещё хитрее. Подозвал он к себе солдата Николая Куликова, наставляет: сиди, мол, со мной рядом. Возьми палку, надень каску на палку, чуть высунь её из окопа. Если грянет выстрел, вскинь руки, вскрикни и падай.

— Ясно?

— Ясно! — солдат ответил.

Высунул Куликов из окопа каску, и сразу по каске — пуля. Вскинул, как договорились, Куликов руки, вскрикнул и повалился на дно окопа. Рад Конингс своей удаче. Уверен, что поразил Зайцева. Любопытно ему посмотреть: высунул голову из-за укрытия, глянул. Глянул — и тут же пуля Василия Зайцева сразила майора Конингса.

Лежит неподвижно на сталинградской земле берлинская знаменитость. На шее Железный крест надгробным крестом торчит.

Остров Людникова

Прорвались фашисты к Волге в районе завода «Баррикады», отрезали от других 138-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией полковник Людников. Занимала дивизия очень небольшую территорию у волжского берега. С севера, с запада, с юга — фашисты, с четвёртой, восточной, стороны — Волга. Островом Людникова назвали солдаты эту часть сталинградской земли.

Всюду было трудно защитникам Сталинграда. А здесь, на острове Людникова, и того труднее. Стояла середина ноября. Ни зима, ни осень. Волга ещё не замерзла, но уже шёл по ней лёд — шугá. И на лодках в такое время года не переправишься, и по льду не перейдёшь. Трудно было сюда доставлять продовольствие и боеприпасы. Бойцы получали по 25 граммов сухарей и по 5 граммов сахара в день. Но держались.

Здесь же, на острове Людникова, оказалось много раненых. Собралось их около 400 человек. И их переправить нельзя на левый берег. Укрыли раненых в землянках, которые были вырыты в отвесных волжских кручах. Назвали землянки госпиталем.

И вот как-то к полковнику Людникову прибегают врачи:

— Товарищ полковник, бунтуют раненые.

— Как — бунтуют?!

— Не слушаются, не подчиняются, — уточняют медики.

— Чему не подчиняются?

— Лечебному режиму, — сказали врачи.

Оказывается, не хотят раненые оставаться в госпитале. Знают они, что их товарищи по дивизии там наверху, на кручах, ведут тяжёлые бои с фашистами, просят, чтобы и им разрешили принять участие в этих боях.

— Не подчиняются, — повторяют врачи. — Не выполняют раненые наших распоряжений, товарищ полковник.

Собрался Людников, пошёл вместе с врачами к раненым.

Вошёл в одну из землянок. Узнали солдаты полковника Людникова:

— Товарищ полковник, несправедливо!

— Что несправедливо?

— А то, что мы здесь лежим, — отвечают солдаты, — а там наверху каждый из наших товарищей один против пяти фашистов сражается.

— Так ведь вы раненые. Так ведь здесь гос-

питаль. Так ведь медицинский порядок такой, — пытается объяснить солдатам полковник Людников.

Объясняет, но видит, что солдаты не воспринимают его слова. Понимает Людников: не переубедить ему бойцов. Отошёл, посоветовался с врачами. Разрешили врачи, чтобы легкораненые вернулись в строй.

— Только легкораненые, — повторили они.

— Только легкораненые, — повторил и полковник Людников.

Вот тут-то началось самое главное. Каждый стал утверждать, что он легкораненый.

Стали легкораненые подходить к выходу из землянки.

Смотрит Людников — пожилой солдат вместе с другими двинулся. Плечо у солдата туго перебинтовано. Кровь сквозь бинты проступила. Ясно: ранение тяжёлое.

— Куда же вы, папаша? — обращается к нему Людников.

— В строй, товарищ полковник, — отвечает солдат.

— Да как же вы с таким-то плечом — и в строй?!

— А мне тяжести не грузить. Я миномётчик, —

отвечает солдат.

Видит Людников — за этим пожилым молодой тянется. Костыль под мышкой, нога волочится.

— А куда же вы, товарищ боец, с костылём? — говорит ему Людников.

— Так я пулемётчик, — отвечает боец. — Для меня нога не самое главное.

Вернул полковник бойцов назад, и молодого и старого. Многих задержал Людников.

Утром те, кто был отпущен из госпиталя, составили пополнение и вместе с другими бойцами вступили в бой с фашистами.

И вот зоркий глаз Людникова заметил, что число бойцов, пришедших из госпиталя, оказалось намного большим, ведь вчера разрешили вернуться в строй немногим. Заметил командир дивизии и тех двух — пожилого с тяжёлым ранением в плечо и молодого бойца-пулемётчика.

Подошёл Людников к солдатам. Готов разозлиться, повысил голос:

— А вы почему здесь, товарищи бойцы?!

Ухватился пожилой за последнее слово — «бойцы».

— Оттого и здесь, что бойцы, — ответил.

Поставил в тупик он Людникова. Заговорил Людников о тяжёлых ранениях у солдат, о том,

что просто трудно с такими ранениями быть в бою.

— А ему что — легко? — опять не сдаётся пожилой. — А он что — не раненый? Да он нас посильнее ранен. Однако стоит и держится.

— Кто — он? — не понял Людников.

— Сталинград, — сказали бойцы, молодой и старый.

Сорок пять дней, до самой нашей сталинградской победы, удерживали советские воины остров Людникова. Так и не отдали его фашистам.

Титаев

Ноябрь. Завьюжило. Выпал снег.

Незавидная жизнь у связистов. Снег, непогода, грязь, бомбят самолёты с неба, снаряды вздымают землю, пули разносят смерть — будь к походу готов, связист. Повредило проводку бомбой, оборвало снарядом провод, фашистский разведчик разрушил связь — собирайся, солдат, в дорогу.

В ноябре вновь завязались бои за Мамаев курган. В самый разгар сражения прервалась телефонная связь с командным пунктом дивизии. С командного пункта как раз артиллеристам давали команды к стрельбе по целям. Оборвались теперь команды. Прекратился огонь артиллерии.

На исправление повреждения вышел связист Титаев.

Ползёт Титаев вдоль провода, ищет, где произошёл обрыв. Висят над Титаевым низкие облака. Метёт позёмка. Слева неприятельские окопы. Бьют миномёты. Строчат автоматы. Грохочет бой.

Ползёт Титаев, впился глазами в провод, ищет конец обрыва. Свистят над солдатом пули. Сбива-

ет с пути позёмка.

— Эн, не собьёшь!.. — крикнул солдат метели. — Эн, не возьмёшь!.. — крикнул Титаев пулям.

Ползёт солдат. А там, на кургане, грохочет бой. И нужен, как воздух, огонь артиллерии. Понимает это Титаев. Торопится. Метрах в тридцати впереди показалась воронка от взрыва. Вот где оно, повреждение. Десять метров осталось. Пять. Дополз до воронки солдат. Вот он у самого края. Вот лежит провод, рассечённый стальным осколком. Подхватил Титаев один конец. Тянет быстрей второй…

Молчал, молчал телефон на командном пункте и вдруг заработал. Облегчённо вздохнул командир.

— Молодцы! — похвалил связистов.

— Так это ж Титаев, — ответил кто-то. — Первой статьи солдат.

Знают Титаева. Любят в дивизии. Ждут в связной роте, когда же вернётся назад Титаев. Не возвращается что-то боец. На поиски связиста отправились два солдата. Ползут они тем же следом. Висят над ними низкие облака. Ветер метёт позёмку. Слева неприятельские окопы. Всё так же бьют пулемёты. Стучат автоматы. Грохочет бой. Заработала советская артиллерия. Перекрывает

шум боя, радует слух солдатский. Ползут, смотрят вперёд солдаты. Видят — воронка. На краю воронки признали Титаева. Прижался к земле боец.

— Титаев!

— Титаев!

Молчит Титаев.

Подползли солдаты поближе. Глянули — мёртв, недвижим Титаев.

На войне солдаты ко многим вещам привыкли. Не удивишь их в сражении подвигом. Но тут…

Оказалось, что в тот момент, когда Титаев, обнаружив обрыв провода, пытался соединить его концы, настигла солдата смертельная пуля. Нет у солдата сил устранить повреждение. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами.

— Огонь! Огонь! — несётся команда по проводу.

И тут же ответ:

— Есть огонь. Как связь, как связь?

— Отлично работает связь.

И снова:

— Огонь! Огонь!

Громили наши войска противника. А там, у края воронки, лежал солдат. Нет, не лежал — сто-

ял на посту солдат.

Стоял на посту солдат.

Крепость

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы, мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг — то мощные оборонительные сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут — укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут — форты и бастионы.

— Сталинград — это крепость, крепость, — твердят фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

— Сталинград — это крепость, крепость, — трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же:

«Сталинград — это крепость. Неприступная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в ста-

тьях всё о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград — сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» — кричат газеты. Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет никаких особых в нём укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам.

Посмеялись солдаты: «Ага, не от лёгкой жизни фашисты такое пишут». Потом показали листовку члену Военного совета 62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову: мол, посмотрите, товарищ комиссар, какие небылицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку и вдруг поразил солдат.

— Всё тут верно, — сказал солдатам. — Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее. Однако с недоверием всё же на комиссара смотрят.

— Крепость, — повторил Гуров. — Конечно, крепость.

Смотрят солдаты — вот это да! Не будешь с на-

чальством спорить.

Улыбнулся Гуров, покосился хитро на солдат:

— Ваши сердца и мужество ваше — вот она, неприступная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать. Прав Кузьма Акимович Гуров. О мужество советских солдат — вот о какие стены сломали в Сталинграде фашисты шею.

19 ноября 1942 года

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел её план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

Немало пришлось потрудиться советским людям для того, чтобы наша армия смогла выполнить этот план.

Нужно было намного увеличить выпуск советских танков. Советские люди добились этого.

Нужно было создать новые совершенные и быстроходные самолёты. Советские люди решили и эту задачу.

Нужны были тысячи новых пушек, миллионы винтовок и автоматов, миллиарды снарядов и патронов. Всё это выпустили советские заводы.

Нужны были тысячи высокообразованных командиров. Армия получила таких командиров.

Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин — два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба — танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились ещё в училище. У обоих одна мечта — вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Ерёмин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин — от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озёрами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слёз. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Ещё тише здесь — на Сталинградском, между озёрами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Ерёмин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Ерёмина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Ерёмин. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Ерёмина:

— Похвально. И о друге — похвально. — Затем наклонился и тихо: — Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

— Ну что ж, надеюсь, исполнится вскоре ваша просьба.

Доволен Ерёмин. Доволен Дудочкин. Собрали вещички. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут…

1942 год. Раннее утро. 19 ноября.

— По танкам! — прошла команда.

Бросился Ерёмин к своему танку. Здесь узнаёт приказ. Начинается грандиозное наступление. Цель — окружить под Сталинградом фашистов. Пошёл с севера в наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошёл в наступление с юга их

Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали миномёты. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И наконец с криком «ура!» неудержимо рванулась вперёд всепобеждающая советская пехота.

Наступление началось.

«Хендехохнули!»

Наступают наши войска. Сдаются фашисты в плен.

20 ноября. Утро. Штабная машина. Полковник в машине. Едет полковник, командир дивизии, к своим наступающим войскам. Навстречу попались пленные. Семь человек. Сзади шагает советский солдат. Молод, безус солдат. Держит автомат на изготовку, сопровождает пленных.

Остановилась машина.

— Откуда ведёшь, герой?

— Вот там, за высоткой, стоит деревня, товарищ полковник.

— С кем их пленил?

— Один.

— Один?!

— Так точно, товарищ полковник. Я в проулок. Они из хаты, — стал объяснять солдат. — «Стой!» — им кричу. Занёс гранату. Увидели гранату и тут же хендехохнули!

— Что-что? — не понял полковник.

— Руки вверх подняли, хендехохнули, товарищ полковник.

Полковник рассмеялся:

— Ну что ж, благодарю за службу, герой! Как фамилия?

— Синеоков, товарищ полковник.

Вечером полковник, командир дивизии, докладывал о том, как идёт наступление его дивизии, генералу, командующему армией:

— Товарищ генерал, сегодня перед фронтом моей дивизии девятьсот фашистов хендехохнули!

— Что-что? — не понял генерал.

— Хендехохнули, сдались в плен, товарищ генерал.

— Ах, хендехохнули!

Улыбнулся генерал — понравилось, видно, ему словечко.

В этот же вечер генерал, командующий армией, докладывал об успехе армии командующему фронтом:

— Товарищ командующий, за истекший день вверенной мне армией разбиты… — И стал перечислять фашистские полки и дивизии, которые разбиты армией. А в конце: — Товарищ командующий, три тысячи фашистских солдат и офицеров хендехохнули!

— Что-что? — переспросил командующий.

— Хендехохнули, капитулировали, сдались в плен, товарищ командующий.

— Ах, хендехохнули! — рассмеялся генерал. Поздравил командующего армией с успехом.

Прошёл час, и командующий фронтом докладывал по телефону о том, как прошёл день на фронте, Верховному Главнокомандующему:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, сегодня в течение дня войсками фронта уничтожены… — И стал перечислять фашистские дивизии, которые уничтожены в этот день под Сталинградом. Доложил, а в конце торжественно: — Семь тысяч солдат и офицеров противника хендехохнули, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Что-что? — раздалось в трубке. Голос был мягкий, но чуть раздражённый.

Сообразил командующий, что зря употребил

он неуставное, непривычное слово, но что тут делать? Сказал тише, без прежней бодрости:

— Хендехохнули, то есть сдались в плен, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Ах, хендехохнули! — ответила трубка. Ответила весело. Без прежней раздражённости. Даже смешок раздался: — Значит, хендехохнули?

— Так точно, хендехохнули, товарищ Верховный…

23 ноября 1942 года

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперёд и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Петр Ерёмин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулемёты и снова с боями шли вперёд и вперёд.

Мчится на танке лейтенант Ерёмин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы, сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Ерёмину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ерёминым встретиться: «Вот бы сюда Петра!»

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года у Дона, за городом Калач-на-Дону, встретились части двух фронтов.

Видит Ерёмин — танки летят навстречу.

— Наши! Наши! — кричат кругом.

Встретились танки двух фронтов — Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Ерёмин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит — бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Ерёмину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул — да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

— Вася! — закричал Ерёмин.

— Петя! — вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом — два генерала, которых они просили об отправке в Сталинград. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

— Лёня! — кричит один.

— Саня! — в восторге кричит другой.

Увидели генералы Ерёмина и Дудочкина:

— Ну как?

— Встретились! Встретились! — закричали Ерёмин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

— Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась, как волк, в капкане.

«Зимняя гроза»

22 фашистские дивизии, 330 тысяч фашистских солдат окружила под Сталинградом наша армия.

Дал Гитлер клятву спасти окружённых фашистских солдат.

Выбрал надёжного человека. Им оказался опытный фашистский военачальник генерал-фельдмаршал Манштейн. Поручил Гитлер Манштейну прорвать кольцо советского окружения, деблокировать Сталинград.

— Хайль! — прокричал Манштейн.

«Манштейн» в переводе с немецкого — «человек-камень».

Верит в Манштейна Гитлер. Верят в Манштейна солдаты. Манштейн — горы свернёт. Манштейн — скалы пробьёт. Если надо, Манштейн остановит реки.

— Держитесь! Я к вам иду! Я вас спасу! — заявил фашистский генерал-фельдмаршал.

Собрали фашисты войска. Из Германии новые части прибыли, из захваченной Гитлером Польши, из захваченной Гитлером Франции. Пришли и с других фронтов.

«Зимняя гроза» — назвали фашисты своё на-

ступление.

12 декабря 1942 года. Устремились вперёд фашисты. Танки, самоходки идут впереди, сзади ползут обозы. Везут боеприпасы, горючее, одежду, продовольствие для окружённых. И вот опять в степях между Доном и Волгой в жесточайшей схватке сошлись войска. В районе посёлка Верхне-Кумский разгорелось огромное танковое сражение. Посёлок несколько раз переходил из рук в руки. Всюду горели подбитые танки.

И снова не счесть погибших. Героически бились советские воины. И всё же под натиском грозных сил пришлось отойти солдатам.

Через шесть дней после начала фашистского наступления гитлеровские войска, окружённые под Сталинградом, услышали шум канонады.

— Мы спасены! Это идёт Манштейн!

Готовят фашисты Манштейну достойную встречу. Время назначили. Место. Час. Порядок торжеств и парад в честь победы.

Однако встречу Манштейну не только они готовят. Идут навстречу Манштейну и советские части. Идёт гвардейская армия под командованием генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Цепок в боях Малиновский. Стремителен в маршах, быстр.

В ожидании дивизии Малиновского советские воины укрепились у реки Мышкова.

Подошли фашисты к реке Мышкова. Споткнулись, застряли, остановились.

— Вперёд! — не утихает Манштейн. — Вперёд!

Однако фашисты вперёд ни шагу.

— Вперёд! Вперёд! — кричат в полках, батальонах и ротах.

— Вперёд! — даже кричат в обозах.

Однако советские солдаты крепко стоят в обороне.

— Вперёд!

Ни шагу вперёд фашисты.

— Отставить. Отложим до завтра, — сказал Манштейн.

— До завтра! — прошла команда.

А назавтра прибыли сюда главные силы армии Малиновского. Ударили гвардейцы по фашистам так, что лишь перья от тех полетели.

Побежали враги.

Хотели грозу фашисты. Получили грозу фашисты.

Победа под Сталинградом

Окружила наша армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока ещё в руках у фашистов. Ищут фашисты среди стен городских спасение. Приходят в город всё новые и новые фашистские части, а тут и своих полно.

Дома все разрушены. Щебень да камни.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по подземельям, погребам и траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких подвалов, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окружённой фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих фон Паулюс.

— Мужайтесь! Держитесь! — кричат из подвала фашистские генералы.

Здесь, в подвале, штаб окружённой армии или, вернее, того, что осталось от армии. Не много солдат добрело до города. Одни ещё бьются. Другие махнули на всё рукой.

— Держитесь! Держитесь! — приказ солдатам.

Однако всё меньше и меньше тех, кто готов

держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывались фашистский штаб и фельдмаршал Паулюс. 31 января 1943 года в подвал спустились представители советского командования и потребовали от фашистских генералов отдать приказ о прекращении огня и всякого сопротивления, выполнить условия безоговорочной капитуляции: передать в распоряжение советского командования весь личный состав немецких войск, вооружение, всю боевую технику, а также документацию. Требования о безоговорочной капитуляции были полностью приняты немецким командованием.

— Будьте любезны, руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей, траншей выкуривают.

— Вылезайте на свет, голубчики!

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы — в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окружённые под Сталинградом, окончательно сложили оружие. Остатки огромной 330-тысячной

гитлеровской армии сдались в плен. Советскими войсками были разбиты или полностью уничтожены 22 фашистские дивизии. Пленена 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Фашистская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

— Двадцать две дивизии!

— Двадцать три генерала!

— Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!

— Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава её в веках!

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

Сражение за Кавказ

Южнее Ростова

Шла в то лето к врагам удача. Отважно сражались советские воины. И всё же бóльшая сила была у фашистов. Предприняв штурм Сталинграда, фашисты одновременно начали наступление на Кавказ. Прорвали враги под Ростовом советский фронт. Отходили от Ростова на юг к Кавказским горам солдаты.

Понимают солдаты: всё на войне бывает.

Верят солдаты в нашу победу. И всё же фашисты пока сильнее. И всё же фашисты идут вперёд.

Здесь, южнее Ростова, на огромных степных просторах, хотят они окружить советские армии. Бросили фашисты вперёд ударные танковые группы. Назвали их «кулаками».

Один из фашистских ударов проходил через станицу Кущёвскую. Тут в числе других сражалась 13-я кавалерийская дивизия. Состояла она преимущественно из казаков. Стойко дралась дивизия.

Ударили фашисты, взяли Кущёвскую. Тут же доклад генералу:

— Хайль Гитлер! Взята Кущёвская.

Только генерал порадовался, только сказал «зер

гут!», как новый спешит офицер с докладом:

— Хайль Гитлер! Оставили наши Кущёвскую.

«Что такое?! — в недоумении генерал. — „Взяли“! „Оставили“! Что? Почему? Вас ист лос? Что случилось?

Действительно, оставлена была фашистами Кущёвская. Казаки-герои её отбили.

Дал генерал приказ:

— Немедля вновь овладеть Кущёвской!

Снова в атаку пошли фашисты. Вновь к генералу спешит офицер:

— Хайль Гитлер! Взята Кущёвская!

Только руку отнёс от фуражки, только сделал свой шаг «кругом», как новый в дверях посыльный:

— Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущёвская.

— Что?! — заревел генерал.

— Там казаки, — говорят генералу.

Поморщился генерал. Нелегко иметь дело с казаками.

— Взять, — приказал, — Кущёвскую!

Вновь закипели бои за Кущёвскую. Час проходит — идут бои. Два проходит — идут бои. Ночь наступила — идут бои.

Отбили фашисты опять Кущёвскую. Снова посыльный спешит к генералу.

— Спит генерал, — говорят адъютанты.

— Сообщение важное, — докладывает посыльный. — Нами взята Кущёвская.

Решают адъютанты: будить, не будить генерала? Пока решали, новый гонец примчался.

— Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущёвская.

Не только здесь, под Кущёвской, но и в других местах наносили наши по фашистам тогда удары. Не удалось фашистам южнее Ростова окружить советские войска.

И всё же фашисты в тот период были сильнее. Больше пушек у них, больше танков, больше снарядов.

Отходили наши войска. Отступали.

«Затонула»

Фашисты наступали на город Грозный. Упорные бои развернулись у реки Те́рек — возле города Моздо́ка, у Прохладного, у Гвардейского, у Майского, у города Малгобе́ка.

— Взять Грозный! Взять Грозный! — несутся приказы Гитлера.

Грозный — это не просто город. Здесь, под Грозным, богатейшие залежи нефти. Нефть и нужна фашистам.

Брошены сюда, на Терек, для удара на Грозный отборные фашистские силы. Даже дивизия «Викинг» — одна из лучших фашистских дивизий — прибыла.

Жили когда-то давным-давно викинги — отважные воины и мореплаватели. Навечно вошли в историю. Вот и фашистские викинги:

— Мы тоже хотим в историю!

— На все времена и годы!

Мечтают фашисты: возьмут они Грозный, возьмут затем город Махачкалу, достигнут Каспийского моря. А там шаг — и Баку, а там шаг — и пиши на века в историю.

Узнали наши бойцы, что под Моздок на Терек

прибывает дивизия «Викинг». Ходят они в разведку — кого бы схватить из викингов.

Схватили как-то фашиста:

— Викинг?

— Найн! Найн! — трясётся тот. И называет вовсе другую часть.

Схватили второго:

— Викинг?

— Найн!

Упорны солдаты, поймали фашиста третьего. Нагло смотрит на советских бойцов фашист:

— Русиш — капут!

— Кавказ — капут!

— Грозный — капут!

Ясно солдатам — попался викинг. Сдали фашиста в штаб.

Рвутся фашисты к Грозному. Обрушились на город Прохладный. Однако в жарких боях отбиты.

— Остудил их Прохладный! — смеются солдаты.

Наступали фашисты на хутор Гвардейский. Разбиты они под Гвардейским. Довольны солдаты:

— Не лезь на Гвардейский! Тут, под Гвардейским, удар особый.

Бросились фашисты к Майскому, ломились у стен Малгобека, пытались пробиться в других

местах.

Перекрыли солдаты надёжно все подходы фашистам к Грозному, в жарких боях разбили. «Долиной смерти» назвали эти места фашисты.

Не досталась под Грозным кавказская нефть врагам. Оправдал своё имя Грозный.

Ну а как же дивизия «Викинг», чем завершилась её история?

Не дошла она до Баку, до Каспийского моря. Здесь, у Терека, «затонула».

Миссисипи с Миссури

Грозный — это восточная часть Кавказа. Город Майко́п находится на западной его стороне. Места вокруг Майкопа так же, как и в районе Грозного, очень богаты нефтью. Пытаются и сюда пробиться фашисты. Шесть танковых дивизий брошены на Майкоп.

Идут танки, идёт пехота, вслед за пехотой, за танками движется специальный отряд. Это немецкие техники и инженеры. Отряд называется «бригада минеральных масел». В бригаде — специалисты по бензину, по нефти, по разным машинным масла́м и другим продуктам, которые можно добыть и получить из нефти.

Был в составе бригады инженер по фамилии Крае. Распевал соловьём, подходя к майкопским богатствам, Крае:

— Будет в Майкопе нефть!

— Будет для нас бензин!

— Будет для нас керосин!

— Будут озёра, реки и водопады натуральных, минеральных лучших кавказских масел!..

Огромные планы у захватчиков. Всё возьмут под строгий они контроль. Всех привлекут к

работе. Удвоят, утроят, удесятерят добычу майкопской нефти. Нужна фашистской Германии нефть, как кислород, как воздух. Огромные силы были брошены на Майкоп.

На каждого советского солдата — четыре солдата фашистских.

На каждую нашу пушку — десять фашистских пушек.

На каждый советский танк — без счета фашистских танков.

Не сдержали наши напор врага. Ворвались в Майкоп фашисты. Телеграммы летят в Берлин: «Хайль Гитлер! Майкоп захвачен».

Вновь напевает Крае:

— Море здесь нефти! Море бензина! Миссисипи с Миссури различных масел!..

Ворвались в Майкоп фашисты. И тут…

Где же нефть? Где же бензин? Где керосин? Где озёра, реки и водопады масел?!

Нет нефти. Нет бензина. Нет керосина. Нет Миссисипи и нет Миссури. Пусты склады. Да и нет самих складов. Взорваны склады.

Бросились фашисты к нефтяным скважинам. Забиты, засыпаны, выведены из строя скважины.

Бросились к нефтяному оборудованию. Вывезе-

но оборудование.

Ничего не оставлено врагам. Всё вывезено или уничтожено патриотами.

В гневе фашистские генералы. Понимают: опередили их советские люди, опоздали фашисты, лишились нефти.

Соловьём больше не распевает Крае. Нахохлился, как ворона. «Крае» в переводе и есть «ворона».

Охота на мамонтов

Новороссийск. Город-воин. Город-герой. Город на Чёрном море, морской и военный порт, самый крупный на всём Кавказе.

В августе 1942 года фашисты начали наступление на Новороссийск.

Много разных укреплений и заграждений было в те дни возведено нашими войсками вокруг города. Предложили сапёрные офицеры применить и танковые ловушки — очень глубокие ямы. Были вырыты танковые ямы и на подходах к городу и даже в самом Новороссийске.

Одну из таких ям-ловушек соорудили на месте старого погреба. Расширили его, углубили. Сверху положили доски, землёй присыпали. Для отвода глаз, для маскировки даже дёрном слегка обложили, даже гальки морской чуть бросили. Глянешь со стороны — никакой опасности.

Приходили бойцы, смотрели:

— Вот это да!

— Для танка?!

— В яму — и будь здоров!

Как в доисторические времена — охота на мамонтов.

Не зря трудились сапёры. Сослужили добрую службу ямы. Вот и та — на месте старого погреба. Как раз именно здесь проходила одна из танковых атак врага. Первый же фашистский танк и угодил в яму. Шёл он к яме-ловушке словно к магниту. Шёл, стрелял из башенного орудия, строчил из пулемёта. И вдруг… рухнул под землю. Исчез. Пропал.

— Есть!

— Готово! — раздались крики.

Подходят солдаты к танковой яме:

— Мамонт!

Упорными, долгими были бои за Новороссийск. И всё же к середине сентября бóльшая часть города оказалась в руках фашистов.

— Шварце мер! Чёрное море! — торжествовали враги.

Действительно, вышли фашисты к Чёрному морю. Надеялись отсюда берегом моря прорваться дальше, на юг Кавказа.

Не получилось. Преградили наши войска дорогу врагам на юг.

Надеялись фашисты стать хозяевами Чёрного моря.

Тоже не получилось. Блокировали наши Новороссийск. Держали под обстрелом все морские

подходы к городу.

Остановили советские воины фашистов. Застрял в Новороссийске, как в ловушке, фашистский мамонт.

Кавказские перевалы

Большой Кавказ. Кавказские горы. На сотни и сотни километров протянулись они от берегов Чёрного моря до берегов Каспийского.

За Кавказскими горами лежит Закавказье. Это три республики — Грузинская, Азербай-джанская и Армянская.

Разные пути ведут в Закавказье. Есть путь берегом Чёрного моря — через Новороссийск, Туапсе и Сочи.

Есть путь берегом Каспийского моря — через города Грозный, Махачкалу и Дербент.

Есть и ещё один путь. Третий.

Не прорвались фашисты в Закавказье со стороны Новороссийска берегом Чёрного моря. Не дошли со стороны Грозного и калмыцких степей даже до берегов Каспийского моря.

— В горы! В горы! — кричат фашисты. — В горы, на Кавказские перевалы. Кавказские перевалы и есть третий путь в Закавказье.

Перевалов несколько. Это знаменитый Крестовый перевал. Путь на него лежит через город Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ) и мрачное Дарьяльское ущелье. Это перевал Мамисонский,

перевал Клухорский. Перевалы Марухский, Умпырский, Санчаро, Псеашха, Донгуз-Орун-Баши. Есть и другие перевалы.

К перевалам и устремились теперь фашисты.

Вьются, вьются дороги в горы. Идут вдоль ущелий, в теснинах жмутся. Ползут на уступы, ползут на скалы. Всё выше, всё выше — туда, где лавины, где камнепады.

Вьются, вьются к вершинам тропы. Словно заячий след, петляют. Всё выше, всё выше — туда, где ветры штурмуют небо, где рассветы орлы встречают.

Три старинные дороги ведут в Закавказье: Военно-Грузинская, Военно-Осетинская, Военно-Сухумская. Есть и другие дороги. По старинным кавказским военным дорогам грозно война шагает.

Специальные части послали сюда фашисты. Дивизии легкопехотные, дивизии горнострелковые. Шагают стрелки альпийские, шагают стрелки тирольские, горные егеря.

Специальную науку прошли солдаты. Большие награды сулят фашистам. Грозная сила идёт к перевалам. Крадётся недруг к хребтам Кавказа.

Донгуз-Орун-Баши

Не верил солдат Трофимов, переспрашивал:
— Через перевал? Через Донгуз-Орун-Баши?
— Перейти?
— Целой дивизией?
— Вместе с ранеными?
— Вместе с населением?
— Перегнать скот?
— Переправить грузы?
— Сейчас?
— В это время?
— Глубокой осенью?
— Почти зимой?
— Не может быть!
Смеётся Надар Задиани:
— Может, может! Клянусь, как брату!

Дружит Трофимов с Надаром Задиани. Любому слову Надара верит. Но тут… Через Донгуз-Орун-Баши? Через перевал? Поздней осенью? Почти зимой? Перейти? Чудес не бывает.

Донгуз-Орун-Баши — один из самых трудных кавказских перевалов. Находится он в центральной части Кавказского хребта. Высота перевала достигает почти четырёх тысяч метров. Проходит

здесь едва заметная горная тропа. Летом и то с трудом осилишь такую тропу, такие высоты. С наступлением осени всякое движение через Донгуз-Орун-Баши вообще прекращается.

В ноябре наступает долгая горная зима. Перевал укрыт трёхметровым снегом, закован ледяной бронёй. Не подходи в эту пору к перевалу. Неприступной крепостью возвышается Донгуз-Орун-Баши.

Осенью 1942 года военная обстановка в Кавказских горах сложилась так, что одна из советских дивизий была отрезана от остальных войск. Прижали её фашисты к Баксанскому ущелью. Отрезана дивизия от наших. Прекратился подвоз в дивизию боеприпасов, перестало поступать горючее, продовольствие.

Уверены фашисты:

— В наших руках дивизия!

Положение дивизии осложнялось ещё и тем, что тут же, в Баксанском ущелье, находилось более трёхсот тяжелораненых советских бойцов. Тут же собралось и мирное население: старики, женщины, дети, которые не хотели оставаться под властью фашистов. Скопилось в ущелье и около двадцати тысяч голов колхозного скота — коровы, лошади, овцы. К этому надо добавить

различные военные грузы и тонны очень ценных для военной промышленности металлов — вольфрама и молибдена, которые были добыты тут, в горах, и которые надо было спасти, чтобы они не попали в руки фашистов.

Что же делать?

Пытались войска пробиться, отбросить фашистов. Силы неравные — не получилось. Путь к спасению только в одном: надо перешагнуть горы.

Верит в успех Надар Задиани. Вспоминает Суворова, суворовский переход через Альпы:

— Прошёл Суворов, и мы пройдём.

Не верит Трофимов. От мысли одной холодеет.

— В такую пору? Со скотом? С молибденом? Чудес не бывает.

Люди ждали приказа. Пришёл приказ.

Стояла середина ноября 1942 года.

Тронулись в путь солдаты. Трофимов и Надар Задиани оказались в головном отряде. Они помогали сапёрам пробивать сквозь лёд и скалы тропу для идущих войск. Для раненых были приготовлены специальные носилки, специальные санки. Для поднятия грузов к скалам прикреплялись лебёдки, протягивались канаты, вырубались ступени. Особая тропа, более пологая, проклады-

валась для скота.

Медленно, метр за метром, поднимались люди в горы. Идут солдаты, старики, дети. На груди у каждого висит мешочек. Таково общее правило. В этих мешочках вольфрам и молибден. У Трофимова и Надара Задиани тоже висит по мешочку. За плечами у солдат оружие и военное снаряжение.

Изнурительный был переход.

Деревенели ноги, но люди шли.

Ветер сбивал на землю. Скользили. Падали. Проклинали судьбу. Но шли.

С увеличением высоты воздух становился всё более разреженным. Дышать становилось всё труднее. Люди задыхались, но шли и шли.

Семь дней продолжался штурм перевала.

Перешли герои через Донгуз-Орун-Баши. Перенесли раненых, грузы. Перегнали скот.

— Перешли! — поражался солдат Трофимов. — Перешли. — Повернул голову, посмотрел на пройденный путь, на горы. — Перешли! Прав Надар: чудеса бывают!

«Ахтунг! Ахтунг!»

Лётчик-истребитель капитан Александр Покрышкин находился в воздухе. Внизу, изгибаясь, бежит Адагум. Это приток Кубани. Новороссийск виден вдали налево. Справа осталась станция Крымская.

Впился лётчик глазами в стекло кабины. Зорко следит за землёй, за небом. Голову влево, голову вправо. Голову кверху, голову вниз. Поправил очки, шлемофон, наушники. Вновь повёл головой по кругу. Снова — то вверх, то вниз.

В наушниках послышалось:

«Ахтунг! Ахтунг!» («Ахтунг» — значит «внимание».)

Речь немецкая.

«Ахтунг! Ахтунг!»

Голос тревожный.

«Что такое? — подумал Покрышкин. — Что же случилось там у фашистов?»

Снова повёл головой налево, повёл направо. «Что же такое тревожное там у фашистов?»

И вдруг:

«Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!»

Вот так «ахтунг!». Слышит Покрышкин: «По-

крышкин в воздухе!» Услышали «ахтунг!» на других наших самолетах. Услышали фашистский «ахтунг!» и внизу, на нашем командном пункте.

Ясно нашим, почему раздаётся фашистский «ахтунг!». Ясно и фашистским лётчикам, почему их предупреждают.

Двадцать самолётов врага сбил над Кубанью лётчик Покрышкин. (А до этого — над Днестром, над Днепром, над Донбассом, над Доном — и ещё двадцать.) Вчера лишь в одном бою над станцией Крымской уничтожил Покрышкин четыре неприятельских «мессершмитта». Четыре в одном бою!

«Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!»

Начал войну Покрышкин в её первый суровый час. В небе над Прутом, над нашей границей.

Здесь и сбил он в воздушном бою свой первый самолёт противника.

Отсюда и начался путь Покрышкина. За первым сбит второй самолёт врага. Вот третий. Вот сбито два самолёта в одном бою. Вот сам подбит зенитным огнём противника.

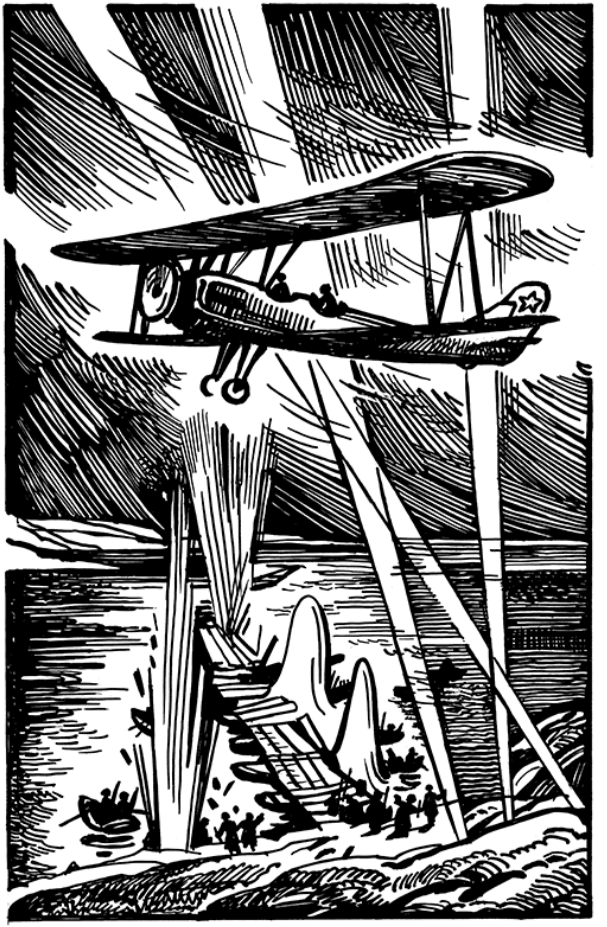
Снова бои, победы.

Вот снова чуть не погиб. Правда, не в воздухе, на земле. Налетели фашисты на наш аэродром. Покрышкин попал под бомбы. Рядом ударили

бомбы. Смерть?! Нет, жизнь! — не взорвались бомбы.

Снова полёты, бои, победы.

Снова смерть продышала рядом. То чуть не погиб при взлёте — остановился, заглох в самый важный момент мотор. То был подбит в воздушном бою зенитчиками. Снова на землю падал. Попал в окружение. Неделю шагал к своим.



Новый полёт. Ударила пуля в воздушном бою в наушники. Один сантиметр от смерти.

А вот и вовсе нелепый случай. На Кавказе. На горной дороге. Ехал Покрышкин в кузове грузовика. Ветер вольный бежит навстречу. Виды краше один другого бегут навстречу. И вдруг на спуске, на повороте, сорвалась машина в пропасть. Опередил на секунду Покрышкин падение машины. Выпрыгнул на ходу.

Снова полёты, полёты, бои, победы.

И снова нелепый случай. Летел Покрышкин пассажиром. Вдруг катастрофа. Самолёт на кусочки. Покрышкин цел.

Снова полёты, полёты, полёты. Снова бои, победы.

Всё больше их. Больше. Вот уже сбито 40 фашистских самолётов.

Бежит, нарастает счёт: 41, 42, 43, 44, 45… 51, 52, 53, 54, 55…

«Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!»

От первого до последнего дня войны сражался отважно с фашистами лётчик.

59 самолётов врага сбил в воздушных боях лётчик-истребитель Александр Иванович Покрышкин.

Стал он Героем Советского Союза.

Стал дважды Героем Советского Союза.

Стал трижды Героем Советского Союза.

Слава тебе, Александр Покрышкин, первый трижды Герой в стране!

Основной и демонстративный

Приближался час изгнания фашистов из Новороссийска. В освобождении Новороссийска, а затем и всего Таманского полуострова огромную роль сыграла Малая земля.

В феврале 1943 года сюда, на Малую землю, был высажен морской десант. Командовал смельчаками майор Цезарь Ку́ников.

Не называлась тогда Малая земля Малой землёй. Это за ней потом такое название укрепилось. Да и вообще поначалу основной десант должен был высадиться в другом месте. В тридцати километрах от Новороссийска, в районе Южная Озерейка. Туда и ушли главные силы. Задача же у майора Куникова была более скромная. Он получил приказ выйти на неприятельский берег рядом с Новороссийском, прямо у южной окраины города, у предместья Станичка. Десант назывался демонстративным. Его цель: отвлечь внимание фашистов, продемонстрировать, что якобы именно здесь, а не у Южной Озерейки наносится главный удар.

Однако на войне бывает всякое. Такое всякое произошло и здесь. Не смог закрепиться основной

десант у Южной Озерейки. Не подошли вовремя нужные силы. К тому же на море началась непогода.

А майор Куников у Станички не только успешно высадился, но и сразу же захватил небольшой плацдарм. Тогда-то и бросили на этот участок главные силы. Десант в этом месте из демонстративного стал основным.

Вскоре плацдарм расширился. Протянулся он по линии фронта в длину на шесть километров. А самая дальняя точка от моря уходила в глубину на четыре с половиной. Так образовалась территория, которая и стала называться Малой землёй.

В отряде майора Куникова было вначале всего 250 человек. Когда решено было высадить у Станички десант, Куников получил редкое для командира право самому, по своему выбору, отобрать бойцов в отряд. Набирались они из морских пехотинцев.

Многие стремились попасть в отряд Куникова. Однако некоторые побаивались — не возьмёт. Куников был добрым, внимательным и отзывчивым командиром, но внешне выглядел порой очень суровым.

Морские пехотинцы — народ зоркий, наблюда-

тельный. Разобрались они вскоре, что это только внешне, и то лишь порой, Куников кажется таким недоступным. Вот и стали некоторые из них, перед тем как идти к майору Куникову с просьбой зачислить их в десант, определять, какой вид в эту минуту у Куникова — добрый или суровый. Применили они десантные выражения. Добрый вид майора Куникова стали называть основным, суровый — демонстративным.

Соберутся желающие попасть в десант, переговариваются:

— Какой сейчас вид у майора Куникова?

— Демонстративный.

— Лучше не ходить.

Переждут немного:

— Какой сейчас вид у майора Куникова?

— Основной.

— Что же, пошли, братва.

Подобрались в отряде Куникова герой к герою, богатырь к богатырю. Пробились они сквозь фашистский заслон и огонь, захватили плацдарм у Станички. Пробились — за ними пришли другие. Все они стали малоземельцами. Ко всем великая солдатская слава пришла.

Герой Советского Союза майор Цезарь Куников не дожил до великого дня Победы. Он вскоре

погиб на Малой земле и похоронен в городе-герое Новороссийске.

Подвиг Корницкого

Помнят друзья этот миг. Помнят друзья этот взрыв. Светлая память Михаилу Корницкому!

На Малой земле, в районе Станички, фашисты окружили группу советских десантников. Укрылись наши солдаты в здании школы. В этой группе и был младший сержант Михаил Корницкий.

Начался бой с врагами. Стоит одиноко, как остров, школа. Фашисты со всех сторон.

Шла перестрелка.

Друг с другом спорили автоматы.

Летели гранаты.

Ясно фашистам: крепостью стала школа. Подтащили фашисты сюда орудие. Послали снаряды в школу.

Пробили снаряды стены. Пожар загулял по зданию. Всё выше, всё выше устремляются стрелы пламени. Искры каскадом сыплются.

Полыхает школа. Однако продолжается бой с фашистами.

Во время боя Михаил Корницкий был ранен осколком снаряда. Рана оказалась тяжёлой. Перевязали друзья Корницкого. Опустили осторожно

на пол. Пилотку под голову положили. Теряет десантник силы. Перестал быть бойцом боец.

Лежит Корницкий и думает: «Вот бы снова с друзьями вместе. Вот бы снова разить врагов».

Продолжается бой с фашистами. Всё сильней перепляс пожара. Торжествует победу над домом пламя.

Понимают солдаты: в одном спасение — надо покинуть дом. Да как здесь покинешь — Корницкий ранен. К тому же кругом засады. Если выйдешь из здания школы, значит, смерть или верный плен.

— Рус, сдавайся! — кричат фашисты.

Не покинули десантники школу. Решили: лучше погибнуть в огне, чем перед силой врагов склониться.

Наступили последние минуты боя.

Вдруг… Лежал Корницкий на полу. Никто не заметил, как он поднялся. Никто не заметил, как обвязал себя гранатами. Приготовил гранаты к взрыву.

— Прощайте, товарищи! — крикнул друзьям Корницкий.

Повернулись бойцы на голос. Видят: мелькнула спина Корницкого. Пригибаясь, выбежал он из здания. Рядом находилась каменная стена-ограда.

За ней и укрылась главная из фашистских засад.

Секунда. Вторая. Вот у стены Корницкий.

— Миша! Миша! — кричат бойцы.

— Да здравствует Родина! — прокричал Корницкий.

Откуда только взялась сила у воина! Снова боец Корницкий! Перемахнул через стену младший сержант Корницкий, прыгнул на головы фашистов.

Рванули гранаты. Стена разбита. Конец засаде.

Устремились десантники из горящего дома в проём стены. Пробили кольцо фашистов.

Не забудется этот миг. Не забудется этот взрыв. Вечная память Михаилу Корницкому!

Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Корницкому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Нептун»

Нептун — мифический бог, повелитель морского царства.

Не раз пытались фашисты покончить с Малой землёй, уничтожить плацдарм у Станички. 17 апреля 1943 года обрушились с особой силой.

Свою новую операцию фашисты назвали «Нептун».

Лавина огня и стали обрушилась на малоземельцев. Начала штурм тяжёлая артиллерия. Били снаряды, били, кромсали, кромсали землю. Ещё не окончили бить снаряды — появились в воздухе бомбардировщики. Бомбили, бомбили бомбардировщики, крушили, крушили землю. Ещё не отбросались бомбардировщики — появились грозные штурмовики. Пикировали, пикировали штурмовики, терзали, рвали, рвали на части землю. Ещё не покинули небо штурмовики — устремились на малоземельцев танки. Ревели, ревели танки. Грудью своей железной мяли Малую землю, мяли.

Отстрелялись, отбомбились, отштурмовались фашисты:

— Ну как там?

Не дрогнули малоземельцы.

— Ах так?!

Заработали вновь орудия. Загудели в воздухе бомбардировщики. Штурмовики стаей закрыли небо. Вновь заревели танки. Вновь застонала земля от боли. От ожогов кричали камни.

Отстрелялись, отбомбились, отштурмовались фашисты:

— Ну как там?

Не дрогнули малоземельцы.

Весь день не смолкал огонь. Кровавый смерч над Малой землёй свирепствовал.

Начался новый день.

Вновь всё сначала, сначала, сначала… Вновь полыхал огонь, вновь громыхал металл, дробилось на части небо.

Начался третий день.

Штурмуют, штурмуют, штурмуют плацдарм фашисты. Смерть ошалело повсюду пляшет.

Восемь дней и ночей бушевал «Нептун». Восемь дней и ночей фашистский безжалостный ураган над Малой землёй носился.

Не дрогнули, устояли малоземельцы.

Прекратили фашисты штурм, надорвался, утих «Нептун».

Смеются солдаты:

— Не выдержал суши!
— Не выдержал боя!
— В подводное царство к себе убрался!

«Берегись Бартова!»

Сержант Бартов числился мастером по вооружению. Редким он был умельцем: из ничего, из железного прута ружьё сделает.

Чинил Бартов винтовки, автоматы, пулемёты, противотанковые ружья, пистолеты, трофейное оружие разных систем. Всё неисправное несли Бартову. На Малой земле он старожил — куниковец, с первым отрядом прибыл.

Оберегали Бартова командиры. Погибнет такой мастер — не скоро найдёшь замену.

Однако сержант Бартов всё время рвался поближе к боям, на передовую.

Отроют солдаты под самым носом у фашистов окопы, возведут блиндажи. И Бартов тут же сразу пристроится. Отроет рядом индивидуальную ячейку.

Окопчик Бартова и есть его мастерская. Сюда и приносят к нему требующее ремонта оружие.

Гонят командиры его подальше от переднего края, грозят наказанием.

— Нельзя мне, нельзя, — говорит Бартов.

Знают другие, скажет сейчас Бартов: «Тут у меня испытательный полигон».

И верно.

— Тут у меня испытательный полигон, — говорит Бартов.

Бартов считает своей обязанностью не только отремонтировать винтовку, или пулемёт, или противотанковое ружьё, но и проверить его в деле, в бою.

Отремонтировал автомат.

Проверил.

Отремонтировал пулемёт.

Проверил.

Отремонтировал противотанковое ружьё.

На врагах проверил.

— ОТК! — смеются солдаты. — Отдел технического контроля.

Конечно, все понимают, что оружие можно проверить и в другом месте. Необязательно на передовой. Что Бартов хитрит, ищет повод быть поближе к бою.

Однако все понимают и то, что Бартов просто не может не бить фашистов. Что он настоящий боец.

Понимают это и командиры. Вот почему хотя и гонят они Бартова с передовой, хотя и грозят наказанием, однако в душе прощают.

Бартов не только испытывает в бою отремонти-

рованное им оружие, но и ходит со всеми в атаку. Ходит даже в разведку за «языками».

Выставляет Бартов в таких случаях над своим окопчиком дощечку. На дощечке надпись: «Мастерская закрыта на перерыв».

Видят эту дощечку и фашисты. Появилась дощечка — берегись Бартова!

С востока, с запада, с юга

Приближался день освобождения Новороссийска. Войска, штурмовавшие оборону фашистов, были разделены на три группы: две сухопутные и одну морскую. Первая группа должна была атаковать Новороссийск с востока. Вторая — это герои Малой земли — наносила удар с запада. Были ещё десантники — третья группа. Их задача: прорваться в город Новороссийск на судах с юга, с моря, через Цемесскую бухту. На берегах этой бухты и расположился Новороссийск.

9 сентября 1943 года в 2 часа 44 минуты утра штурм Новороссийска начался.

800 орудий обрушили свой огонь на врага. Заговорили знаменитые «катюши». В небе показались советские бомбардировщики. Застонала, загудела кругом земля.

Первыми на штурм города устремились торпедные катера. Минута. Вторая. Третья. Раздались взрывы страшной силы. Это катера наносили торпедный удар по береговой обороне фашистов, по молам и причалам новороссийского порта.

И сразу же к берегу стали подходить суда с десантниками. Бойцы быстро сбега́ли на берег и тут

же бросались в атаку. В это же самое время с востока, с запада — с Малой земли — устремились на фашистов сухопутные подразделения.

Крики, как волны, идут над берегом:

— Ура!

— Полундра!

— Вперёд!

— Даёшь!

Вспугнули крики ночную мглу. Проглянула заря в небе: что там происходит внизу, под небом?

Растерялись вначале фашисты от неожиданной нашей атаки. Однако вскоре пришли в себя. Огнём на огонь ответили.

Упорно держались фашисты за Новороссийск. Немного у них в руках здесь, на Кавказе, советской земли осталось. Понимают фашисты: не удержат Новороссийск — значит, конец мечтам и планам, значит, и вовсе беги с Кавказа.

Метр за метром продвигаются наши войска вперёд. В оборону врагов вгрызаются.

Безостановочно крики катятся:

— Ура!

— Полундра!

— Вперёд!

— Даёшь!

Шесть дней и шесть ночей шли упорные бои

за город. С запада, с юга, с востока нажимали, давили наши. Всё больше напора, всё больше гнева. Всё больше мощи, всё больше силы.

Не выдержали фашисты. Не удержались. Дрогнули. Побежали.

Освободили советские воины Новороссийск.

Уже после бойцы вспоминали:

— Тремя группами брали Новороссийск. — И называли: — С востока — раз, с запада, с Малой земли, — два, десантники с моря — три.

Всюду найдётся поперечный, несогласный. Оказался и тут такой.

— Не тремя брали, не тремя, а одной, — вдруг заявил поперечный.

— Не одной, а тремя, — поправляют бойцы. — Тремя!

— Одной, одной, — улыбается поперечный. — Одной! — И добавляет: — Неудержимой!

Гадание на Ромашкине

Есть такая игра-гадание: «любит, не любит», «будет, не будет» — гадание на ромашке.

Появился как-то в одной из наших частей боец-автоматчик Михаил Ромашкин.

Смотрят солдаты на Ромашкина, улыбаются, вспоминают игру-гадание:

— Любит, не любит, будет, не будет.

Нашёлся среди бойцов остряк и выдумщик. Предложил он гадание на Ромашкине.

Нет лепестков на Ромашкине. Нет лепестков, но… На то и смекалка солдатская.

Стали бойцы загадывать на шаги. Скажем, идёт Ромашкин, впереди какой-нибудь предмет — камень, допустим, или куст на дороге. Загадывают солдаты, на какое слово у этого камня или куста попадёт последний шаг Ромашкина: на «любит» или на «не любит», на «будет» или на «не будет».

Только увидят Ромашкина, сразу отсчёт начинается. Те, что гадают про любовь, твердят: «Любит, не любит». Те, что про разные другие слова загадывают, отсчитывают: «Будет, не будет».

Хорошо, удобно гадать на Ромашкине. Круглый год у него сезон.

Началось это гадание ещё в те дни, когда наши старались удержать город Грозный. Удержали наши тогда город Грозный.

На город Орджоникидзе потом гадали.

Отстояли воины Орджоникидзе.

На Нальчик гадали: отобьём, не отобьём у фашистов город Нальчик.

Отбили, освободили советские части Нальчик.

На многое гадали солдаты: будет ли письмо из дома, представят, не представят за бой к награде, завезут папиросы или махорку выдадут. Многое есть на что солдату загадать можно. Конечно, чушь, ерунда гадание. Да как-то подтолкнул солдат к забаве Ромашкин своей фамилией.

Летом 1943 года часть, в которой служил Ромашкин, была направлена под Новороссийск. Влилась она в 18-ю армию, которой командовал герой боев за Кавказ генерал Константин Николаевич Леселидзе.

Вскоре слух о рядовом Ромашкине и солдатской выдумке дошёл до командующего армией. Усмехнулся генерал Леселидзе, понимал он шутку:

— Забавно!

И вот — было это как раз накануне боев за освобождение Новороссийска — попался рядовой Ромашкин на глаза самому генералу. Был с

генералом Леселидзе его адъютант. Адъютант первым и заметил Ромашкина:

— Товарищ генерал, вот он, тот самый Ромашкин.

Посмотрел генерал — бравый солдат.

Заметил солдат генерала, подтянулся, перешёл на строевой шаг, отдал, как полагается, честь.

«Хорош солдат, хорош», — подумал про себя генерал.

Ромашкин пошёл дальше.

Глянул генерал Леселидзе — ветка валяется впереди на пути солдата. Смотрит генерал на ветку и вдруг неожиданно для себя начинает считать: «Будет, не будет, будет, не будет».

Конечно, уверен генерал Леселидзе, что освободят войска Новороссийск, что будет наша победа. Всё продумано, всё подготовлено, всё рассчитано. Чушь, ерунда, конечно, гадание, и всё же считает. Был даже рад, когда выпало быть удаче.

Ударили войска с востока, ударили с Малой земли — с запада. Высадили морской десант прямо в Новороссийский порт. Ворвались, освободили Новороссийск.

Вместе со всеми в боях за Новороссийск отличился и рядовой Ромашкин.

Висит на гимнастерке медаль у героя. Рады

товарищи за Ромашкина.

Верной ногой ступили солдаты на новороссийскую землю.

Твёрдой ногой, надёжной.

«Голубая линия»

От Новороссийска и далее на север, до самого Азовского моря, пересекая весь Таманский полуостров, тянулась сильно укреплённая полоса фашистской обороны. «Голубой линией» назвали её фашисты.

Думали захватчики отсидеться здесь, за этой полосой, за «Голубой линией», считали, что она окажется неприступной для нашей армии.

«Голубая». Не впервые встречается подобное название в фашистской армии. Действовала когда-то у них под Ленинградом «Голубая дивизия». Несладко пришлось дивизии. Потрепали её защитники Ленинграда. Пришлось дивизию снять с фронта. Шутили тогда ленинградцы: испарилась дивизия, как голубая мечта, растаяла.

Оказался здесь, на Тамани, боец, сражавшийся до этого под Ленинградом. Он и рассказал про «Голубую дивизию». Рассказал и тут же:

— Закон одного цвета.

Смотрят другие на ленинградца, впервые о таком законе слышат:

— Что такое?

— Какой закон?

— Закон одного цвета, — загадочно повторил боец.

«Голубая линия» действительно оказалась очень сильно укреплённой полосой в фашистской обороне Таманского полуострова. Одним из её участков был город Новороссийск. Трудным боем он нашим войскам достался. Нелегко пришлось и в других местах. И всё же не устояла фашистская «Голубая линия», рухнула. Перешагнули её солдаты. Перешагнули, дальше стали громить врага.

Встретился тут снова бойцам ленинградец:

— Ну что — нет больше «Голубой линии»?

— Нет.

— Как голубая мечта, растаяла?

— Растаяла.

Напомнил он про фашистскую «Голубую дивизию», что была под Ленинградом.

— Невезучий, выходит, для фашистов голубой цвет. Вот вам и закон одного цвета.

Смеются солдаты:

— Верно.

— Ловко, считай, придумал!

Да только один боец стоял, стоял и вдруг:

— Выше, браток, бери выше.

Повернулись к нему другие.

— Выше, — повторил боец. — Может, и есть закон одного цвета. Да тут вовсе другой закон.

Сразу к нему солдаты:

— Какой же новый ещё закон?

— Закон неизбежности, — произнёс боец.

Всё труднее, труднее в боях фашистам. Неизбежен их полный крах.

Рассказы о битве на Курской дуге

Первые залпы

Июль. Пятое. 1943 год. Короткая летняя ночь. Курская дуга. Не спят фашисты. На три часа утра назначено наступление. Отборные войска направлены сюда, под Курск. Лучшие солдаты. Лучшие офицеры и генералы. Лучшие танки, лучшие пушки. Самые быстрые самолёты. Таков приказ главаря фашистов — Адольфа Гитлера.

За тридцать минут до начала штурма начнут фашисты артиллерийскую атаку на советские позиции. Загрохочут пушки. Это будет в два тридцать. Пропашут снаряды советские позиции. Затем вперёд устремятся танки. За ними пойдёт пехота.

Притаились фашистские солдаты. Сигнала ждут. Нет-нет, на часы посмотрят. Вот два часа ночи. Два пять. Два десять. Двадцать минут до двух тридцати осталось. Пятнадцать, десять минут осталось. Десять минут, и тогда…

И вдруг! Что такое?! Не могут понять фашистские солдаты, что же вокруг случилось? Не от них, не со стороны фашистских позиций, а оттуда, от русских, прорвав рассвет, огненным гневом ударили пушки. Покатился смертельный вал.

Вот подошёл к окопам. Вот заплясал, закружил над окопами. Вот поднял землю к небу. Вот вновь металлом забил, как градом.

В чём же дело?

Оказалось, советским разведчикам удалось установить точные сроки фашистского наступления. День в день. Час в час. Минута в минуту. Не упустили удачу наши. Упредили фашистов. По готовым к атаке фашистским войскам первыми всей силой огня ударили.

Заметались фашистские генералы. Задержалось у них наступление. Прижались к земле фашистские солдаты. Не тронулись с исходных позиций фашистские танки. Не успели артиллеристы открыть огонь. Лишь через несколько часов смогли фашисты пойти в атаку. Однако без прежнего энтузиазма.

Шутили у нас в окопах:

— Не тот теперь выдох!

— Не тот замах!

И всё же сила у фашистов была огромная. Рвутся они к победе. Верят они в победу.

Звероловы

Долго готовились фашисты к Курской битве. Дважды начало её откладывали. То не готовы новые танки. То не готовы новые пушки. То новые самолёты не закончили испытания.

Готовились фашисты к наступлению. К наступлению готовились и наши войска. И наши приняли решение ударить по фашистам именно здесь, в районе Курского выступа. Ставка Верховного Главнокомандования рассматривала вопрос: наступать первыми или выждать? Решили — выждать. План у советских войск был такой: пусть первыми ударят фашисты, мы их сдержим, обессилим в упорных оборонительных боях, а затем, выбрав удобный момент, сами перейдём в наступление.

Такое ведение войны называется контрнаступлением. Утвердила Ставка Верховного Главнокомандования этот план.

Наступление под Курском фашисты начали с двух направлений. Они наносили удар по Курску с севера, со стороны города Орла, и с юга, со стороны города Белгорода. Прорваться к Курску, захватить в огромный мешок советские войска,

которые находились на Курском выступе, разбить, уничтожить, пленить эти войска — таковы намерения у фашистов.

Дождались фашисты новой военной техники. К началу Курской битвы у них появились сразу два новых танка. Один из них фашисты назвали «тигр», второй — «пантера». Была у врагов и ещё одна новинка — самоходное очень мощное орудие «фердинанд». Началась битва. Пошли в атаку «тигры», «пантеры» и «фердинанды».

Не приметно ничем селение Ольхова́тка: поле, овраги, ручьи в оврагах. Метры родной земли. Грозный бой развернулся на этих метрах.

С севера, со стороны Орла, фашисты направили удар на Ольховатку.

В числе войск, сражавшихся под Ольховаткой, находился истребительно-противотанковый полк. Служили в полку два брата: Никита Забродин и Степан Забродин. Оба рослые. Оба красивые. Сержанты оба. Один и другой командиры орудий. Родом они из Сибири. Работали до войны звероловами.

Знают солдаты в полку, что у фашистов «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Смеются солдаты, кивают братьям:

— По вашей, выходит, части!

— Верно, по нашей, — сказал Степан.

— Согласен, по нашей, — сказал Никита.

Заработали их расчёты.

Лихо сражался Степан Забродин. Не торопился, стрелял с умом. Не бил в лобовую броню. Метил противнику в бок. Тут у танков броня не такая толстая. Выходят из строя «тигры».

Не уступает брату и Никита Забродин. Ловок в бою Никита. Этому больше везёт в «пантерах». Выстрел. Выстрел. И снова выстрел. Замирают в прыжках «пантеры».

А слева и справа другие стоят солдаты. И у этих в бою удача. Однако у Забродиных всё же больше. Три танка подбил Степан. Три танка подбил Никита.

— Звероловы, как есть звероловы! — смеются солдаты.

Под Ольховаткой были в героях не только одни Забродины. Многие там отличились. И артиллеристы, и танкисты, и пехотинцы, и авиаторы. Не взяли враги Ольховатку. Отстояли её солдаты.

Особые

Не смогли фашисты через Ольховатку на Курск прорваться, повернули на станцию По́ныри.

Здесь, как и под Ольховаткой, вновь много советских бойцов отличилось. Был в их числе и артиллерийский расчёт, которым командовал ефрейтор Кузьма Андреевич Зуев.

На время боя орудие Зуева было придано небольшому пехотному подразделению. Прибыла пушка в подразделение.

Окружили её солдаты.

Среди пехотинцев много совсем молодых бойцов. Есть и такие, которые пушку впервые так близко видят. Смотрят солдаты: кто издали, кто ближе подходит. А один и вовсе шагнул к орудию. Колёса потрогал, пощупал лафет, ствол, словно по шее коня, похлопал. Обратился к артиллеристам:

— Здо́рово лупит?

— Молния-гром!

Замаскировали артиллеристы орудие, установили так, чтобы фашисты не сразу его заметили, приготовились к бою.

Вот и фашистские танки пошли в атаку. Выжи-

дают артиллеристы. Выжидают бойцы в окопах.

Ближе танки. Всё ближе.

«Чего не стреляют?! Чего не стреляют?!» — тревога прошла в окопах.

И вот ударила грозно пушка. Считают огонь солдаты:

— Раз!

— Два!

— Три!

Посмотрели теперь на поле:

Раз.

Два.

Три.

Три фашистских танка стоят подбитыми. Прошёл по окопам восторженный гул:

— Вот так ребята!

— Вот так орудие!

— Молния-гром! — заключает тот самый, который пушку, словно по шее коня, похлопал.

Продолжается бой. Опять фашисты идут в атаку. Опять пушка огонь открыла. Смотрят солдаты: четыре новых танка стоят подбитыми. А за этими снова три.

И вновь в окопах:

— Вот так расчёт!

— Глаз как алмаз!

— Пушка, братцы, у них особая!

— Да что там пушка — люди они особые!

Сказали бойцы и сглазили. Определили фашисты место, где стояла в укрытии наша пушка. Разбили фашисты советскую пушку.

Замолчала пушка. А фашисты идут и идут. Всё ближе они к нашим окопам.

Вступили пехотинцы теперь в сражение. Подпустили к окопам танки. Полетели гранаты в танки.

Наблюдают артиллеристы. Ловко бросают бойцы гранаты. Считают артиллеристы подбитые танки:

— Раз!

— Два!

— Три!

Не сдержались артиллеристы:

— Вот так ребята!

— Вот так гранаты!

Продолжается бой. Нелегка для фашистских танков схватка с героями. Вновь выходят из строя фашистские танки. К подбитым прибавляются новые. Считают артиллеристы и эти новые.

Не могут артиллеристы скрыть своего восторга:

— Вот так пехота!

— Глаз — ватерпас!

— Гранаты, братцы, у них особые.

— Да что гранаты — люди они особые!

Много под Понырями было солдат «особых», много «особых» гранат и пушек. Стойко стояли в боях солдаты. Сдержали они фашистов. Не прорвались и под Понырями фашисты к Курску. Снова бросились на Ольховатку. Неприступна опять Ольховатка.

Рассчитывали фашисты отсюда, с севера, со стороны Орла, Ольховатки и Понырей, быстро вперёд пробиться. А продвинулись всего лишь на десять — двенадцать километров. Продвинулись. Остановились. Дальше к Курску пути закрыты.

Вальс Добрянского

Бой шёл в районе шоссе Белгород — Обоя́нь. Наступали фашистские танки. Впереди двигались «тигры».

Недалеко от наших окопов находился наблюдательный пункт. Два советских бойца, два солдата-разведчика, прижались к земле и следили за движением вражеских танков.

Один из «тигров» заметил советских воинов. Решили фашисты раздавить наших солдат. Направили танк на разведчиков. Ползёт, как утюг, махина. Всё ближе, всё ближе. Занял полполя, занял полнеба. Секунда, вторая. Рывок — и всё.

Не выдержал один из бойцов. Вскочил с земли, побежал по полю. Фашисты открыли пулемётный огонь. Рухнул солдат на землю.

Второй же боец, Анатолий Добрянский, остался лежать на месте. Подошёл к нему вражеский танк, только подмять собрался, как вдруг вскочил Добрянский. Метнулся к танку. Прижался к «тигру», к борту, к его броне.

Смотрят из окопов бойцы на Добрянского:

— Хитрец!

— Мудрец!

Неуязвимый для «тигра», для его пулемётов оказался теперь Добрянский.

Тогда фашистский танк начал кружить по полю. Пытается он раздавить смельчака. Но и вправду смышлёный солдат Добрянский. Кружит он вместе с танком, не отрывается от брони.

И снова доносится из окопов:

— Герой!

— Молодец!

Кружил Добрянский вместе с танком, кружил, вдруг видит: рядом окоп. Прыгнул в окоп Добрянский, укрылся от страшной смерти.

Смотрят фашисты. Где же боец? Провалился под землю? Бронёй придавлен? Увидели окоп. Вот где солдат укрылся. Примяли, притоптали танком окоп фашисты. Дальше пошли по полю.

Решили фашисты — погиб солдат. А Добрянский цел, невредим. Поднялся, швырнул бутылку с горючей жидкостью. Точно бросал боец. Попал в уходящий фашистский танк. Прямо туда, где с горючим баки.

Вспыхнул фашистский танк, как факел.

Смеялись потом бойцы, вспоминая, как Добрянский с танком кружил по полю.

— Здóрово ты вальсировал!

— Кавалер из тебя заправский!

Подвиг рядового Добрянского для многих бойцов послужил наукой. Даже специально в частях изучали, как лучше, если возникнет во время боя надобность, вплотную прижаться к танку.

Идут у бойцов занятия.

— Что изучаете?

— Науку военную.

— Как называется?

— Вальс Добрянского.

«ЧЁрный день»

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка, южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Через Прохоровку проходила железная дорога из Белгорода на Курск. Сюда и устремились теперь фашисты. Движутся фашистские танки — «тигры», «пантеры» и самоходные орудия — «фердинанды» на Прохоровку. А в это время навстречу фашистам идёт советская танковая армия. Встретились танки. Вступили в бой.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют фашистские «тигры» своё преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Умело бьются советские танкисты. Достаётся

фашистским «тиграм». Но и наши несут потери. Разгорается ярче битва.

На помощь танкам пришли самолёты. Повисли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши и фашистские — смешались в небе. И там, под солнцем, грохочет битва.

На помощь танкам пришла артиллерия. Наша и фашистская. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчёты. Снаряды дырявят небо и землю.

Солнце давно в зените. В полном разгаре битва.

Плацдарм, на котором идёт сражение, совсем невелик. Река Псёл — с одной стороны. С другой — железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно машинам на поле. Чуть ли не трутся они бортами. Всё больше, всё больше подбитых танков. Кострами пылает поле — то догорают танки. Дым над землёй поднялся, завесой окутал поле. Солнце в чаду, в тумане, словно чадру надело. Не утихает, грохочет битва. Самолёты всё так же в небе. Всё так же не умолкает раскат орудий.

…Клонилось солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой всё шёл, всё не кончался.

И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за кем здесь сила. Но вот над полем пронеслось: отходят «тигры». И вслед за этим как гром:

— Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой.

Был восьмой день Курской битвы. «Чёрным днём» назвали его фашисты.

Наступление на юге от Курска, так же как и на севере, закончилось для фашистов полным провалом. Всего лишь на 35 километров смогли здесь фашисты вперёд продвинуться. Остановили и тут наши войска фашистов.

«Курские соловьи»

Побывайте под Курском в мае. Заливаются, щёлкают курские соловьи.

В Курской битве вместе с другими войсками сражались и подразделения гвардейских миномётов. Гвардейские миномёты — это знаменитые «катюши».

В первые дни войны у нас было всего лишь несколько «катюш». В Курской битве принимали участие уже целые части и соединения.

Любили солдаты огонь «катюш». Уважали лихих миномётчиков. Летели снаряды «катюш» с характерным и звонким свистом. Всего милее солдатскому сердцу был этот свист.

Вот и прозвали бойцы солдат-миномётчиков «курскими соловьями».

Началась Курская битва. Засвистали, защёлкали «курские соловьи». Били фашистов в дни наступления. Били и после, когда наши, сдержав фашистов, сами пошли вперёд.

Особенно досталось фашистам от наших «катюш» в боях южнее города Обояни. Здесь, рядом с шоссе, идущим на Обоянь из Белгорода, расположился гвардейский миномётный полк

полковника Бондаренко.

Стояли «катюши» в засаде. Ждали команды к бою. Вдоль шоссе на Обоянь наступали фашистские танки. Словно железная стена надвигалась. Нет, казалось, врагу преграды.

Тут и грянул раскат «катюш». Отстрелялись «катюши», откланялись. В грудах металла поле.

Приехал к месту боя командующий:

— Молодцы! Хороша работа. Кто пропел тут фашистам песню?

Отвечают ему:

— «Курские соловьи».

В новом месте пытались фашисты затем прорваться. Шла пехота и снова танки. Но и здесь «катюши» в засадах были. Отстрелялись «катюши», откланялись. Не прошли здесь фашисты. Бежит пехота. В степи догорают танки.

В третьем, в четвёртом — во многих местах под Курском сражались тогда «катюши». В числе первых пошли они и в контрнаступление. Едут по полю гвардейские миномёты. Меняют полки позиции. Снова грохочут залпы. Слышат солдаты залпы — в улыбках душа и лица:

— Наши запели.

— Наши.

От солдата идёт к солдату:

— «Курские соловьи»!

Москва – Иркутск

А это было до Курской битвы. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю.

Вдруг — автомашина «виллис». Из штаба фронта. Остановился «виллис». Вышли двое. Один из приехавших — капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам: сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

— Инженер-капитан, сколько же мы отрыли?

Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Рязани, — сказал капитан. Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

— До Рязани?! — сорвалось солдатское удивление.

— До Рязани, — сказал капитан.

Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы.

Через какое-то время опять приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Казани, — сказал капитан.

— До Казани?! — удивляются опять солдаты.

— До Казани, — подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Осмотрел, обошёл округу. Какие-то записи снова сделал. Умчался ракетой «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись пóтом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвёртый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

— От Москвы до Свердловска (ныне Екатеринбург), — сказал капитан в третий раз.

Довольны солдаты:

— Значит, Урал пошёл!

— Урал, — соглашается капитан.

— От Москвы до Тюмени, — сказал в четвёртый раз.

Смеются солдаты:

— Значит, Сибирь пошла!

— Сибирь, — соглашается капитан.

— От Москвы до Иркутска, — сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

— До Байкала, никак, прорыли. Здравствуй, старик Байкал!

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степной, Юго-Западный, Западный…

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

— Мы этих окопов за всю войну, считай, до небес, до самой Луны и назад прорыли!

— До Марса, считай!

— До Юпитера!

Окопы, окопы. Мозоли солдатские. Ещё одна

дань войне.

Обида

Во время Курского сражения советскими войсками было взято в плен более 20 фашистских генералов.

Солдат Каюров в боях заслужен. С первой минуты солдат на фронте.

И вот Каюров в большой обиде.

Ворчит Каюров:

— Подумать только! Мальчишка прибыл. Лишь день воюет. Не видел лиха. Не нюхал смерти. И вдруг такое!

Солдат Неверов и вправду молод. Лишь день как в роте. Птенец, и только. И вдруг такое!

— Нет правды в мире, — ворчит Каюров.

Так в чём же дело?!

На диво роте, на диво части привёл Неверов в плен генерала.

Фашист сверхважный. Кресты, погоны. Штаны в лампасах. Фуражка с крабом. Идёт, как аист. Как коршун смотрит.

Бурчит Каюров:

— Где справедливость!

Достал Каюров кисет, махорку. Свернул цигарку. Затяжку сделал.

Отхож Каюров. Душой не злобен.

Остыл Каюров. И вспомнил время. Совсем другое. Тот год зловещий. То лето злое.

В тот час тяжёлый на вес бриллианта был каждый пленный. Тогда ефрейтор казался дивом. А нынче гляньте: в плен генерала ведёт Неверов.

Неверов — в плен генерала.

Вздохнул Каюров солдатской грудью. Вот отошла обида льдиной. И ветерану стал мил и дорог птенец Неверов, что день на фронте. Птенец Не-

веров и это время.
Другое время.
Другие были.

Хороши у гиганта лапы

Партизаны!

Как огня боялись фашисты народных мстителей. Перед началом Курской битвы фашисты приняли решение уничтожить партизан, которые действовали у них в тылу, в Брянских лесах.

Направили против партизанских отрядов фашисты свои войска. Не роту, не батальон. Целую дивизию.

Втянулась дивизия в бой.

Мало одной дивизии.

Добавили вторую.

Мало.

Добавили третью. Затем — четвёртую, пятую, шестую. Потом добавили танковую дивизию. Затем прислали сюда самолёты. Не пять, не десять. А целых сто.

Но и этого было мало.

Почти целую армию пришлось снять фашистам с фронта и направить её в Брянские леса.

Командующим войсками, действующими против партизан в Брянских лесах, был назначен генерал-лейтенант Борнеманн.

Ведут фашисты борьбу с партизанами. Посту-

пают к Борнеманну радостные доклады: мол, и в одном, и в другом, и в пятом, и в десятом месте уничтожены брянские партизаны.

— Уничтожены!

— Уничтожены!

— Уничтожены!

Докладывают Борнеманну: всё спокойно кругом, всё тихо, тише быть не может.

Выехал Борнеманн на проверку. Плавно бежит машина. Достигла соседнего поля. Поравнялась с соседним лесом. Всё спокойно кругом. Всё тихо.

Приятно смотреть на кусты, на дубы, на ели. Вот он, загадочный Брянский лес. Птицы щебечут, укрывшись в кронах. Солнце сквозь листья бросает жемчужный свет.

Едет машина. Вот дуб-богатырь появился справа. Вот ель-великан появилась слева.

Залюбовался каратель елью. Хороши у гиганта лапы.

И вдруг! Что такое?

Расступились хвойные лапы. Поднялись на генерала в упор автоматы. Просвистали, прощёлкали пули. Вновь сомкнулись у ели ветви. Вновь тишина на лесной дороге.

В машине, в портфеле у генерала, партизаны обнаружили очень важные документы. Были

здесь и приказы из Берлина, и секретные штабные бумаги, и карты, и тоже секретные и даже особо секретные, как раз именно те, на которых указывалось расположение фашистских войск в самом преддверии Курской битвы.

В тот же день партизаны связались с нашими войсками, и портфель генерала Борнеманна специальным самолётом был отправлен в Москву.

Много отважных подвигов совершили брянские партизаны, помогая героям Курской битвы. Они и сами были её героями.

Беркут

Отступают фашисты. Отходят, отводят, спасают уцелевшие в боях под Курском военные части и боевую технику.

Преследуют, наносят по отходящим фашистам удары наши.

Было это у города Гра́йворона. В один из наших авиационных полков пришло от разведчиков донесение. Сообщали разведчики: в небе фашистские самолёты. Замкнули над чем-то круг. До самой земли пикируют.

Ясно командирам: атакуют фашисты какую-то нашу часть.

Послали командиры вперёд самолёты. Приказ: отогнать фашистов и взять под защиту советские подразделения.

Поднялись в воздух советские самолёты. В составе своей эскадрильи летел и лейтенант Абиш Куланбаев. Зорок, как беркут, Абиш Куланбаев. Достигли лётчики цели. Ринулись в атаку. Отогнали фашистов. Смотрят на землю: что там за части? Видят, идут колонны: танки, орудия, автомашины. И слева — колонны. И справа — колонны.

— Что за войска? — гадают лётчики. — Хозяйство Петрова? Хозяйство Смирнова? Танки майора Багир-оглы?

— Что за войска? — гадает и Абиш Куланбаев.

Зорок, как беркут, Абиш Куланбаев. Спустился он ниже, вгляделся. И вдруг: фашистские кресты на бортах у танков. «Так это не наши идут колонны! Это — фашисты!»

— Фашисты! — кричит Куланбаев.

Верно. Действительно, шли фашисты. А фашистские самолёты над ними кружили и их атаковали — так, для отвода глаз. Пойди сообрази, что на своих же они пикируют. На это и был у фашистов расчёт. Пытались нас обмануть. Увезти без потерь боевую технику.

Разобрались, однако, наши. Открыли по врагам ураганный артиллерийский огонь. Прилетели советские бомбардировщики. Подошли советские пехотинцы.

Не спасла фашистов фашистская хитрость. Разгромили фашистов наши.

Лейтенант Абиш Куланбаев ходил в героях.

— Беркут, беркут! — кругом шутили.

К боевой награде представили лётчика. Узнал о зоркости Куланбаева и генерал Ватутин. Как раз в составе фронта, которым командовал Ватутин,

и сражался лейтенант Куланбаев. Утвердил генерал награду.

— Беркут, — сказал Ватутин.

Необычная операция

На хитрость врага отвечали и наши военной хитростью.

Поражался Макарка Зяблов. Непонятное что-то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабкой недалеко от города Су́джи, в небольшом рабочем посёлке при станции Локинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Макарка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Макарка, что побили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хоть и мал, да с умом Макарка, видит: приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Макарка как-то рядом с путями. Видит: новый пришёл эшелон. Танки стоят на платформах. Много. Принялся мальчик танки считать. Присмотрелся — а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабке.

— Деревянные, — шепчет, — танки.

— Неужто?! — всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, танки.

Поднял старый глаза на внука.

Помчался мальчишка к станции. Смотрит: снова идёт эшелон. Остановился состав. Глянул Макарка — пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Макарка — так ведь пушки тоже, никак, деревянные! Вместо стволов — кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабке.

— Деревянные, — шепчет, — пушки.

— Неужто?! — всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, пушки.

— Что-то новое, — молвил дед.

Много непонятного творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли этих ящиков. Доволен Макарка:

— Здóрово всыпят фашистам наши!

И вдруг узнаёт: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то — и целые горы?!» — гадает мальчик.

А вот и совсем непонятное. Приходят сюда вой-

ска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

— Наши идут! Наши идут! — голосит Макарка.

Лёгкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами.

Дотемна всё крутился рядом. Утром снова бежит к солдатам. И тут узнаёт: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Макарка, опять гадает.

Не знал Макарка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолётов разведку за советскими войсками. Видят: приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки.

Замечают фашисты и горы ящиков со снарядами. Засекают, что движутся сюда войска. Много. За колонной идёт колонна. Видят фашисты, как подходят войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам: вот где готовится новое русское наступление! Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули — и тут удар! Однако не под Суджей. В другом месте ударили наши. Прорвали наши фашистский фронт.

«Кутузов»

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов известен всем. Это под его командованием русская армия в 1812 году разгромила полчища французского императора Наполеона I и изгнала их из России.

«Кутузов» — так была названа одна из советских военных наступательных операций во время Курской битвы. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дал этой операции имя великого русского полководца. Цель операции «Кутузов» — окончательно разгромить фашистские войска, действовавшие севернее Курска, и освободить город Орёл. На город Орёл и направили свой удар советские войска.

Вокруг Орла фашисты создали мощную оборону. Минные поля, проволочные заграждения, глубокие окопы и укреплённые траншеи со всех сторон прикрывали подходы к городу. Обороной Орла командовал фашистский генерал Мóдель, который получил прозвище «Лев обороны».

Узнали наши солдаты про Моделя:

— «Лев обороны»! Посмотрим, что от фашистского льва останется.

В наступлении на фашистов, державших оборону в районе Орла, принимало участие сразу три фронта: Центральный, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский, Брянский и Западный. Первым ударил Западный — с севера на Орёл.

Загремели, заговорили пушки. Началось то, что называют военные артиллерийской подготовкой. Вот закончится артподготовка, замолкнут пушки, и лишь тогда в атаку ринутся пехота и танки. Всё сильнее, сильнее гремят орудия. Ждут фашисты, когда окончится артподготовка, знают: раньше не быть атаке.

И вдруг перед фашистскими окопами появились советские войска. Не умолкают, грохочут пушки, а тут — войска!

— Как?

— Чудом каким?

— Откуда?!

В боях под Орлом был применён новый советский военный приём: солдаты пошли в атаку, не дожидаясь конца артподготовки. Рвутся ещё снаряды. Укрылись фашисты поглубже в землю, забились в свои окопы. А наши солдаты уже в атаке. Идут сразу же за огневым валом, сразу же за разрывами наших снарядов.

Не ожидали фашисты такой атаки. Растерялись. Замешкались.

Упустили для действий ответных время.

Ударил Западный фронт, и тут же ударил с востока Брянский.

Заметались фашисты. Помощь нужна! Помощь!

Стягивают они войска с юга, оттуда, где стоял готовый к атаке на север Центральный фронт. А тут ударил Центральный фронт.

С севера, с юга, с востока пошли войска.

Сокрушили, смяли войска трёх советских фронтов фашистскую оборону. Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски провели операцию «Кутузов».

Докладывают в Москве Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину:

— Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски войска провели «Кутузова».

Кабинет. Длинный стол. Стена. Поднял товарищ Сталин глаза. Два портрета висят напротив — портрет Суворова, портрет Кутузова.

Улыбнулся краешком глаз Верховный. Долго смотрел на портрет фельдмаршала.

«Румянцев»

Румянцев тоже фельдмаршал. Тоже прославленный русский полководец. Отличился фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев в сражениях с Турцией. Молодой генерал Суворов сражался в подчинении у Румянцева.

«Румянцев» — так называлась вторая наша наступательная операция, которую советские войска провели во время великой Курской битвы.

Задача «Румянцева» — ударить по войскам, которые находились южнее Курска, разгромить здесь фашистов, освободить город Белгород, с боем ворваться в Харьков.

Два фронта готовились к наступлению: Воронежский, которым командовал генерал Ватутин, и стоявший южнее Степной во главе с генералом Коневым.

Началась операция «Румянцев». И вот в одном из стрелковых полков оказался солдат Румянцев.

Смешно солдатам от такого совпадения:

— И там «Румянцев», и ты Румянцев!

— Ты, может, потомком будешь?

Посмотрел на солдат Румянцев.

— Потомок, — сказал Румянцев.

— Да ну?!

— Откуда знаешь?

— А чем докажешь?

— Потомок, — опять повторил Румянцев.

…На юге, так же как на севере под Орлом, фашисты возвели мощные оборонительные сооружения. И тут окопы, и тут заслоны. Всюду пушки, всюду мины. Нелегко здесь солдатам вперёд прорваться. Тут нужны герои-солдаты.

Накануне сражения полк, в котором служил Румянцев, был выдвинут к линии наступления. Совершали солдаты стремительный марш-бросок.

Шагают солдаты, а сами нет-нет глазом скосят на Румянцева. Каков он, солдат, в походе?

Идёт солдат. Землю шагом солдатским мерит. Едва поспевают за ним другие.

— Ничего, — рассуждают солдаты. — Солдатскую стать имеет.

Ночевали солдаты во время похода. Расположились в степи, в овраге. Готовятся солдаты ко сну, к покою. А сами нет-нет на Румянцева глянут. Каков он, солдат, на привале?

Расположился солдат на отдых. Первым делом свой автомат прочистил. Сбегал к ручью, воды

принёс и себе и товарищам. Поделился с соседом куревом.

— Подходящ, — рассуждают солдаты, — что-то в солдате солдатское есть.

Утром шагнули бойцы в сражение. В атаке, в жарком бою солдаты, а сами нет-нет на Румянцева снова глянут: каков он в бою, Румянцев?

Лих оказался в бою Румянцев, бил фашистов направо-налево. Пулям не кланялся. За спину других не лез.

— Братцы, вперёд! — увлекал солдат.

Смотрят солдаты.

— Хорош! Молодец! Ничего не скажешь. Настоящий, видать, солдат.

Сокрушили советские войска фашистскую оборону. С боем ворвались солдаты в Белгород. А вскоре освободили они и Харьков.

Повстречали солдаты солдата Румянцева. Не даёт покоя бойцам неясность.

— Признайся же, братец, ты потомок того Румянцева?

Посмотрел солдат на бойцов загадочно.

— Потомок, потомок. Все мы потомки, — сказал солдат. — Потомки Румянцева. Внуки Кутузова.

Поклон победителям

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

— Лётчики — вот кто лучше других сражался, — брошено первое мнение.

— Верно!

— Верно! — пошла поддержка.

И верно, отличились под Курском лётчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

— Лётчикам честь и слава. Почёт наш великий лётчикам, — соглашается чей-то голос.

И тут же: — Однако под Курском не лётчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение.

— Танкисты!

— Танкисты! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломили они фашистов. Если скажешь: «Герои Курска», — первым делом на память идут танкисты.

— Танкисты — народ геройский. Нет тут другого мнения, — снова раздался голос. — А всё же если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

— Артиллеристы!

— Артиллеристы! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои — другого не скажешь про артиллеристов. Говорили в те годы: «Артиллерия — бог войны».

— Артиллеристы, конечно, боги, — соглашается чей-то голос. — И всё же если речь тут идёт о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота — вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал своё главное слово.

— Пехота!

— Пехота! — дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг:

— Лётчики в лучших!

— Танкисты в первых!

— Артиллеристы!

— Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь пробасил надо всеми басами голос:

— Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приёмнику. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырёх орудий.

И тут же слова о героях битвы: о лётчиках и танкистах, об артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им и честь и слава.

Салют в честь войск, освободивших Орёл и Белгород, был первым салютом Москвы победителям. С этого дня и пошли салюты.

Великой победой нашей армии завершилась грандиозная Курская битва.

Рассказы о героическом Севастополе

Пять и десять

Десять танков ползут по полю. А в обороне лишь пять матросов. Десять танков и пять матросов. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

1941 год. Октябрь. Фашисты прорвались в Крым, подошли к Севастополю. Начались бои на оборонительных севастопольских рубежах.

Одна из фашистских танковых колонн приближалась к селению Дуванкóй.

Двигались танки. За ними пехота. Место открытое. Вдруг блиндаж. Огонь ударил врагам навстречу. Минута, вторая. И вот четыре танка горят, как порох.

Повернули назад фашисты:

— Там «чёрная туча»!

— Там «чёрные дьяволы»!

— «Чёрная смерть»!

«Чёрная туча», «чёрные дьяволы», «чёрная смерть» — так фашисты называли советских моряков. Боялись они матросов.

В блиндаже под Дуванкоем действительно были матросы. Не туча, правда. Лишь пять человек. Комсомольцы Юрий Паршин, Василий Цибуль-

ко, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Пятым — старшим — был политрук коммунист Николай Дмитриевич Фильченков.

Отходят фашисты:

— Там «чёрная туча»!

— Там «чёрные дьяволы»!

— «Чёрная смерть»!

Прошло несколько часов, прежде чем фашисты вновь начали здесь наступление. Снова танки ползут по полю. Гудят моторы. Скрипит железо.

— Ближе, подпускай ближе, — командует Фильченков. — Не торопись, ребята!

— Не торопись, Цибулько, — повторяет себе Цибулько.

— Не торопись, не торопись, не торопись, — повторяют Паршин, Одинцов, Красносельский.

— Давай! — командует Фильченков.

Полетели вперёд гранаты. Полетели бутылки с горючей жидкостью. Застрочили потом пулемёты. И снова гранаты. И снова бутылки с горючей смесью.

Застыло, казалось, время. Секунды идут годами.

Вновь отошли фашисты. Переждали. Перестроились. Снова пошли в атаку. В бою матросы. В крови тельняшки. Огонь, как лава, съедает

травы.

— Давай, ребята!

— Держись, ребята!

Летят гранаты. Долго длился упорный бой. Но вот у моряков вышел запас патронов. Нет больше бутылок с горючей жидкостью. Вот-вот и конец гранатам.

Тогда поднялся политрук Фильченков. Увлёк матросов вперёд в атаку. Вперёд на танки пошли герои. Гранаты в руки. Навстречу силе. Навстречу смерти. Навстречу славе.

Когда к героям пробилась помощь, бой был закончен. Дымились танки. Их было десять.

Металл и люди. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

Сегодня в небо под Дуванкоем гранёным шпилем поднялся мрамор. То дань бесстрашным, то дань отважным. И сокол плавно парит над полем. Хранит он небо и сон героев.

Тройка

Подошли к Севастополю фашисты. Блокировали город с суши. Путь к Севастополю — только морем. Но и морем пути опасны.

Морские пути к Севастополю враги заминировали.

Особенно грозными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был её задеть или на неё наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждёт, когда над этим местом пройдёт корабль. Только оказался корабль над миной — сразу страшенный взрыв.

Такими минами и перегородили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

— Проложить?

— Так точно! — по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстроходного морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова.

Пригласил как-то Глухов своих товарищей к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронёсся.

— Понятно? — спросил товарищей.

Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы. Вспенил катер морскую воду, понёсся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова — словно на тройке летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

— Понятно?

— Допустим, понятно, — отвечают ему офицеры. Догадались они, в чём дело.

Предложил Глухов на своём быстроходном катере промчаться по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Проскочит катер. Сзади мины будут уже взрываться.

— Да я тут всё подсчитал, — заявляет Глухов. Доложил он командирам свои подсчёты. Цифры разные на листке. — Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдёт катер, — перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры.

— Всё без ошибки, — уверяет Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошёл катер совсем немного. И сразу страшенный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

— Погибли?!

— Волной накрыты?!

Но вот осели, как листья, брызги.

— Живы! Целы! — вздохнули с облегчением на берегу.

Мчится катер стрелой вперёд. И снова взрыв. И снова к небу вода вулканом. За этим — третий, четвёртый… Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле. Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно не катер, а лихая тройка летит по морю.

Без звания и названия

Прошёл ноябрь. Наступил декабрь. 17 декабря 1941 года, получив пополнение, фашисты начали второе наступление на Севастополь.

На одном из участков Севастопольской обороны фашисты стали продвигаться вперёд. Для отражения вражеского удара сюда был брошен батальон, срочно составленный из черноморских моряков. Пришли матросы прямо с кораблей.

В полной морской форме, с полной морской выкладкой — даже скатанные валиком корабельные матрасики принесли. Пошли в окопах слова диковинные: «бак», «полубак», «рында», «склянки», «швартовы», «гюйс». Замелькали кругом бескозырки. Зачернели кругом бушлаты.

Командовать батальоном был назначен майор-пехотинец Касьян Савельевич Шейкин.

Глянул Шейкин: хороши моряки, красивы.

И всё же беспокойство не покидает майора Шейкина. Матрос не пехотинец. Сумеют ли матросы точно бросать гранаты, точно вести стрельбу? А вдруг штыковая атака, а вдруг рукопашный бой? «Эх, хотя бы день иметь для тактических занятий!» — сокрушался майор Шейкин. Однако

где же здесь до тактических занятий. Наступают фашисты. Батальон тут же был брошен в бой.

Зря волновался Шейкин. Не подвели матросы сухопутного офицера. Встретили метким огнём фашистов:

— Полундра!

— Полундра!

Забросали врагов гранатами:

— Ну-ка вперёд, голубушка!

— Ну-ка лети, любезная!

И снова своё:

— Полундра!

В штыки, как один, ударили.

Перевыполнили матросы даже свою задачу. Не только отбросили фашистов на исходные позиции, то есть туда, откуда враги начали своё наступление, но и сами прорвались вперёд, побывали в фашистских окопах, посеяли страх и панику.

— «Чёрные дьяволы»!

— «Чёрная смерть»! — кричали опять фашисты.

Прославился смелостью батальон. Слава о героях прошла по фронту.

Как отдельная боевая единица батальон просуществовал всего два дня. Выполнил батальон

свою боевую задачу, остановил врага, разошлись после этого матросы по разным соседним полкам и ротам.

Создавался батальон срочно. Не успели поэтому ни присвоить ему номера, ни дать названия.

Сокрушался майор Шейкин:

— Как же так?! Как же без номера, без названия? Выходит, мол, части такой и вовсе в истории не было.

Зря сокрушался майор Шейкин.

Получил он название — морской бесстрашный героический батальон. Хоть и был он без номера, без звания и названия, а знает его история.

«Есть и будет!»

Разговорились как-то, сидя в окопе, солдаты о том, что у фашистов снарядов много.

— И мин.

— И бомб.

— И взрывчатки разной.

Действительно, не испытывали фашисты под Севастополем недостатка в боеприпасах.

— Много снарядов, много, — соглашался с другими солдат Репков. — Много. А всё же — убавить можно.

Солдаты сразу с вопросом:

— Как?

— Можно, — подтверждает Репков. Однако, как же их поубавить, не говорит.

Не терпится солдатам, гадают вопросами:

— Взрывать поезда со снарядами?

— Можно и так, — отвечает Репков. — А можно и по-другому.

— Топить корабли с боеприпасами?

— Можно и корабли на подходах топить, — соглашается Репков. — А можно и по-другому.

— Отбивать у фашистов склады?

— Можно и отбивать. А можно и вовсе иначе, —

отвечает опять Репков.

Надоела солдатам загадка Репкова. Отстали они с вопросами.

Ночью Репков исчез из окопа. «Куда бы?», «зачем бы?» — гадают солдаты. Было это на участке севернее Севастополя. Пробрался солдат в соседний пустой овраг, выбрал склон, обращённый к фашистам. Стал в темноте возиться, что-то таскать к оврагу.

Когда рассвело, посмотрели солдаты, видят: по склону оврага из камней выложено два слова. Читают солдаты эти слова. А слова такие: «Смерть Гитлеру!»

Увидели слова и фашисты. Увидели, открыли ураганный огонь по оврагу. Грохотали, грохотали пушки. Разбили снаряды надпись.

Сосчитали наши бойцы, сколько снарядов фашисты потратили. Оказалось — двести пятьдесят.

— О-го-го! — покосились они на Репкова.

Ночью Репков снова пошёл к оврагу. Восстановил солдат надпись. Рассвело. Надпись на старом месте.

Снова фашисты огонь открыли. Били, били, ревели пушки. Крошили снаряды надпись.

Сосчитали снова наши бойцы, сколько снаря-

дов враги потратили. Оказалось — триста.

Спускается вечер. Снова к оврагу спешит Репков.

— Разоришь ты фашистов! — смеются солдаты. — По миру босыми пустишь. — А сами удаче рады.

Не только здесь, на северной стороне, но и в других местах вокруг Севастополя стали появляться из камней надписи. Расстреливали их фашисты из пушек, бомбили с воздуха. Однако надписи вновь восстанавливались.

Одна из них была особенно ненавистна фашистам. Была она выложена огромными трёхметровыми буквами в само́м городе, на крутом склоне Исторического бульвара. Далеко виднелась и с земли и с воздуха эта надпись. Вот её слова: «Севастополь был, есть и будет советским!»

Верная очень надпись.

Выходное платье

Было это ещё до начала войны с фашистами. Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шёлковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она своё выходное платье.

Фашистские самолёты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушёл Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские — всё это врезалось в камни, в горы.

Под землёй организовали севастопольцы и два военных завода.

Вот на одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал миномёты, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских лётчиков.

Всё нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного.

Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шёлка.

Стали разыскивать шёлк для мешочков. Обратились на разные склады.

На один:

— Нет натурального шёлка.

На второй:

— Нет натурального шёлка.

Ходили на третий, четвёртый, пятый.

Нет нигде натурального шёлка.

И вдруг… Является Катя. Спрашивают у Кати:

— Ну что — нашла?

— Нашла, — отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки свёрток.

Развернули Катин свёрток. Смотрят: в свёртке — платье. То самое. Выходное. Из натурального шёлка.

— Вот так Катя!

— Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к лётчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь пере-

боев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются лётчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

Птицу в полЁте схватят

Разведчики. Здесь, под Севастополем, много их, лихих и отважных. Если надо, со дна морского иглу достанут, птицу в полёте руками схватят.

Разведчики — матросы Ноздрачёв, Поляков и Митрохин — получили задание пленить штабного фашистского офицера.

Советским командирам надо было срочно узнать о последних фашистских приказах.

Отправились в путь разведчики. Сидели в засадах, выходили к дорогам. Не попадается им офицер из штаба.

Подумал Ноздрачёв: «Где лучше всего искать штабного офицера?» И тут же себе ответил: «Конечно, в само́м же фашистском штабе». Обратился к друзьям по разведке:

— А что, если к фашистам в штаб?

— Ну что же, — сказал Поляков.

— Рискнём, — поддержал Митрохин.

Дождались разведчики ночи. Подкрались к фашистскому штабу. Осторожно, без шума убрали охрану. Тихо, пустынно в штабе. Дежурный офицер, развалившись на стуле, дремлет. Вот она спит, удача!

Сейф железный стоит в углу. Вот они где, приказы!

— Гутен морген, с добрым утром! — толкнул Ноздрачёв фашистского офицера.

Открыл тот глаза. Не понял, в чём дело.

«Гутен морген», — хотел сказать. Вдруг видит — люди в советской военной форме.

— Руки вверх! — прокричал Ноздрачёв.

Заморгал офицер. Отскочила, словно чужая, челюсть.

— Руки вверх! — повторил Ноздрачёв.

Рванулся офицер к пистолету. Но в ту же секунду разведчики скрутили фашисту руки. Довольны матросы. В руках добыча.

Показал Ноздрачёв офицеру на сейф. Потребовал ключ у фашиста.

Заикается тот, отвечает: мол, нет ключа, у начальства ключ.

Проверили разведчики у офицера карманы. Верно, нет у него ключа.

Как же быть? Может, гранатой сейф подорвать? Может, попробовать стукнуть ломом?

— Не то, не то, — понимает Ноздрачёв. Смерть для разведчика, если — с шумом.

Жаль уходить, не открыв сейф. Ясно: именно там приказы.

Посмотрел Ноздрачёв на Митрохина, на Полякова. Подошёл к железу. Плечом попробовал. Поднажал. Сейф тяжёлый. Однако сдвинулся.

Поманил Ноздрачёв Полякова, Митрохина:

— А ну с огоньком, ребята!

Подхватили матросы сейф. Потащили, кряхтя под ношей.

— Вперёд! — скомандовал Ноздрачёв фашистскому офицеру.

Тащили, тащили металл солдаты, а затем решили: пусть-ка добычу фашист несёт. Взвалили тяжесть ему на плечи. Помогают, конечно, и сами. Сейф тяжёлый, фашист пыхтит.

— Выше голову, выше. Шаг шире, — командует Ноздрачёв.

Так и явились они к своим.

— «Язык» с «приданым», «язык» с «приданым»! — смеялись, встречая бойцов, солдаты.

Не зря тащили разведчики сейф, молодцы, что в пути не бросили. Когда вскрыли, оказалось — важнейшие в нём бумаги.

Смел, находчив матрос Ноздрачёв. Да не только Ноздрачёв.

Под Севастополем много лихих разведчиков: Волончук, Калинин, Филин, бесстрашная девушка Ольга Химич… Поручай им любое задание.

Надо — птицу в полёте руками схватят. Надо — с неба ночную звезду достанут.

Новое оружие

Двести дней уже держится Севастополь.

На одном из участков Севастопольской обороны наши позиции проходили по Телеграфной горе. Справа и слева — наши, внизу под горой — фашисты. Хорошее место для обороны: скалы кругом, вершина с крутыми склонами.

Одно неудобство: фашисты всё время обстреливают высоту. Откуда ведут огонь — не всегда известно. Не знают наши, куда ответить. Скрыли, замаскировали фашисты свои огневые точки. Ходят в тылы разведчики. Да и тут не всегда удача.

Среди защитников Телеграфной горы был старший лейтенант Алиев. Командовал Алиев стрелковой ротой.

— Узнаем, где огневые точки, — как-то сказал артиллеристам Алиев.

Смеются артиллеристы, не очень верят:

— Давай, давай, помогай, пехота!

Раскрыли пехотинцы огневые точки врага. Вот как случилось это.

Была ночь. Сидят под горой фашисты. Смотрят на гору, следят за склонами. Притихла кругом стрельба. И всё же даже ночью нет на войне по-

коя. То там огонь. То здесь огонь. Ползут зловеще ночные шорохи.

Смотрят фашисты на гору, на тёмное небо, на звёзды, и вдруг вспыхнуло что-то там на вершине. Метнулось пожаром. Огненным шаром обрушилось вниз. Несётся с вершины огонь, как лава. Грохот громом разит округу.

Всё ниже, всё ниже поток смертельный. Заметались фашисты. Бегут из окопов.

— Оружие новое!

— Новое!

— Новое!

Докатился огонь до основы горы, сюда, к самым фашистским траншеям. Раздался взрыв. Брызнул огонь в окопы горящей пеной.

Замерло всё у фашистов. Прошла минута, и вот открыли по Телеграфной горе фашисты стрельбу изо всех орудий.

А нашим только того и надо. Засекли советские наблюдатели вражеские батареи.

Что же придумал такое Алиев?

Всё просто. Несложно. Нужна лишь гора для этого.

Приказал он солдатам притащить на вершину горы железную бочку.

Притащили.

Приказал начинить её порохом.

Начинили.

Приказал обмотать бочку бикфордовым шнуром.

Обмотали.

Распорядился облить бензином.

Облили.

— Поджигай! — скомандовал Алиев.

Подожгли.

— Толкай с горы!

Помчалась вниз она огненным шаром.

Нескоро забыли фашисты взрыв. Никто не верил, что это бочка.

— Оружие новое!

— Новое!

— Новое! — долго шептались ещё фашисты.

Улица Пьянзина

Июнь 1942 года. Фашисты начали новое, третье по счёту, самое мощное наступление на Севастополь.

Свой главный удар враги направили на северную часть города.

Днём и ночью здесь грохотали пушки. Не щадили фашисты своих солдат.

На одном из участков фашистского наступления, у станции Мекéнзиевы Горы, в обороне стояли артиллеристы-зенитчики под командованием старшего лейтенанта Ивана Семёновича Пьянзина. На них и на их соседей по обороне и обрушился грозный удар врага.

Не пробилась сюда пехота. Бросили фашисты в наступление танки и самолёты.

— Земля! — кричал Пьянзин.

Это значило: атакуют зенитчиков танки. Опускали пушечные стволы зенитчики. Начинали стрелять по танкам.

— Воздух! — кричал Пьянзин.

Поднимали в небо стволы зенитчики, отражали атаки фашистских самолётов.

— Земля!

— Воздух!

— Земля!

— Воздух!

— Земля!

— Воздух!

Несколько дней не утихали эти команды над полем боя.

Артиллеристы сражались до тех пор, пока хватило сил и снарядов.

Выходили из строя пушки.

Таяли люди на батарее.

Осталось восемь бойцов.

Осталось шесть.

Враги обошли батарею. Замкнули кольцо вокруг зенитчиков.

Живым на батарее остался один лишь Пьянзин. Он был ранен, но из автомата отстреливался от врагов.

Всё ближе, ближе к нему фашисты.

Где же та сила, чтобы ударить опять по фашистам?!

Есть эта сила.

Схватил Пьянзин микрофон от рации. Полетели в эфир слова:

— Прошу открыть огонь… Прошу открыть огонь… Мои координаты… Мои координаты…

Взревели советские пушки. Накрыли огнём фашистов.

Прошли годы. Будешь в городе Севастополе — памяти Пьянзина поклонись.

Богатырские фамилии

Отличившихся воинов представляли к наградам. Штаб. Два офицера. Младший по званию. Старший по званию. Младший зачитывает наградные листы, называет фамилию отличившегося, докладывает старшему, за что и к какой представлен боец награде.

Чётко идёт работа:

— Найда.

— Кахаров.

— Кули-заде.

Приятно офицерам читать о героях:

— Беспалов.

— Каралов.

— Омаров.

— Дзесов.

Читая одну из бумаг, чуть задержался младший.

— Ну что там? — поторопил его старший.

— Вот молодец! Вот молодец! — восхищается младший.

— Кто же?

— Герой! Орёл!

— Кто же?!

— Богатырь, — откликается офицер.

— Фамилия как?

— Богатырь, — опять о своём офицер.

Поднял старший начальник глаза на младшего:

— Фамилия?

— Иван Богатырь, — улыбается офицер.

Посмотрел недоверчиво старший на младшего.

— Иван Богатырь, — повторяет младший и тянет бумагу старшему.

Действительно, под Севастополем сражался Иван Богатырь. Был он ефрейтором. Был пулемётчиком. Оставшись один в окопе, он принял неравный бой с фашистами. Герой был ранен в голову, контужен, затем ранен в правую руку, но продолжал сражаться. Пять часов до прихода помощи удерживал Иван Богатырь свою позицию. Когда подсчитали число фашистов, которых уничтожил в этом бою Иван Богатырь, их оказалось более ста. Прочитал старший офицер наградной лист о подвиге Ивана Богатыря.

— Герой! Орёл! — согласился офицер.

Потом полистал другие бумаги. Прочитал про другие подвиги. Глазами прошёл по фамилиям. Читает: Линник, Главацкий, Гахокидзе, Байда, Умеркин, Спирин…

— Молодцы, молодцы, — произносил офицер.

Пулемётчик Иван Иванович Богатырь, пехотинец ефрейтор Павел Дмитриевич Линник, политрук роты Георгий Константинович Главацкий, политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе, старший сержант разведчица Мария Карповна Байда, артиллерист младший лейтенант Абдулхак Умеркин, пехотинец старший лейтенант Николай Иванович Спирин — все они были воистину богатырями. Все они, а вместе с ними и многие другие за свои подвиги, совершённые при защите Севастополя, стали Героями Советского Союза.

Вновь посмотрел офицер на фамилии:

— Нет здесь простых. Богатырские все фамилии.

Константиновский равелин

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский равелин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдёт, не минует Константиновский равелин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский равелин как страж, как часовой у ворот Севастополя.

1942 год. Июнь. Всё сильнее фашистский удар на севере. Наступают фашисты. Вводят новые силы. Всё труднее, труднее нашим. Прорвались фашисты с севера. Овладели Северной стороной. Вышли к бухте, к морскому берегу. Лишь равелин дерётся.

Вместе со всеми в бою комиссар равелина Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается равелин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряды, как молот, дробят округу.

Не сдаётся Константиновский равелин.

Бомбят равелин самолёты. Танки в стены чуть ли не лбами бьют.

Всё меньше и меньше в живых героев. И всё же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать равелин фашистам — значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Удержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули равелин. Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался — комиссар равелина Иван Кулинич. Взорвать равелин, уничтожить запас снарядов — с этой целью и задержался Кулинич. Отправил минёров:

— Я — сам! Я — сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

— Форвертс! Вперёд!

Ворвались фашисты в крепость. Видят — стоит комиссар. Китель моряцкий в дыму, в ожогах…

— Комиссар?!

— Комиссар!

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в победном крике. Несутся фашисты. Предпоследний, последний шаг.

— Получайте, — тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины.

И в ту же секунду поднял землю страшенный взрыв. Взлетели фашисты к небу.

Погиб комиссар Кулинич.

Мстили фашисты потом равелину, хотели сровнять с землёй. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих стенах.

Он и нынче стоит у моря — страницей славы, страницей боли — Константиновский равелин.

Безупречный

В сухопутную роту попал матрос. Был зачислен как пополнение.

Спрыгнул матрос в солдатский окоп:

— Как у вас тут, братишки, в трюме?

Это окоп окрестил он трюмом.

Переглянулись солдаты. Окоп как окоп. Хороший окоп — ничего не скажешь.

Занял матрос ячейку в окопе:

— Ну что ж — неплоха каюта.

Как повелось, к новичку вопросы: откуда прибыл, как звать, какова фамилия?

Объяснил матрос, что эсминец его погиб. Про имя сказал — Иван. Про фамилию — повёл пальцем у бескозырки. Там по околышку шла лента. На ленте было написано: «Безупречный».

Прочли солдаты:

— Фамилия?

— Так точно.

— Да ну?! — поразились солдаты.

Поняли многие: шутит матрос. Однако нашлись и такие, которые матросским словам поверили. Так и стал он — Иван Безупречный.

Были последние дни Севастопольской обороны.

Фашисты захватили Северную сторону.

С юга ворвались в Балаклаву. Потеснили наших на западе, у Федюхиных высот. Совсем немного свободной земли у защитников Севастополя.

Безупречный сражался на Северной стороне. Затем, когда фашисты здесь вышли к Северной бухте и захватили Константиновский равелин, матроса под Балаклавой видели.

— Безупречный?

— Так точно, он!

Потом под Инкерманом матроса встретили. В рукопашном бою с фашистами.

— Безупречный?

— Так точно, он!

Затем он был на Сапун-горе. До последнего патрона сражался матрос. А когда вышли патроны, видят солдаты: поднял черноморец с вершины Сапун-горы камень. Встал во весь рост матрос. Швырнул камень врагам навстречу.

— Сдавайся! Сдавайся! — кричали фашисты.

— Моряки не сдаются! — кричал матрос.

И снова камень летел в фашистов.

Потом потерялся матроса след. Выжил герой, погиб — не сохранилось о том в истории. Фамилия тоже осталась его неизвестной.

Однако если спросишь:

— Был Безупречный?

Ответят:

— Был.

Свято бился матрос за родную землю. Безупречным для всех остался.

Херсонéс

Всё меньше, меньше защитников Севастополя. Неравные очень силы.

30 июня 1942 года. Прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Мыс Херсонес. Немногие метры свободной Крымской земли. Идёт посадка на катера. Отсюда уходят в море последние защитники Севастополя.

Охраняет посадку сводный отряд моряков. Это прикрытие. Это заслон.

Самые стойкие здесь в заслоне. Это от них зависит судьба других — уйдут ли другие в море.

За ними, за теми, кто остался сейчас в заслоне, тоже должны прийти катера. Только потом. Должны, если, конечно, не опоздают. Должны, если, конечно, уцелеют сами, если их самих не потопят в пути фашисты. И это в заслоне знают.

Бьётся с врагами заслон. А сзади идёт посадка. И с каждой лишней минутой боя там, при посадке, сохраняются чьи-то жизни. Сохраняются чьи-то жизни.

Наступают фашисты. Стремятся прорвать заслон, выйти к морю, туда, где стоят катера.

Трудно матросам. Неравен бой.

Лишь винтовки в руках и гранаты. Но твёрдо стоят герои. Ведь сзади идёт посадка.

Но вот подходят к концу патроны. Подходят к концу гранаты.

Кончились вовсе патроны. Кончились вовсе гранаты.

Остались одни штыки. Штыки и приклады.

Поднимаются в бой штыковой черноморцы. Мелькают то штык, то приклад, то штык. Бросок. Снова бросок. И опять бросок.

Новые силы ползут к Херсонесу.

А сзади идёт посадка…

Всё больше фашистов, всё меньше наших. «Ура!» — снова в атаку идут черноморцы. И снова штыки. И опять приклады. А там, где приклад разбит, руки хватают ножи для боя, хватают матросы камни.

Несколько дней не утихали бои у моря. Самолёты и танки бросали сюда фашисты. Орудийным огнём сокрушали берег. Держались герои. И всё же уж очень неравными были силы. Когда отошли от Херсонеса последние транспорты, пришла команда сдать оборону и разойтись солдатам. Остатки храбрых прорвались в горы. Там среди крымских партизан они начали новую жизнь

героев.

...Уходят годы за борт истории. Цветёт, как прежде, земля Тавриды. Гуляет ветер у скал над морем. 250 дней штурмовали фашисты Севастополь. 250 дней и ночей сражались герои — советские люди. Не ради смерти стояли насмерть. Не ради смерти, а ради жизни.

Мы пришли, Севастополь!

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идёт мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнали врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

— Даёшь Севастополь!

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмёшь Сапун-гору — и твой Севастополь.

— Да-ёшь Севастополь!

Кипит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны.

Куда ни глянешь — завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой.

Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трещат завалы, накаты, доты. Железо и

камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору — и та, уставши, возьмёт и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идёт сраженье. И всё сдаётся: ещё минута — и воин в штурме, в победной силе, упрётся в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцуненко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке.

Вот рядом Илья Поликахин с гранатой в руке атакует блиндаж фашистов. Вот лейтенант Михаил Головня возглавляет на дзот атаку. Вот из пулемёта метким огнём разит фашистов Кузьма Масколенко. А вот парторг роты старший сержант Евгений Смелович. Он совсем рядом бежит с Яцуненко. Знамя полка в руках у Смеловича.

Обернулся на миг Яцуненко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит: наши танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики. «Катюши» из долины на гору смертельный пунктир послали. А там, между горами, у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою

со всеми.

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлёкся боем.

Вдруг… что такое? А где Евгений Смелович? Где знамя части?

Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя. Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

— Давай, отважный! — кричат солдаты.

— Вперёд, к победе!

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы, обходит пули. Всё выше знамя. Всё ближе гребень. Прыжок олений — и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Заалело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги шагали к гребню.

И вот с вершины открылся город.

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

Обухов

Есть такое выражение: «По голове о́бухом». Обух — это часть топора. То его место, с помощью которого топор крепится к деревянному топорищу. Ударить обухом — значит ударить очень сильно.

Советскими войсками, которые освобождали Крым и штурмовали Севастополь, командовал генерал Фёдор Иванович Толбухин.

Во время Великой Отечественной войны фамилии высших командиров нашей армии часто зашифровывались, заменялись другими. Скажем, генерал Жуков становился Константиновым или Юрьевым, генерал Рокоссовский — Костиным или Румянцевым. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин — Ивановым или Семёновым, начальник Генерального штаба, генерал, а затем Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский — Александровым или Владимировым. Время от времени псевдонимы менялись. Незадолго до начала боёв за освобождение Крыма товарищ Сталин предложил:

— Давайте генерала Толбухина назовём Обуховым.

Предложил, чуть искоса посмотрел на Толбухина, на других генералов, перешёл к рассмотрению и утверждению фронтовых планов.

Обступили после заседания генерала Толбухина боевые товарищи:

— Ну, Фёдор Иванович, теперь фамилия обязывает!

Стойко обороняли фашисты Крым и Севастополь. Гитлер отдал строжайший приказ войскам сражаться до последнего солдата. Вспоминал Гитлер героическую оборону нашими войсками Севастополя.

— Двести пятьдесят дней не сдавали русские Севастополь! — кричал фюрер. — Двести пятьдесят дней!

Начал Гитлер с того, что сменил командующего фашистскими войсками под Севастополем. Прибыл новый командующий. Дал клятву удержать Севастополь.

Установил Гитлер офицерам и солдатам, обороняющим Севастополь, двойные оклады. Приехали армейские кассиры. Мешки привезли с деньгами. Наиболее отличившимся в боях за Севастополь Гитлер обещал выделить земельные наделы в Крыму.

Забегали интенданты.

Стали готовить списки.

И ещё одно. Приказал Гитлер тех из фашистских солдат, которые отступят, дрогнут в бою или даже только об этом подумают, тут же при всех расстреливать. Устрашают фашисты своих солдат. Грянули выстрелы по своим.

Упорно сражались фашисты. Во многих местах до последней черты стояли. И всё же не удержали они Севастополь.

250 дней штурмовали и никак не могли захватить фашистские солдаты героический Севастополь во время своего наступления в 1941-1942 годах. Всего лишь пять дней потребовалось советским солдатам, чтобы сломить сопротивление фашистов и освободить Севастополь во время нашего штурма в 1944 году.

Взят Севастополь.

Называют солдаты героев штурма.

Вспоминают сокрушительный наш удар.

Кто-то вспомнил и поговорку про обух, про голову.

Смеются солдаты:

— Точно примечено! Всё по науке.

— Значит, фашистов — накрепко!

— Выходит, фашистов — намертво!

— Обухом по голове!

Освобождён Севастополь. Доволен Толбухин.

Летит донесение в Ставку, в Москву, товарищу Сталину: «Освобождён Севастополь».

А ниже: «*Обухов*».

Рассказы о ленинградцах и Подвиге Ленинграда

Разгрузка-погрузка

Ленинград (теперь Санкт-Петербург) — огромный город.

Второй по размерам в нашей стране.

Один из крупнейших в мире.

На север, на юг, на восток, на запад бегут от него дороги. Разные здесь дороги: железные, шоссейные, морские пути, речные, пути воздушные. Вокзалы Московский, Балтийский, Финляндский, Витебский. Вокзал морской, вокзал речной. Аэропорт.

Оборвались теперь дороги. Отрезали фашисты Ленинград от всей нашей большой страны. Нет ни метра, ни сантиметра, ни миллиметра свободной земли, по которой можно сюда проехать.

Затихли пути железные, заглохли пути шоссейные. Корабли не выходят в море.

И всё же…

С севера от Ленинграда — фашисты, с юга — фашисты. На запад от Ленинграда лежит Финский залив. Берега его тоже в руках у фашистов. Северо-восточнее и восточнее Ленинграда находится большое Ла́дожское озеро. И сюда, к Ладожскому озеру, пришли враги. Захватили северный берег,

прорвались к южному. Стали наступать вдоль восточного берега. Однако не смогли они полностью обойти озеро.

Остановили их на восточном берегу советские солдаты. Часть Ладожского озера была в наших руках. Тут, по воде, по озеру, и вела теперь в Ленинград дорога.

Нелёгкой была дорога.

Долгим, кружны́м и тяжёлым путём поступали грузы в блокадный город.

Начинался их путь из города Вологды. Сюда, в город Вологду, поступали грузы со всей страны. Здесь грузились они в вагоны. Готовы вагоны. Сигнал к отправке.

Пошли по железной дороге грузы.

Бегут вагоны на город Ти́хвин и дальше на город Во́лхов. Здесь, в Волхове, — стоп, остановка. Дальше железной дороги нет. Дальше дорога в руках фашистов.

Город Волхов стоит на реке Волхов. Тут, в городе Волхове, грузам предстоит пересадка. Покинут они вагоны. Перейдут на речные баржи. Река Волхов впадает в Ладожское озеро. Поплывут грузы из города Волхова по Волхову к Ладожскому озеру.

Прибыли грузы в Волхов. Идёт разгрузка. Идёт

погрузка. Закончилась разгрузка-погрузка. Готовы баржи. Сигнал к отправке. Поплыли грузы по реке Волхов.

Недалеко от впадения реки Волхов в Ладожское озеро стоит город Новая Ла́дога. В городе Новая Ладога у ленинградских грузов новая остановка. Новая остановка и новая пересадка. Речные баржи не могут идти по озеру. Опасно. Высокие волны гуляют в озере.

В городе Новая Ладога предстоит разгрузить речные баржи и загрузить грузами баржи озёрные.

Прибыли грузы в город Новая Ладога. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Закончилась разгрузка-погрузка. Готовы баржи. Сигнал к отправке. Поплыли грузы по Ладожскому озеру.

На западном берегу Ладожского озера в 55 километрах от Ленинграда находится порт Осиновéц. Сюда и направлялись баржи из Новой Ладоги. Сюда же, к берегу озера, к Осиновцу, была проложена узкоколейная железная дорога. Приходят баржи в Осиновец. Новая здесь пересадка. Снимают грузы с озёрных барж, грузят опять в вагоны.

Прибыли грузы в Осиновец. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Готовы вагоны. Сигнал к отправке. Снова в дороге грузы.

Но это ещё не всё. Ещё впереди пересадка.

С узкоколейной железной дороги перегружались грузы затем вновь на обычную железную дорогу.

И это ещё не всё. Ещё впереди пересадка.

Потом на машины грузились грузы.

Нелёгок их путь в Ленинград.

Путь по железной дороге через Тихвин и Волхов был в Ленинград единственным.

И вдруг — взяли фашисты Тихвин, отрезали Волхов.

Не идут к Ленинграду грузы.

Дорога

Захвачен врагами Тихвин. Оборвались пути в Ленинград через Тихвин.

Однако нельзя оставлять Ленинград без помощи. Было принято решение построить новую дорогу к Ладожскому озеру. Правда, не железную: очень долго железную строить. Начали строить дорогу автомобильную, дорогу для грузовых машин.

Километр за километром, километр за километром через топи, леса, чащобы, через овраги, низины, болота, там, где раньше ходил лишь зверь, где душу живую не сыщешь, — ныне прошла дорога.

Двести километров длиной дорога. Строили — двадцать дней.

— Дорогу — за двадцать дней?!

— Так точно, за двадцать дней!

Действительно, так быстро, так дружно построили здесь дорогу.

— Дорога! Дорога! Строят дорогу! — кричали Мишак и Гринька.

Живут они оба в селе Новинка. Через Новинку и тянули как раз дорогу. Начиналась она почти

в ста километрах восточнее Тихвина, у станции Заборье, и отсюда, обходя с севера захваченный фашистами Тихвин, шла через сёла Великий Двор, Ерёмина Гора, Новинка, Карпино к Ладожскому озеру, к городу Новая Ладога.

У села Новинки был один из наиболее трудных участков дороги. Болота кругом. Строили дорогу военные. Вышла на помощь и вся Новинка. Старый и малый, здоровый, калеченый — все оказались здесь. Опустела Новинка. Все на дороге. Мишак и Гринька тоже пришли с лопатами. Начался штурм болота. Уж сколько камней и земли здесь насыпали. Возили, возили машины землю. Таскали, таскали носилки люди. Бросали, бросали лопаты землю в бездонную хлябь.

Старались люди. Старались мальчишки. Кто-то сказал, глянув на Мишака и Гриньку:

— Гони до седьмого пота!

— Ну как? — обращается к Гриньке Мишак.

— Пропотел, — отвечает Гринька.

— Ну как? — обращается Гринька.

— Пропотел, — отвечает Мишак.

Раз пропотели, два пропотели, три пропотели.

По миллиметру растёт дорога.

— Ну как? — вновь обращается к другу Гринька.

— Вновь пропотел, — говорит Мишак.

— И я, — отвечает Гринька.

Пять пропотели раз, шесть пропотели раз. Дошли до седьмого пота.

Ура! Пробилась дорога через болото.

Пробилась дорога через болото. А за этим болотом ещё болото.

И снова люди носилки, лопаты в руки. Черепахой, улиткой ползёт дорога. Покрылись люди десятым, двадцатым по́том. Осилили всё же и это болото. А за этим болотом снова лежит болото. И снова работа, работа, работа…

Тянут дорогу здесь, у Новинки, тянут у Карпино, у Ерёминой Горы, у Великого Двора, тянут в других местах. Одолели люди леса и топи. От Заборья к Новой Ладоге легла дорога.

Свершилось земное чудо — дорога готова за двадцать дней.

Дорога, конечно, средняя. Не асфальт, не бетон, не гудрон.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, узкая. Не всюду разъедутся две машины.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, не очень быстрая. Хорошо, если проедешь около 40 километров в день.

И всё же идёт дорога. И всё же идут машины. Вновь идут к Ленинграду грузы.

Первая колонна

В ноябре 1941 года наступили морозы и стало замерзать Ладожское озеро, поэтому остановилась дорога по воде.

Остановилась дорога — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород, нужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращенно называют Ладожское озеро), вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Неспокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер, си́верик, появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро. Капризно, коварно озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с городом. Ожидают люди, когда лёд

на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее! — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи — это те, кто изучает воду и лёд, прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можаев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов, один из командиров Ленинградского фронта, на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не

окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — 27 километров ледяной дороги. Ждут на западном, ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, едут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха.

И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шоферы. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её назвали.

Кобо́на

Разгромили советские войска фашистов под Тихвином, отогнали, освободили дорогу на город Волхов.

Пошли вновь по железной дороге грузы. Однако не сразу. Железнодорожные мосты через реки между Тихвином и Волховом были взорваны. Восстанавливать надо мосты. Силы нужны и время. И снова грузы на автомашинах идут в объезд, снова в пути машины. Но меньше, короче теперь объезд. Быстрее к Ладожскому озеру, «Дороге жизни», доходят грузы. В три раза короче для автомашин стала теперь дорога.

А вскоре и новая весть. Восстановили между Тихвином и Волховом мосты путейцы. Идут поезда теперь до Волхова и дальше, на запад, ещё ближе к Ладожскому озеру, к станциям Во́йбокало и Жи́харево. Теперь уже здесь, на Войбокало и Жихарево, идёт перегрузка на автомашины грузов. Недалеко здесь совсем до Ладожского озера. В шесть раз короче стала теперь автомобильная дорога.

А что, если сделать ещё короче?

И вот.

Жил Сашка Дятлов в деревне Кобона. Кобона — деревня маленькая, приозёрная, тихая. Рядом плещет Ладожское озеро. Леса поднялись за Кобоной. Мало кто слышал, что есть на земле Кобона. Это лишь Сашке Дятлову Кобона чуть ли не центром земли казалась.

Прожил Сашка здесь восемь лет. Любит свою Кобону. Знает Сашка: идёт война. Ленинград за Ладожским озером бьётся. Однако тихо кругом в Кобоне.

Тихо. И вдруг за лесом гудок раздался. Прислушался Сашка: сильный гудок, пронзительный. Не слышал Сашка таких гудков. Откуда гудки в Кобоне?

Помчался он к матери, к деду.

Прислушалась мать: гудок!

Прислушался дед: гудок!

Откуда гудок?! Какой же здесь паровоз, в Кобоне?

Мать прожила здесь, у озера, тридцать лет. Впервые гудок паровозный в Кобоне слышит.

Дед шестьдесят отшагал здесь лет.

Но чтобы — гудок! Паровозный! В этих местах?! Может, не то он слышит?

Нет, всё верно. Действительно, за лесом раздавался паровозный гудок. А вскоре и паровоз

прибыл в Кобону. Стоит громада. Пара́ми дышит. Смотрит Сашка: вот это диво — рельсы пришли в Кобону.

Проложили люди сюда железную дорогу. Прямо к Кобоне, прямо к берегу Ладожского озера. Дорогу построили от станции Войбокало. Пробилась сквозь лес дорога.

Небывалое началось здесь, в Кобоне. И слева, и справа, и в сторону озера, и в сторону леса разместились склады, навесы, укрытия, площадки для разных грузов. Всюду мешки, всюду тюки, бочки, ящики, короба. Горы мешков и ящиков. Это грузы для Ленинграда.

Отсюда, из Кобоны, через Ладожское озеро и проходила теперь ледовая дорога на Ленинград. Здесь теперь начиналась «Дорога жизни». День и ночь по льду Ладожского озера идут машины: из Кобоны туда, на ленинградский берег, и снова назад, в Кобону, из Кобоны — в Кобону, из Кобоны — в Кобону.

Раньше даже среди ленинградцев мало кто знал, что есть на земле Кобона. Теперь не найдёшь, кто бы не знал Кобоны.

Блокадный хлеб

Из чего он только не выпекался — ленинградский блокадный хлеб! Разные были примеси. Добавляли к ржаной муке муку овсяную, ячменную, соевую, кукурузную. Применяли жмых — льняной, хлопковый, конопляный. Использовали отруби, проросшее зерно, мельничную пыль, рисовую шелуху и многое другое. По десять раз перетряхивали мешки из-под муки, выбивая возможное из невозможного.

Хлеб был кисловатым, горьковатым, травянистым на вкус. Но голодным ленинградцам казался милее милого.

Мечтали люди об этом хлебе.

Пять раз в течение осени и зимы 1941 года ленинградцам сокращали нормы выдачи хлеба.

2 сентября состоялось первое сокращение. Норму установили такую: 600 граммов хлеба взрослым, 300 граммов — детям.

Вернулся в этот день Валеткин отец с работы. Принёс хлеб. Глянула мать:

— Сокращение?!

— Сокращение, — отозвался отец.

Прошло десять дней. Снова с работы отец вер-

нулся. Выложил хлеб на стол. Посмотрела мать:

— Сокращение?!

— Сокращение, — отозвался отец.

По 500 граммов хлеба в день стали теперь получать взрослые.

Прошло ещё двадцать дней. Наступил октябрь. Снова сократили ленинградцам выдачу хлеба. Взрослым — по 400 граммов на день, детям — всего по 200.

Прошёл октябрь. Наступил ноябрь. В ноябре сразу два сокращения. Вначале по 300, а затем и по 250 граммов хлеба стали получать взрослые. Дети — по 125.

Глянешь на этот ломтик. А ломтик — с осиновый листик. Виден едва в ладошке. И это на целый день.

Самый приятный час для Валетки — это тот, когда с завода приходит отец, когда достаёт он из сумки хлеб.

Хлеб поступает к матери. Мать раздаёт другим. Вот — отцу, вот — дедушке, бабушке, вот дольку берёт себе. А вот и ему — Валетке. Смотрит Валетка всегда зачарованно. Поражается одному: в его куске 125 граммов, а он почему-то больше других. Отцовского даже больше.

— Как же так? — удивляется мальчик.

Улыбаются взрослые:
— Мука в нём другая — детская.

Таня Савичева

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов стоял и этот дом — дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 ч. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв., 3 ч. дня. 1942 г.».

Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лёка умер 17 марта в 5 ч. утра. 1942 г.».

Лёка — это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 г.».

Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка:

«Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня. 1942 г.».

Вот страница с буквой «М». Читаем:

«Мама. 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра. 1942».

Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет:

«Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет:

«Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала:

«Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня.

От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой.

Скончалась Таня. Дневник остался.

«Смерть фашистам!» — кричит дневник.

Шуба

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Óхты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского.

А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд — не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому

жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В са́мой середке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг… Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

— Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп.

— Да как же вы… Да, право, мы…

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик,

девочка, снова мальчик. В самой середке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий-далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх, вот бы ребятам тулуп в дорогу!.. Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп.

И вдруг…

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

Медицинское задание

Галя Сорокина — медицинская сестра. Только-только закончила медицинские курсы. Прибыла по назначению в один из ленинградских госпиталей.

Давно мечтала Галя стать медицинской сестрой. Училась прилежно. Торопила время. Ждала той минуты, когда наконец с полным правом наденет медицинский халат, представляла, как будет перевязывать раненых, как будет за ними ухаживать, как начнут её раненые нежно называть сестричкой.

Прибыла Галя по назначению.

— Медсестра?

— Медсестра, — отвечает Галя.

— Очень хорошо, — говорят Гале.

Посмотрели на Галю. Девушка стройная, крепкая, вид спортивный. Принесли, поставили перед Галей два ведра.

— Вот, — говорят, — для первого знакомства первое вам медицинское задание.

Смотрит Галя на вёдра. Понимает: что-то не то. Какое же задание медицинское — с вёдрами?!

Фашисты не прекращали бомбить и обстре-

ливать Ленинград. Не только ленинградским заводам, не только ленинградским домам наносили они урон. Бомбы и снаряды попадали в мосты, обрывали электрические провода, выводили из строя водопровод, разрушали насосные станции.

В такие часы начинался общий аврал.

Рабочие-мостовики начинали чинить мосты.

Рабочие-электрики быстро восстанавливали повреждения на линиях электропередач.

Рабочие-водопроводчики быстро меняли повреждённые трубы, быстро восстанавливали насосные станции.

Не смогли фашисты нарушить нормальную жизнь города. Снова шёл электрический ток. Снова бежала вода в квартиры.

Беда пришла неожиданно. То, что оказалось не под силу фашистским бомбам и снарядам, сделали холода. Ударили сильные морозы. Замёрз, застыл, остановился ленинградский водопровод.

Страшная беда нависла над городом.

Заводам нужна вода.

Хлебозаводам нужна вода.

Больницам нужна вода.

Вода, вода, всюду нужна вода. Мёртв ленинградский водопровод.

Город спасала река Нева. Здесь, в невском льду,

прорубили проруби. С самого утра тянулись сюда ленинградцы. Шли с вёдрами, с кувшинами, с бидонами, с кастрюлями, с чайниками. Шли цепочкой, один за одним. Старики здесь, старухи, женщины, дети. Нескончаем людской поток.

Идти на Неву за водой и было первым медицинским заданием Гали Сорокиной. Не одна только Галя, несколько их, медицинских сестёр, стали носить для госпиталя воду.

Как-то встретился Гале военный:

— Кто вы?

— Водяная сестра, — отвечает Галя.

— Кто-кто?

— Водяная сестра, — повторяет Галя.

Как-то встретился Гале гражданский:

— Кто вы?

— Водяная сестра.

— Кто-кто?

— Водяная сестра, — отвечает Галя.

Стала она и её подружки действительно водяными сёстрами. Так называли теперь их в госпитале.

Честно трудилась Галя. Понимала: и впрямь медицинским явилось её задание. Глоток простой студёной невской воды был часто для раненых дороже многих самых ценных лекарств.

Не вернулась однажды в госпиталь Галя.

Продолжали фашисты безжалостно обстреливать Ленинград. Посылали на город снаряды огромной мощности.

Попала Галя под фашистский артиллерийский обстрел. Погибла при взрыве снаряда Галя.

Похоронили Галю на Пискарёвском кладбище. Тысячи здесь ленинградцев, погибших в дни Ленинградской блокады. Десятки тысяч.

Пискарёвское кладбище ныне — огромный мемориальный памятник. В вечном молчании высоко-высоко поднялась здесь фигура скорбящей женщины. Цветы и цветы кругом. И как клятва, как боль — слова на граните: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

Выставочный экземпляр

Фашисты совершали регулярные налёты на Ленинград.

Лётчик младший лейтенант Алексей Тихонович Севастьянов нёс ночную патрульную службу в ленинградском небе.

Неспокойно небо над Ленинградом. Прорываются к Ленинграду фашистские самолёты. Бросают на город бомбы. Бороздят по небу наши прожектора. Ищут, нет ли фашистов в воздухе.

Летел Севастьянов на самолёте-истребителе И-153. Самолёт был типа биплан, то есть двукрылый, имел справа и слева по два крыла. Называли его летчики любовно «чайкой». Походил внешним видом своим истребитель чем-то на красивую морскую птицу. На верхних крыльях имел характерный, словно у чайки, излом крыла.

Летит Севастьянов на «чайке», следит за ночным ленинградским небом. Наблюдает, как ходят по небу лучи прожекторов, не осветит ли луч самолёт врага. Ходят лучи по небу. Ищут фашистов в небе. Вот наткнулся один из лучей на фашистский бомбардировщик. Вот быстро к нему подбежал второй. Скрестились лучи. Оба

освещают теперь фашиста. В месте пересечения лучей и находится вражеский бомбардировщик.

Называется это «вилкой». Схватила фашиста «вилка», держит. Передвигается «вилка» за неприятельским самолётом. Пытается фашист вырваться из лучей. Однако вцепились в него прожектора. Не дают фашисту возможности снова уйти в темноту.

К освещённому фашистскому самолёту и устремился на своей «чайке» Севастьянов. Подлетела «чайка», атаковала фашиста, открыла огонь.

Опытными, умелыми оказались лётчики на фашистском бомбардировщике. Уходят они от огня Севастьянова. То отвернут самолёт, то подвернут, то чуть высоту убавят, то стремительно прыгнут вверх. Не удаётся «чайке» подбить фашиста. Пули проходят мимо.

А вот и ещё одно. Вырвался всё же фашистский самолёт из лучей прожекторов, ушёл в темноту, словно юркнул за занавес. Не видит его Севастьянов.

Сокрушается лётчик. Ругнул прожектористов. Ругнул себя. Однако рано на прожектористов ругнулся лётчик.

Забегали, заметались по небу лучи прожекторов. Снова поймали они фашиста.

— Теперь не уйдёшь! — торжествует советский лётчик.

Приблизился он к врагу. Точно схватил в прицел. Вот и конец фашисту. Нажал Севастьянов на гашетку — это кнопка, с помощью которой военный лётчик открывает пулемётный огонь по врагу. Нажата гашетка. Фашист в прицеле. Помчатся пули. Конец фашисту. Но что такое?! Не мчатся пули. Продолжает фашист лететь — целёхонек. Ясно Севастьянову: молчит пулемёт. Снова нажал на гашетку. Всё понятно — истрачены все патроны.

Уходит, уходит, уходит фашист!

— Нет, не уйдёшь, не уйдёшь, не уйдёшь! — Севастьянов кричит врагу.

Не ушёл фашистский бомбардировщик от советского лётчика. Догнал его Севастьянов. Направил свой самолёт на крыло врага. Ударила «чайка», как клювом клюнула. Рухнул бомбардировщик фашистский вниз.

От сильного удара пострадал и наш самолёт. Но не погиб Севастьянов. На парашюте спустился на землю.

Упал фашистский бомбардировщик на территории Ленинграда, прямо в центре, прямо в Таврический сад, прямо на главную аллею. Мно-

гие ленинградцы приходили сюда, в Таврический сад, смотреть на остатки фашистского самолёта.

Смотрят ленинградцы, улыбаются:

— Здо́рово, здо́рово, Севастьянов!

— Фашиста — прямо в Таврический сад!

— Прямо на главную аллею.

— Так ведь специально, — шутят ленинградцы. — Врагам в науку — выставочный экземпляр.

Началось

Наступил январь 1943 года. Крупных военных успехов достигла к этому времени наша армия. Под городом Сталинградом была окружена огромная 330-тысячная фашистская армия, которой командовал генерал-фельдмаршал Паулюс. Ещё дальше советские войска отогнали фашистов от Москвы. Нанесли поражение врагам и в ряде других мест. Пришло время с новой силой ударить по фашистам и здесь, под Ленинградом.

Разгромить фашистские войска южнее Ладожского озера, прорвать в этом месте блокаду Ленинграда — таким был приказ.

Удар должны нанести два фронта. Со стороны Ленинграда и реки Невы — войска Ленинградского фронта. Со стороны реки Волхов и города Волхова — войска Волховского фронта.

12 января 1943 года наступление началось.

Правый берег реки Невы. Чуть ниже того места, где Нева вытекает из Ладожского озера. Здесь сосредоточились готовые к атаке войска Ленинградского фронта. Среди них и 136-я стрелковая дивизия, которой командует генерал Симоняк.

Напротив, на левом берегу, находятся фаши-

сты.

Рядовой Метальников служит как раз в этой, 136-й дивизии. Стоит он в одной из колонн. Представляет картину скорого боя. Сражение начнут артиллеристы. Туда, на левый берег Невы, крошa укрепления врага, обрушатся сотни и сотни снарядов. Затем поднимется в бой пехота. Рота, в которой служит Метальников, а вместе с ней и другие роты, батальоны, полки и вся их дивизия, а также и те дивизии, которые стоят слева и справа, устремятся вперёд, понесутся по льду Невы, достигнут левого её берега. И вот тут, уже на левом берегу, и начнётся главный прорыв обороны противника, главный начнётся бой.

Январь. Мороз. Холод стоит на улице. Температура — 25 градусов ниже нуля. Деревья застыли в инее. Стоят, как на снимке. Как в дивной сказке. Смотрит на них Метальников. Ударят сейчас снаряды. Ураганом пройдут по лесу. Обрушится иней с веток. Померкнет, исчезнет сказка.

И вот — 9 часов 30 минут утра. Ударили наши пушки. Крушат они левый берег. Приблизилась к реке наша пехота. Сигнала к атаке ждёт.

Ждёт и Метальников. Глянул налево, глянул направо. Что там такое справа?! Видит Метальников медные трубы. Одна, вторая, третья, четвёртая.

Поменьше, побольше, ещё побольше, совсем огромная. За этими трубами снова трубы. И дальше трубы. И снова трубы. Ясно солдату — стоит оркестр.

Смотрит Метальников — поражается.

Рядом стоит рядовой Науменко. Смотрит Науменко. Поражается.

Рядом стоит сержант Петросян. Смотрит сержант Петросян. Поражается.

Рядом другие стоят солдаты. Смотрят солдаты. Трубы! Оркестр! Поражаются.

Громят, громят, крушат орудия левый берег. И вдруг, перекрывая раскаты орудий, заглушая разрывы снарядов, загремел над Невой оркестр. Прислушались солдаты — Интернационал.

— Ура! — пронеслось над колоннами.

Рванулись вперёд солдаты. Рванулся Метальников. Рядом бежит Науменко. Рядом бежит Петросян. Рядом другие бегут солдаты. Бежит, бежит Метальников. Всё громче, всё громче звучит оркестр.

Проносятся в сознании у Метальникова слова из Интернационала:

Кипит наш разум возмущённый…
Никто не даст нам избавленья…
Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Бежит, бежит Метальников. Бегут, несутся другие солдаты.

Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.

Монбла́н и Вавилов

Вместе с другими к левому, занятому фашистами берегу Невы бежал и солдат Вавилов. Недоволен Вавилов. Только прибыл, думал, немедленно в бой, а тут — учения.

— Какие ещё учения, — бурчит Вавилов. — Что я — школьник, курсант, студент? Воевать я с фашистами прибыл. Нет тут времени на учения.

Со странного начались их учения. Построили солдат. Вручили солдатам вёдра. Выбрали рядом крутую гору. Поливайте водой, мол, гору. Полили солдаты гору. Схватил ледяной коркой её мороз. Стала скользкой-прескользкой гора. Хоть садись и катись с горы.

— Что мы, дети — кататься с горы, — бубнил Вавилов. — Что здесь, армия или детский сад?!

Развеселились солдаты и впрямь как дети. Стали с горы на ногах, на боках съезжать.

— Отставить! — прошла команда.

Другая дана команда. Приказали солдатам по ледяному настилу на гору лазить.

Стали солдаты брать ледяную гору. Не даётся гора, упрямится. Взбегали солдаты на четверть, на треть горы, до половины добрался кто-то. Од-

нако чтоб выше, чтоб дальше, чтобы до самого верха — нет таких ловких среди солдат. Съезжают солдаты назад, под гору.

— Монблан, Казбе́к, — говорят солдаты.

Монблан — это самая высокая вершина в Альпийских горах, Казбек — одна из вершин Кавказа.

Вавилов тоже на гору ринулся. Разбежался. На треть, даже чуть выше, взлетел. Ещё шаг, ещё два. Но тут заскользил. Закачался. Рухнул. Скатился солдат с Монблана. Шишку себе набил. Поднялся, стоит ругается.

Ясно солдатам: не взять им гору.

— Отставить! — снова прошла команда.

Выдали после этого солдатам лестницы, верёвки, канаты, железные «кошки», крючки, багры.

Снова команда: вперёд на гору! Легче стало солдатам на гору теперь взбираться, помогают верёвки, крючки и «кошки».

Целый день штурмовали солдаты гору. Акробатами прямо стали. Кончилось тем, что взлетали солдаты волной на её вершину. Раз — и взята вершина.

В чём же дело? Зачем ледяная гора солдатам?

Левый берег реки Невы, который предстояло штурмовать нашим солдатам, был высоким,

обрывистым. Решили фашисты сделать его и вовсе для наших войск неприступным. Облили они водой невские кручи. Образовались здесь ледяные горы.

Через эти горы и предстояло прорваться советским бойцам. Вот и создали наши командиры специальные отряды в помощь штурмующим. Вот и попал Вавилов в такой отряд.

Началось наше наступление. Протрубили атаку трубы. Устремились вперёд солдаты. Бегут по невскому льду, опережая других, и штурмовые отряды. Тащат солдаты лестницы, «кошки», багры, верёвки. Стреляют фашисты. Понимают, что в этих лестницах, этих баграх и «кошках» кроется смерть для них, для фашистов.

Так и есть. Добежали солдаты до ледяных обрывов. Заработали лестницы, «кошки», багры, верёвки. Преодолели солдаты скользкие горы. С криком «ура!» ворвались в фашистские окопы.

Солдат Вавилов в числе первых взлетел на кручи. Застыл над обрывом. Взглядом секундным на кручи глянул: «Вот ведь куда взмахнул!»

Вспомнил боец про Монблан, про учебную гору. И, уже устремляясь вперёд в атаку, что есть сил прокричал:

— Спасибо!

«На-а-ши!»

Шесть дней вгрызались наши войска в оборону фашистов. Наступает Ленинградский фронт. Наступает Волховский. Прогибается, рушится фашистская оборона.

Шёл седьмой день боев южнее Ладожского озера.

Группа солдат-разведчиков одной из дивизий Ленинградского фронта вышла в разведку. В белых маскировочных халатах идут солдаты. Автоматы в руках. Под халатами на солдатских ремнях — гранаты.

Среди солдат один новенький — рядовой Точилин. Всё интересно молодому солдату. Впервые идёт в разведку. Идёт, об одном мечтает: вот бы схватить «языка».

— Схватим? — спрашивает новичок у бывалых.

Старший над группой — сержант Муса Дзенгазиев. С тем же вопросом солдат к сержанту:

— Схватим, товарищ сержант?

— Схватим, схватим, — сказал Дзенгазиев. — Боем возьмём, коль надо.

Прошагали солдаты замёрзшим болотом. Ели

пошли, осины. Сугробы слева, сугробы справа. Лесная идёт дорога. На две разошлась дорога.

Разбились разведчики: группа пошла направо, группа пошла налево. Точилин с группой как раз налево.

Прошли они метров триста, снова на две разошлась дорога. Разбились разведчики: двое пошли налево, двое пошли направо. Точилин и старшина Дзенгазиев свернули как раз направо. Идут между осинами и елями. Рвётся вперёд Точилин. Идёт, об одном мечтает: «Вот бы сейчас схватить „языка“!»

Улыбнулась судьба солдату.

Прошли они метров пятнадцать. Вдруг за елью мелькнуло что-то. Двинулось что-то. Не что-то, а кто-то. Человека увидел Точилин. Понимает боец: фашист.

— Хенде хох! — закричал Точилин.

— Хенде хох! — понеслось по лесу.

— Наши! На-а-ши! — слышит в ответ Точилин.

Ожили сугробы слева, справа. Как в сказке, выросли люди в белых халатах. В руках автоматы. Под халатами что-то топорщится. Понятно: висят гранаты. Любому ясно, что рядом — наши. А он…

— Хенде хох! — ещё громче кричит Точилин.

— Да тише ты, тише, — сказал Дзенгазиев. —

Это же наши. Кто вы?

— Разведка. Кто вы?

— Разведка.

Оказалось, встретились две разведки. Разведка Ленинградского фронта и разведка Волховского фронта. Бросились разведчики друг к другу:

— Встретились! Встретились! Ура!

Стоит Точилин. Глазам не верит.

Подхватили волховчане на руки Точилина. Подбрасывают вверх:

— Встретились! Встретились! Ура!

Подлетает Точилин высоко-высоко, чуть ли не до самых еловых макушек.

— Вот тебе и «хенде хох»! — смеётся Дзенгазиев.

Многие группы разведчиков встретились в этот день. Было 18 января 1943 года. Завершили в этот день войска Ленинградского и Волховского фронтов прорыв Ленинградской блокады. Встретились. Соединились.

Загадочный танк

За день до полного соединения советских войск южнее Ладожского озера произошла здесь необычная встреча.

На одном из участков Волховского фронта появился фашистский танк. Был он почему-то один. Шёл на повышенной скорости. Открыли по фашистскому танку огонь полковые пушки Волховского фронта. Молодцы пушкари, умельцы.

Выстрел. Ура! Попали.

Но что такое? Не тронул снаряд фашиста. Продолжает идти махина.

Снова выстрел.

Ура! Попали.

И снова снаряд не осилил танка.

— В бок бей фашиста! — дана команда.

Ударили в борт артиллеристы.

Выстрел. Выстрел. Ура! Попали.

Не взяли снаряды и в борт врага.

Поражаются артиллеристы. То ли снаряды у них с дефектами. То ли у пушек несильный бой. Присмотрелись к танку. Так ведь и танк не совсем обычный. Больше обычного. Форма совсем иная. Понимают солдаты: загадочный танк, новый

какой-то танк.

Продолжает свой рейд неприятельский танк. Снова встретил он наши пушки. И эти пушки открыли огонь по танку. Метко стреляли артиллеристы.

Выстрел. Выстрел. Ура! Попали.

Но и тут не подбили наши полковые пушки фашистский танк. Не берут почему-то его снаряды. Крупнее калибром нужны здесь пушки.

И всё же дрогнул перед пушками неприятельский танк. Нервы у фашистов, видать, не выдержали. Стал танк уходить от огня. Стал маневрировать. Свернул чуть с дороги. И тут угодил он в торфяник. Стал оседать в трясину.

Принялись фашисты спасаться, бежать из танка. Однако погибли от наших пуль. Подошли советские солдаты, посмотрели. Среди убитых лежал фашистский генерал.

— Генерал? — переглядываются солдаты.

— Генерал!

— Вот так птица сидела в танке!

Ясно солдатам: необычный, конечно, танк.

Вытащили солдаты тягачами танк из торфяника, отправили в штаб к начальству. Командующий Волховским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков осмотрел неприятель-

ский танк. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Георгий Константинович Жуков осмотрел неприятельский танк. Новый какой-то танк.

Отправили танк в Москву. Оказалось, что пленённый на Волховском фронте танк был фашистским танком самой последней марки. «Тигром» назвали его фашисты. Очень надеялись фашисты на новый танк. К новым боям готовили. Здесь, под Ленинградом, танк проходил испытания.

Не завершили фашисты его испытание. Лишились танка. Зато наши военные инженеры в Москве отлично его изучили. Узнали слабые места танка, поняли, как бороться с «тигром».

Вскоре грянула грозная Курская битва. К этой битве и готовили «тигр» фашисты. Грянула битва. Не испугались наши. Знали уже о новом фашистском танке.

Поро́жки

Прорвали наши войска в январе 1943 года южнее Ладожского озера фашистский фронт, пробили брешь в Ленинградской блокаде. Однако сил, чтобы полностью разбить фашистов и отогнать их от Ленинграда на многие километры, у нас и на этот раз ещё не хватило.

Ещё почти год фашисты стояли у Ленинграда.

Многое свершилось за этот год. Продолжались победы нашей армии.

Фашисты были разбиты в упорном сражении под городом Курском и под городом Киевом, в огромном сражении на Днепре. Началось новое наступление и под Ленинградом.

Войсками Ленинградского фронта командовал генерал (вскоре он стал Маршалом Советского Союза) Леонид Александрович Говоров.

14 января 1944 года советские войска перешли в наступление.

К этому времени фашисты уже не мечтали захватить Ленинград. Их задача теперь — удержаться на старых позициях. Укрепили они позиции. Создали крепкую оборону. Построили специальные огневые точки. Это пулемёт или

пушка, укрытые от наступающих железобетонным колпаком. Толщиной в метр и более были стены у этих укрытий. Прорвать такую оборону и предстояло советским солдатам.

И вот пошли войска в наступление. Вгрызлись они в оборону врага. Завязали бои с фашистами.

Ждёт генерал Говоров, ждут другие генералы на командном пункте фронта первых сообщений от наступающих войск. Вот оно, поступило наконец первое сообщение.

Держит генерал Говоров трубку полевого телефона, слушает. Потеплело лицо. Улыбнулся. Значит, вести хорошие.

— Так, так, — изредка приговаривает Говоров.

Слушает, слушает. Но вот чего-то не разобрал.

— Как-как? — переспросил. — Повторите, — попросил.

Повторили. Пожал Говоров плечами. Видимо, опять что-то не очень ясное. Вновь повторили.

— Ах, название. Теперь понятно, — сказал Говоров. — Значит, селение так называется?

— Так точно, товарищ командующий, селение, — послышалось в трубке.

Закончил Говоров разговор, повернулся к своим помощникам:

— Поздравляю, товарищи, первый успех наме-

тился. А вот и первый трофей. — Генерал сделал паузу, посмотрел на помощников. — Порожки.

— Что — порожки? — кто-то не понял.

— Порожки. Деревня с названием Порожки, — сказал Говоров. — Вот первый населенный пункт, который взят в наступлении нашими войсками.

— Порожки! — вырвалось у генералов.

— Порожки, — повторил Говоров. Улыбнулся: — Ну что же — если порожки перешагнули, можно и дальше.

Пошло гулять по фронту:

— Перешагнули через порожки. Переползли.

— Переехали.

— Через порожки прыгнули.

Пошли войска за Порожки дальше. Ударили с севера, ударили с востока. Стремительно развернулось наступление советских войск. Прорвали они полностью фашистскую блокаду города Ленинграда. Погнали врага на запад. Пошли богатырским шагом.

«ВперЁд, на запад!»

Восточный вал

После Курской победы наша армия быстро пошла вперёд. Под ударами наших войск фашисты поспешно отходили на запад.

Широк, и могуч, и прославлен Днепр. Кручи седые стоят, как скалы. Словно ветер, быстра вода.

Здесь, на Днепре, на правом высоком его берегу, и укрепились теперь фашисты. Создали мощную оборону. Несокрушимой стеной поднимается правый берег.

Свою оборону на Днепре фашисты назвали «Восточным валом».

Заявили фашисты:

— Неприступен «Восточный вал»!

Даже Гитлер сказал:

— Скорее Днепр потечёт обратно, нежели русские здесь прорвутся.

Подошли наши части к Днепру. И тут же с ходу, без ожиданий, без остановки стали переправляться на правый берег. Устремились войска вперёд.

Не сдержались фашисты:

— Стойте! Куда вы! Перед вами «Восточный вал»!

Переправляться через Днепр советские войска

начали сразу же в нескольких местах.

Заметались фашисты по правому берегу.

И здесь переправа, и там переправа. Гадают, где ожидать удара. Куда посылать резервы?

Доносит фашистским генералам разведка:

— У села Теремцы́ захвачена противником переправа.

Вступают фашисты в бой. Посылают под Теремцы подкрепление.

Новые вести несёт разведка:

— У села Дома́нтово захвачена противником переправа.

Посылают фашисты сюда подкрепление.

Всё новые, новые вести идут с Днепра:

— Переправа у При́пяти!

— Переправа южнее Припяти!

Много уже переправ.

— Переправы на север от Киева.

— Переправы южнее Киева.

— Переправы возле города Кременчу́га!

На огромном пространстве в 600 километров — от города Ло́ева до города Днепропетровска (ныне город Днепр) — вышла наша армия к Днепру. И сразу же начала переправы.

Наступают фронты под руководством генералов

Рокоссовского,
Ватутина,
Конева.
Наступают армии
Пухова,
Чибисова,
Черняховского,
Шарохина,
Москаленко,
Манагарова
и других генералов.

Наступают артиллеристы, танкисты, авиационные соединения и много других частей.

Колоссальная битва идёт за Днепр. Сотрясаются левый и правый берега.

Не ожидали фашисты такого штурма. Затрещал их «Восточный вал».

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал, то есть руководил, согласовывал, действия советских войск на Днепре Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Смотрит маршал на переправы. Несокрушимо, как волны, идут войска. Всё больше и больше огня и силы.

Смотрит Жуков на эту силу:

— Вот он — Восточный вал!

Первые

Советские армии шли на Киев. Первыми переправу через Днепр в районе Киева начали бойцы 51-й гвардейской танковой бригады. Было это южнее Киева, у села Великий Букри́н. Но и среди этих были свои первые — это рота автоматчиков, которой командовал лейтенант Синашкин. Но и тут среди первых тоже нашлись первые.

Первыми были четыре бойца, четыре комсомольца, четыре гвардейца, четыре друга: Иванов, Петухов, Семёнов и Сысолятин.

Четверо солдат должны были первыми переправиться на правый, занятый фашистами берег Днепра, открыть стрельбу, поднять панику среди фашистов, отвлечь их и тем самым дать возможность всей роте, а затем батальону, а потом и бригаде переправиться через Днепр.

И вот левый берег. Друзья провожают героев в путь.

— Удачи! — кричат Иванову.

— Удачи! — кричат Петухову.

Обнимают, хлопают по плечу Семёнова и Сысолятина.

Тронулись в путь бойцы. Ночь. Тишина. Вот-вот

проклюнется рассвет на востоке. Плавно лодка идёт по спокойной днепровской глади.

В лодке пятеро: четверо бойцов, пятый — местный партизан, проводник и перевозчик Алексей Шаповалов.

Бесшумно, беззвучно гребёт Шаповалов. Опускает в воду без всплеска вёсла. Поднимает без всплеска вёсла. Уключины смазал смолой заранее.

— Лишь бы себя не выдать. Лишь бы пройти незамеченными, — беспокоится за сохранность бойцов Шаповалов.

Всё ближе и ближе правый высокий берег.

Не обнаружили, не заметили фашисты лодку с советскими бойцами. Взмах вёслами. Взмах. Ещё взмах. Вот и уткнулась лодка носом в песчаный берег.

Вышли бойцы на берег. Простился с отважными Шаповалов. Поднялись балкой они на кручи. Завязали с врагом бой. Застрочили огнём пулемёты, заговорили огнём автоматы, полетели со свистом мины.

Решили фашисты: батальон тут, никак не меньше.

Идёт на круче с врагом бой. А в это время там, на Днепре, начинают наши войска переправу. На

лодках, на плотах, просто на брёвнах, на досках, на надувных понтонах, на набитых соломой плащ-палатках, просто на связках ветвей и сена устремились солдаты на правый берег. За отделением рвётся вперёд отделение, за взводом стремится взвод, за ротой торопится рота. А вот и батальоны уже пошли. А вот и полки на днепровском марше.

Спохватились фашисты, открыли артиллерийский огонь по Днепру. Вызвали авиацию. Но ни сталь, ни огонь не сдержали напор штурмующих. Всё больше, всё больше советских бойцов на том, на правом, берегу. Всё шире, всё шире плацдарм Букринский. Захватили плацдарм солдаты.

…Река начинается с первых капель. Урожай начинается с первых зёрен. Дом начинается с первого камня. Всё начинается с малого, с первого. Слава великая первому!

Солдаты Иванов, Петухов, Семёнов и Сысолятин на Днепре, под Киевом, были первыми. Они положили тогда начало. Все живы остались, все целы. Заслуженно звёзды Героев их грудь украсили. Великая слава первым!

Невидимый мост

Мост не игла, не булавка. Мост обнаружишь сразу.

Первые советские части переправились на правый берег Днепра вплавь — на катерах и лодках.

Однако армия — это не только люди. Это и машины, и танки, и артиллерия. Для автомашин и танков необходимо горючее. Боеприпасы — для танков и артиллерии. Не переправишь всё это вплавь. Не годятся здесь катера и лодки. Необходимы мосты. К тому же прочные, грузоподъёмные.

Заметили как-то фашисты, что на одном из днепровских плацдармов вдруг появилось много советских солдат и военной техники. Ясно фашистам: значит, где-то рядом построили русские мост. Отправились на поиск моста самолёты-разведчики. Летали, летали пилоты. Брали севернее от плацдарма, брали южнее, поднимались вверх по течению Днепра, опускались вниз, к самой воде снижались — нет, не видно нигде моста.

Вернулись лётчики из полёта, докладывают:

— Не обнаружен мост. Видимо, нет моста.

Гадают фашисты: как же, каким тогда чудом

переправились русские? Вновь посылают они разведку. Опять на поиск ушли самолёты.

Один из пилотов оказался других упорнее. Летал он, летал, и вдруг — что такое? Смотрит, глазам не верит. Протёр глаза. Снова смотрит, опять не верит. Да и как тут поверишь! Там внизу, под крылом, через Днепр идут советские солдаты. Идут без моста по воде и не тонут. А вот и танки тронулись следом. И эти идут по воде. И эти — вот чудеса! — не тонут.

Вернулся лётчик поспешно на аэродром, генералу докладывает:

— Идут по воде солдаты!

— Как — по воде?!

— По воде, по воде, — уверяет лётчик. — И танки идут и не тонут.

Сел генерал к лётчику в самолёт. Подлетели они к Днепру. Всё верно: идут по воде солдаты. И танки тоже идут и не тонут.

Смотришь вниз — чудеса, да и только!

В чём же дело? Соорудили мост так, что настил его не возвышался над водой, как обычно, а, наоборот, уходил под воду — ниже уровня воды укрепили настил сапёры.

Глянешь на этот мост — всё верно: идут по воде солдаты.

Люто бомбили фашисты мост. Бомбили, да бомбы летели мимо. Вот ведь какой сверхчудесный мост.

Снег на голову

5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Кравченко быстрым маршем шёл на помощь войскам, удерживавшим Лютéжский плацдарм на Днепре под Киевом.

Путь к Днепру танкистам преграждала река Десна. Десна в этих местах глубокая, дно у неё неровное, течение быстрое. Чтобы преодолеть её, танкам нужны тяжёлые паромы или мосты. Мост за час не построишь. А у Лютéжа ждут помощи. Нажимают здесь фашисты на наших. Вот-вот и сбросят наших солдат с плацдарма.

Знают фашисты, что с востока в этих местах Днепр прикрывает река Десна. Знают, что Десна здесь глубокая, с быстрым течением. Не пройдут тут танки. Не поддержат вовремя пехоту под Лютежем. Спокойны фашисты. И вдруг:

— Танки под Лютежем!

— Танки под Лютежем!

Как же здесь появились танки?

Когда подошли наши танки к Десне и остановились, командир корпуса генерал Кравченко обратился к местным жителям:

— Есть броды?

— Да как сказать, — отвечают местные жители. — Для кого, может быть, и нет, а для кого и есть. Для человека брода, конечно, нет, для телеги тоже. А для танка, может, и сыщется.

Хочется им, чтобы для танков сыскался брод.

Стали танкисты исследовать дно реки, выискивать, где глубина поменьше, где дно потвёрже.

Стали и местные жители помогать.

— Вот тут помельче.

— Вот тут наискосок удобнее.

Искали, искали танкисты удобные места, и всё же самая малая глубина в полный рост танка. Если попробовать переходить Десну бродом, то лишь чуть-чуть башенный люк из воды покажется.

— Да-а!

Задумался генерал Кравченко. Задумались и другие танковые командиры.

— И всё же выбора у нас нет, — наконец сказал командир корпуса. — Будем форсировать Десну бродами.

Отдал генерал Кравченко приказ о форсировании. Пришлось танкистам проявить солдатскую смекалку и изобретательность.

Все щели и отверстия в танках законопатили паклей, промазали смолой. На выхлопные трубы

надели брезентовые рукава и вывели их так, чтобы они поднимались выше уровня реки. На реке вдоль брода установили вешки.

И вот для пробы двинулся первый танк. Замерли все на берегу, впились глазами в танк: пройдёт — не пройдёт, пройдёт — не пройдёт.

Опустилась громада в воду.

Всё выше вода, всё выше, всё ниже в воду уходит танк. Люк на танке открыт. Из люка выглядывает командир. Следит за вешками, подаёт команду вниз водителю. Водитель сидит в темноте, ничего не видит. Лишь крепко вцепился в рычаги, выполняет команды командира.

Медленно ползёт танк. На первой скорости. Как ни задраивали, ни конопатили щели, а всё же вода проникает в танк. У механика-водителя ноги уже в воде. Вот достигла вода пояса. Задержалась. Выше пошла. Вот плеч достигла. Секунда — и побежит за ворот.

Но всё. Дальше вода не двинулась. Остановилась. Отступила вода обратно. Вот отпустила грудь. Вот отошла до пояса. Вот лишь ноги одни в воде. Вот и вовсе вода исчезла.

Вышел танк из Десны. Взревел мотором. Дернулся. Отряхнулся, как огромная утка.

60 боевых машин, весь танковый корпус, про-

шли тогда по дну Десны. Явились танкисты под Лютеж, как во времена Суворова, словно снег на голову, словно лавина с гор.

«Танк на голову» — назвали солдаты этот бросок танкистов.

«С Букрина, с Лютежа?»

Удержали наши войска под Киевом переправы, создали два крупных плацдарма. Один — южнее Киева, недалеко от селения Великий Букрин. Этот плацдарм назывался Букринским. Второй был создан севернее Киева, у селения Лютеж. Это был Лютежский плацдарм.

Решался вопрос, с какого плацдарма начать наступление на Киев. Решают этот вопрос советские генералы. Ломают головы и фашисты. Наши решают, где лучше ударить. Фашисты — где же ударят наши?

Гадают фашисты:

— С Лютежа, с Букрина?

— С Букрина, с Лютежа?

Усилили фашисты разведку и наблюдение. Всё учитывают, всё подсчитывают, всё взвешивают. Приходят к выводу: скорее всего, русские ударят с Букрина.

И действительно, собирались вначале советские войска атаковать с Букрина. Однако затем изменили решение. Главный удар на Киев было решено произвести с Лютежского плацдарма.

Изменить направление на штабных картах де-

ло совсем простое. А вот передвинуть незаметно войска, технику и снаряжение на новое место куда сложнее. Рыщут в небе фашистские самолёты-разведчики, зорко следят за дорогами.

Танки и артиллерию стали перемещать скрытно, ночью. Но и это тоже не самое сложное. Сложнее сделать так, чтобы неприятель не заметил, что опустели, оголились старые позиции. Тогда и здесь, как под Суджей, на месте настоящих танков и пушек, ушедших под Лютеж, устанавливали наши бойцы танки и пушки, сделанные из фанеры.

Доносят фашистские разведчики:

— Всё без изменений. Танки и орудия на старых стоят позициях.

Но и этого мало.

Опустели во многих местах штабные помещения и командные пункты. Ушли командиры со своими соединениями на Лютежский плацдарм. Однако нельзя, чтобы об этом догадались, узнали фашисты, — не все ушли из штабов. Остались здесь небольшие группы. Остались и радиостанции. «Трудятся» в полную силу штабы. Даже «работу» ещё усилили. Не умолкают радиостанции.

Доносят фашистские разведчики:

— Усилили работу штабы у Букрина.

— Не утихают радиостанции.

Ясно фашистским генералам: правы они в своем предположении — прорыв будет здесь, под Букрином.

И вот 1 ноября 1943 года советские войска на Букринском плацдарме действительно перешли в наступление. Сняли фашисты дивизии с соседних участков фронта, в том числе и из-под Лютежа, и перебросили сюда, под Букрин.

Торжествуют фашисты:

— Разгадали мы планы русских!

Выждали наши, когда вовсю разгорелось сражение, и только тут-то ударили из-под Лютежа.

Хорошо был продуман удар советскими генералами. Затрещала фашистская оборона. Прорвали её солдаты. Прорвали, пошли на Киев.

Горы

Слева и справа холмы чуть заслонили небо. Между ними лежит равнина. Февраль. Снег укутал холмы и поле. Вдали, чуть виден, стоит ветряк. Ворон над полем раскинул крылья.

Страшно глянуть сюда, на поле. И вширь и вдаль, куда только хватает глаз, фашистских мундиров горы. А рядом горы сгоревших танков, разбитые пушки — металла сплошные груды.

В этих местах шла Ко́рсунь-Шевче́нковская битва.

Корсунь-Шевченковский — город на Украине. Здесь, южнее Киева, недалеко от Днепра, в январе 1944 года, продолжая громить фашистов, советские войска окружили 10 дивизий врага.

Предложили наши фашистам сложить оружие. Направили парламентёров. Вручили они фашистскому генералу Вильгельму Штеммерманну, который командовал окружёнными гитлеровцами, наши условия.

Отклонил предложение Штеммерманн. Отдали ему из Берлина строжайший приказ держаться.

Крепко держались фашисты. Но сжали, сдавили фашистов наши. И вот осталось у фашистов

совсем немного — село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скиби́н.

Стояла зима. Февраль набирал силы. Вот-вот завьюжит.

Погодой и намеревался воспользоваться Штеммерманн. Решил он дожидаться метельной ночи и двинуться на прорыв.

— Не всё, господа, потеряно, — сказал Штеммерманн офицерам. — Укроет нас вьюга. Пробьёмся из плена.

— Укроет нас вьюга, — вторят офицеры.

— Укроет нас вьюга, — зашептались солдаты. — Пробьёмся из плена. Вырвемся.

Ждут все вьюгу. На снег и буран надеются.

Явились буран и снег.

Собрались фашисты в ряды, в колонны. Двинулись на прорыв. В метельную ночь незаметно пройти надеялись. Однако были на страже наши. Зорко следили они за фашистами. Село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин — здесь и грянул последний бой.

Не спасли фашистов февраль и вьюга. Сражались фашисты с напором, с упорством. Шли, как безумные, напролом. Прямо на пушки, прямо на танки. Однако не у фашистов сила была — у наших.

Страшно после сражения было глянуть на поле битвы. Генерал Штеммерманн тоже остался на этом поле. «Укроет нас вьюга», — вспомнил свои слова.

55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено в Корсунь-Шевченковской битве. Много тысяч попало в плен.

Ходит, гуляет по полю вьюга, укрывает снегом солдат фашистских.

Оксанка

— Воевал?

— Воевал!

— И ты воевал?

— И я воевал!

— И Манька, — сказал Тараска.

— И Оксанка, — сказала Манька.

Да, воевали ребята: и Тараска, и Манька, и Богдан, и Гришка, и, представьте, Оксанка тоже, хотя Оксанке всего-то неполный год.

В дни, когда только-только окружили наши войска фашистов под Корсунь-Шевченковским, стояла небывалая для этой поры распутица. Морозы ослабли. Началась оттепель. Дороги размякли, разбухли, раскисли. Не дороги, а слёзы, сплошная хлябь.

Буксуют машины по этой хляби. Тягачи бессильны на этой хляби. Танки и те стоят.

Остановилось кругом движение.

— Снарядов! Снарядов! — на фронте кричат батареи.

— Дисков! Дисков! — требуют автоматчики.

Кончается минный запас на фронте, скоро не станет гранат, пулемётных лент.

Нужны войскам мины, снаряды, гранаты, патроны. Однако остановилось кругом движение.

Нашли бойцы выход. На руках понесли снаряды, на руках потащили мины. Гранаты, фугасы, диски взвалили себе на плечи.

Видят жители местных сёл, в чём нужда у нашей армии.

— И мы не безрукие!

— Давай груз и для наших плеч!

Пришли колхозники на помощь советским воинам.

Нагрузились люди свинцовой ношей. К фронту сквозь хляби двинулись.

— И я хочу, — заявил Тараска.

— И я хочу, — заявила Манька.

И Богдан, и Гришка, и другие ребята тоже.

Посмотрели на них родители. Взяли с собой ребят. Нагрузились и дети для фронта ношей. Тоже несут снаряды.

Получили солдаты боеприпасы. Снова огонь по врагам открыли. Заухали мины. Заговорили, забили пушки.

Возвращаются ребята домой, слушают, как рвутся вдали снаряды.

— Наши, наши снаряды! — кричат ребята.

— Ура!

— Бей фашистов! — кричит Тараска.

— Бей фашистов! — кричит Богдан.

И Манька кричит, и Гришка кричит, и другие ребята тоже. Рады ребята: помогли они нашим.

Ну а при чём же, скажете вы, Оксана? Оксанке всего-то неполный год.

Мать Оксанки тоже хотела помочь солдатам. Но как быть с Оксанкой? Не с кем оставить Оксанку дома. Взяла её мать с собой. Сзади за плечами несла она мешок с дисками для автоматов, а впереди на руках Оксанку. Для забавы сунула ей патрон.

Когда достигли колхозники назначения и вручили бойцам поклажу, один из бойцов увидел Оксанку, подошёл, наклонился:

— Откуда ты, малое?

Посмотрела на бойца девочка. Улыбнулась. Моргнула. Протянула ему ручонку. Смотрит боец: на ручонке лежит патрон.

Принял боец патрон. В обойму автоматную вставил. «Спасибо», — сказал Оксанке.

«Багратион»

«Багратион» — так называлась огромная наступательная операция, которую провели наши войска, освобождая Белоруссию.

Проходила она летом 1944 года.

Пётр Багратион — сподвижник и ученик Александра Суворова, ближайший соратник Михаила Кутузова. Это был решительный генерал. Называли его генерал-атака. Такой же решительной, наступающей была и Белорусская операция. Принимали в ней участие войска четырёх фронтов.

Долго и скрытно готовилась операция. Составлялись планы. Намечались места ударов. Подвозилось новое вооружение, горючее, боеприпасы. Сосредоточивались в нужных местах войска.

В июне 1944 года белорусская стратегическая операция «Багратион» началась. Сразу четыре фронта пошли в грандиозное наступление. Наши наступали с севера, востока и юга.

Устремились войска вперёд, сломили фашистскую оборону. И вот с фронтов одно за одним сообщения:

— Наши войска окружили фашистов под горо-

дом Ви́тебском.

Вступили в Жло́бин.

Фашисты бегут из О́рши.

Взят Могилёв.

Фашисты окружены под Бобру́йском.

Взяты Слуцк,

Бори́сов,

Вилей́ка,

Не́свиж.

И вот самое важное. 3 июля 1944 года наши войска освободили столицу Советской Белоруссии город Минск. Не только освободили Минск, но восточнее города окружили фашистов, загнали в большой «котёл».

Дальше пошли войска. И снова идут сообщения:

— Взяты По́лоцк,

Молоде́чно,

Ошмя́ны,

Ле́пель.

Наши в Бара́новичах!

Наши в Гро́дно!

Пинск встречает освободителей.

Ли́да свободна!

Свободен Сло́ним!

Всё дальше, дальше отодвигается линия фрон-

та. Всё больше белорусской земли свободной. Продолжают войска наносить удар.

Собрались как-то командующие всех четырёх фронтов, гнавших по белорусской земле фашистов, — генералы Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, Захаров. Собрались другие военачальники. Вместе со всеми и представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Жуков и Василевский.

Посмотрел на соратников маршал Жуков:

— Не посрамили, выходит, память.

Догадались советские генералы:

— Багратиона?

— Багратиона, — ответил Жуков.

«Инженерная операция»

Белоруссия — край болот. Царица трясин и топей. Сражаться в таких местах и легко, и трудно. Легко в обороне стоять. Наступать по болотам трудно.

Готовился план разгрома фашистов под городом Бобруйском. На пути к Бобруйску находился город Па́ричи. Паричи стоят на реке Березине́. Решался вопрос, с какой стороны ударить на Паричи: с юга, с правого берега Березины, или с востока, с левого её берега.

Впрочем, по всем военным наукам ударить здесь можно было только с востока. На юг от Паричей тянулись болота: те самые — белорусские, бездонные.

Ясно фашистам: если и будет удар на Паричи, так только с востока. Ясно и нашим, что если идти на Паричи, то, конечно, с востока только.

Ясно-то ясно, однако душа у наших командиров не лежит к тому, чтобы идти с востока. Укрепились здесь сильно фашисты. Ждут отсюда они удара. Пристреляли дороги, тропы. Разложили фугасы, мины.

Армией, которая должна была здесь наступать,

командовал генерал Павел Иванович Батов. Ломает над планом операции голову Батов. Ездит на левый берег Березины, туда, где сухо, где и надо наступать по всем военным наукам; ездит на правый, туда, где болота, где по этим самым наукам наступать категорически нельзя. Замечают солдаты, что генерал всё чаще и чаще ездит на правый берег.

Армия Батова входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский.

И Рокоссовский ломает голову. Всё обдумывает операцию. Ездит на левый берег Березины, ездит на правый. Всё чаще и чаще на правый ездит.

Координировал действия наших войск на этом участке фронта представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. И Жуков над тем же вопросом ломает голову. Ездит на Березину, на левый, на правый берег. Всё чаще на правый ездит. По болотам в раздумье бродит.

Нужно сказать, что тайно ездят они к болотам. Скрывают свои поездки. Ясно одно: не дают им покоя болота.

И вот здесь неожиданно встретились маршал и генералы.

— Здравия желаем, товарищ маршал, — поприветствовали маршала генералы.

— Здравия желаю, товарищи генералы, — ответил Жуков. Глянул на генералов: — Что же вас сюда привело?

— Да так, — пожали плечами Рокоссовский и Батов, — урвалась минута отдыха. Места здесь сказочные.

Ответили генералы и сами к маршалу:

— Чем обязаны вашим присутствием, товарищ маршал?

— Да так, детство чего-то вспомнил, давно не ходил по болотам, — ответил Жуков.

Глянул Жуков на Рокоссовского, на Батова, глянули Батов и Рокоссовский на Жукова — рассмеялись маршал и генералы. Ясно им, почему они встретились. Ясно каждому, что привело их сюда, в трясины.

— Значит, тревожат болота? — спросил Жуков.

Наступил день начала операции под Бобруйском. Ударили наши войска.

Смотрят фашисты: всё верно, всё по военной науке — с левого с сухого берега Березины ударили русские. Бросили они все силы сюда на отражение нашего удара. Втянулись войска в сражение. И вдруг:

— Русские с юга!

— Как — с юга? Там же трясины, болота, топи!

Всё верно. Из болота выходят русские.

Словно лесные призраки, появлялись из болот советские танки и пушки. Удар был стремительным, неожиданным. Город Паричи был освобождён. Части пошли к Бобруйску.

Немало потрудились наши военные инженеры и строительные батальоны. До малейшей тонкости всё рассчитали, всё проверили и перепроверили. Это они проложили здесь гати и настилы, по которым затем прошли советские танки и артиллерия. Это их труд и принёс победу.

«Инженерная операция» — так был назван наш удар под Паричами.

Хаты́нь

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчему краю идёт солдат. Всё ближе и ближе к родному дому. Деревня его — Хатынь.

Шагает солдат с друзьями боевыми по роте и говорит о доме:

— Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога прижалась к лесу, где ели упёрлись стволами в небо, на самом бугре, на самом краю Хатыни, он и живёт — Иван Желобкович.

И напротив живёт Желобкович. И слева живёт Желобкович. И справа живёт Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шёл воин к своей Хатыни. Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трёхлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат,

Маришке несёт подарок — ленту в её косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат: «Пришёл!»

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену. Скажет солдат: «Пришёл!»

На руки возьмёт Маришку. Подбросит солдат Маришку. Скажет и ей: «Пришёл!»

Вынет солдат гостинец: «На, получай, Маришка!»

Шёл воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яскевичей, Рудаков, Мирановичей. Улыбнется солдат Хатыни. Скажет солдат: «Пришёл!»

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошёл лесочек — и вот Хатынь. Выслушал ротный.

— Ну что же, — сказал, — ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошёл он лесочек. Вышел к поляне. Вышел — и замер. Смотрит — не верит: нет на месте своём Хатыни. На пепелище трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

— Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи — все.

Явились сюда фашисты.

— Партизаны! — кричат. — Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае. Подбежал солдат к отчему дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостинец. Затрепетала, забилась от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землёй.

Хатынь не одна. На белорусской земле фашисты много сожгли деревень, много Хатыней было.

«Доложить!»

Граница, граница — черта священная. Ворота родной земли. Сколько мечтали о ней солдаты. Представляли в снах, в походах. И вот рядом совсем граница. Завершая операцию «Багратион», подходили солдаты к советской границе.

Спорят солдаты, кто первым к границе выйдет. Чей фронт, дивизия, полк, чья рота. Каждый стремится быстрей к границе. И кто-то ведь будет первым.

Представляют солдаты того, кто первым исполнит великий сыновний долг:

— Будет плечистый!

— Будет высокий!

— Молод, как утро, будет!

— Будут медали висеть на груди у героя!

Движутся вперёд войска. Всё ближе граница, ближе. И вот впереди граница — священный рубеж страны.

Устремились вперёд солдаты.

— Ура! — победно гремит над полем.

Считают бойцы последние метры. Вдруг видят: рядом бежит солдат. Всмотрелись бойцы — тот самый. Молод, плечист, высок. На груди две меда-

ли огнём сверкают.

— Он! — пронеслось по рядам.

— Он — молодой, тот самый!

Несётся солдат вперёд, в атаке, в лихом порыве. Вот тридцать метров осталось, вот двадцать, двенадцать, пять.

Шаг.

Ещё шаг.

Ещё шаг.

Последний победный шаг!

Вышел солдат к границе.

Озарилось улыбкой лицо солдата. Машет рукой другим. Слышат солдаты — кричит солдат:

— Прошу доложить!.. Прошу доложить!.. Родине доложить!..

Всё громче слова, всё громче. Громом победным летят над полем:

— Доложить!..

— Доложить!..

— Доложить!..

— Родине доложить — вышел солдат к границе!

Граница, граница — черта священная. Ворота родной земли.

Фаталисты

Это был необыкновенный марш — марш фашистов по улицам Москвы.

17 июля 1944 года. Идут фашисты. Шагает за рядом ряд.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Солнце описáло дугу по небу. А они всё идут и идут.

Идут генералы. Мечтали они о Москве. Ещё в 1941 году дали фашистские генералы клятву вступить в Москву. Рухнули тогда мечты генеральские. Битыми были они под Москвой.

— Ничего, ничего, — успокаивали генералы друг друга. — Мы — фаталисты! (Фаталист — это тот, кто упрямо верит в свою судьбу.) Быть нам в Москве. Непременно быть.

Наступило лето 1942 года. Снова успех на стороне фашистов. Подошли к Сталинграду, к берегу Волги.

Торжествуют фашисты:

— Вот он, великий час! Ещё нажим — и наш Сталинград. А за ним и Москва непременно наша.

Не получился у них нажим. Зажали, пленили фашистов тогда у Волги.

— Ничего, ничего, — успокаивают вновь друг друга фашистские генералы. — Мы — фаталисты! Мы — фаталисты! Быть нам с победой. Пройдём по Москве в колоннах.

1943 год. Начали фашисты сражение под Курском.

— Вот он, победы час! Вот он, конец России!

И верно, грянул победы час. Только нашей, советской победы. Вновь разбиты в боях фашисты.

Однако упрямы фашистские генералы. Снова твердят своё:

— Мы — фаталисты! Мы — фаталисты!

Оказались они фаталистами. Свершилось, о чём мечтали. Побывали они в Москве.

1944 год. 17 июля. По улицам Москвы под конвоем советских солдат идут и идут фашисты. Много их — 57 с лишним тысяч. Это только те и только часть тех, кто был пленён советскими войсками во время операции «Багратион». Позорным шагом идут фашисты.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Идут час.

Идут два.

Идут три.

Шагают, идут фаталисты. Торжествует кругом Москва.

Жало

Наши войска освобождали Молдавию. Оттеснили фашистов за Днепр, за Ре́ут. Взяли Флоре́шты, Тира́споль, Орге́ев. Подошли к столице Молдавии городу Кишинёву.

Тут наступали сразу два наших фронта — 2-й Украинский и 3-й Украинский. Под Кишинёвом советские войска должны были окружить большую фашистскую группировку. Выполняют фронты указания Ставки. Севернее и западнее Кишинёва наступает 2-й Украинский фронт. Восточнее и южнее — 3-й Украинский фронт. Генералы Малиновский и Толбухин стояли во главе фронтов.

— Фёдор Иванович, — звонит генерал Малиновский генералу Толбухину, — как развивается наступление?

— Всё идёт по плану, Родион Яковлевич, — отвечает генералу Малиновскому генерал Толбухин.

Шагают вперед войска. Обходят они противника. Сжимать начинают «клещи».

— Родион Яковлевич, — звонит генерал Толбухин генералу Малиновскому, — как развивается окружение?

— Нормально идёт окружение, Фёдор Иванович, — отвечает генерал Малиновский генералу Толбухину и уточняет: — Точно по плану, в точные сроки.

И вот сомкнулись гигантские клещи. В огромном «мешке» под Кишинёвом оказалось 18 фашистских дивизий. Приступили наши войска к разгрому попавших в «мешок» фашистов.

Довольны советские солдаты:

— Снова капканом прихлопнут зверь.

Пошли разговоры — не страшен теперь фашист, бери хоть руками голыми.

Однако солдат Игошин другого держался мнения:

— Фашист есть фашист. Змеиный характер и есть змеиный. Волк и в капкане — волк.

Смеются солдаты:

— Так это было в какое время!

— Нынче другая цена фашисту.

— Фашист есть фашист, — опять о своём Игошин.

Вот ведь характер вредный!

Всё труднее в «мешке» фашистам. Стали они сдаваться в плен. Сдавались они и на участке 68-й гвардейской стрелковой дивизии. В одном из её батальонов и служил Игошин.

Группа фашистов вышла из леса. Всё как положено: руки кверху, над группой выброшен белый флаг.

Ясно: идут сдаваться.

Оживились солдаты, кричат фашистам:

— Просим, просим! Давно пора.

Повернулись солдаты к Игошину:

— Ну чем же фашист твой страшен?

Толпятся солдаты, на фашистов, идущих сдаваться, смотрят. Есть новички в батальоне. Впервые фашистов так близко видят. И им, новичкам, тоже совсем не страшны фашисты — вот ведь, идут сдаваться.

Всё ближе фашисты, ближе. Близко совсем. И вдруг автоматная грянула очередь. Стали стрелять фашисты.

Полегло бы немало наших. Да спасибо Игошину. Держал оружие наготове. Сразу ответный открыл огонь. Потом помогли другие.

Отгремела пальба на поле. Подошли солдаты к Игошину:

— Спасибо, брат! А фашист, смотри, со змеиным, и вправду, выходит, жалом.

Немало хлопот доставил Кишинёвский «котёл» нашим солдатам. Метались фашисты. Бросались в разные стороны. Шли на обман, на подлость.

Пытались уйти. Но тщетно. Зажали их богатырской рукой солдаты. Зажали. Сдавили. Змеиное жало вырвали.

Полный кавалер

Советские войска продвигались в Прибалтику. Три года находились Латвия, Литва и Эстония под игом фашистов. Летом 1944 года началось освобождение прибалтийских республик. Особенно упорные бои развернулись на территории Латвии при форсировании реки А́йвиексте. Тут сражался и 130-й стрелковый корпус.

Один из боев разгорелся у селения Ви́эталва. Шла артиллерийская перестрелка. Советские пушки били точно. Снаряды взрывались прямо в фашистских окопах, громили фашистские батареи, накрывали фашистские танки.

Передвинули фашисты танки и пушки, сменили позиции. Прошла минута, вторая. И снова здесь рвутся советские снаряды, снова точно ложатся в цель.

Ясно фашистам: кто-то корректирует, то есть направляет, огонь советских артиллеристов. Видимо, где-то укрылся наблюдатель. Он и наводит огонь на цели.

В селении Виэталва стояла церковь. Высоко в небо поднялась её колокольня. Церковь находилась на «ничейной» территории, как раз

посередине между нашими и фашистскими окопами. К ней-то и пробрался незаметно старшина из 123-го гвардейского полка 43-й гвардейской латышской дивизии Ян Ро́зе. Поднялся на колокольню. Хорошо с высоты, с колокольни, видно. Отсюда Розе по радио и подавал сигналы нашим артиллеристам.

Заподозрили фашисты, что на колокольне находится советский корректировщик, открыли огонь по церкви.

Сидят наши бойцы в окопах, следят за огнём фашистов.

— Выкурят они его, — сказал кто-то из наших бойцов.

— Ну это ещё посмотрим, — кто-то второй ответил. — Тут кто кого — это ещё вопрос. Нужно знать нашего Яна…

И верно. Хитро поступал Розе. Начнут фашисты артиллерийский обстрел колокольни — спускается с колокольни на землю. Закончат фашисты обстрел — вновь поднимается на колокольню.

Снова обстрел — снова спешит на землю. Отстрелялись фашисты — опять там, на высоте, с передатчиком в руках Ян Розе. Пять дней длился бой под селением Виэталва. Пять дней и ночей не покидал свой пост отважный старшина.

Отступили фашисты на пятый день.

— Ну, кто кого выкурил? — пошли голоса.

— Ян! Ян! — усмехались бойцы. — Ян Розе. Стрелки латышские.

Многие бойцы 43-й гвардейской латышской дивизии были награждены орденами за бои у реки Айвиексте. Награжден был и Ян Розе. Орденом Славы. Не первый раз отличился в бою Ян Розе. Это был не первый, а третий его орден Славы. Три ордена Славы — предел. Больше у одного человека их не бывает. Орден Славы имеет три степени: третью, вторую и первую. Ян Розе был награждён орденами всех трёх степеней, то есть стал полным кавалером этого почётного солдатского ордена.

Бои за Прибалтику длились до глубокой осени.

22 сентября 1944 года красное знамя взвилось над столицей Эстонии городом Таллином. 13 октября советские войска освободили столицу Латвии город Ригу. А ещё раньше, 13 июля, во время операции «Багратион» был освобождён город Вильнюс — столица Литвы.

Почти над всей территорией Прибалтики теперь реяло знамя свободы.

Море справа, горы слева

Крайний Север. Кольский полуостров. Баренцево море. Полярный круг. И тут, за Полярным кругом, идут бои. Бьётся Карельский фронт.

Если стать здесь лицом на запад, слева — горы, справа — море. Там дальше, за линией фронта, лежит государство Норвегия. Захватили фашисты страну Норвегию.

В 1941 году фашисты ворвались в Заполярье. Они пытались захватить город Мурманск — наш самый северный морской порт.

Не пропустили фашистов к Мурманску наши войска. Мурманск не только самый северный порт, это незамерзающий порт на Севере. Круглый год, и летом и зимой, могут сюда приходить корабли. Через Мурманск морем поступали к нам важные военные грузы. Вот почему для фашистов так важен был Мурманск. Рвались фашисты, но не прорвались. Удержали наши герои Мурманск. И вот теперь настало время и здесь разгромить фашистов.

Места тут для боя на редкость сложные. Горы. Утёсы. Скалы. Море вечно стучит о берег. Ветер сбивает с ног. По горным тропам разве только

олень пройдёт.

Стояла осень. Был октябрь месяц. Вот-вот и наступит длинная полярная ночь.

Готовясь к разгрому врагов на Севере, командующий Карельским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков обратился в Ставку Верховного Главнокомандования в Москву с просьбой выделить для фронта тяжёлые танки КВ. Броня у них толстая, прочная, мощное вооружение. КВ — хорошие грозные танки. Однако к этому времени они устарели.

Просит генерал Мерецков в Ставке КВ, а ему говорят:

— Зачем же КВ? Мы вам выделим более совершенные.

— Нет, прошу КВ, — говорит Мерецков.

Удивились в Ставке:

— Да зачем же КВ на Севере? Там во многих местах лишь олень пройдёт.

— Где олень пройдёт, там пройдут и советские танки, — отвечает Мерецков. — Прошу КВ.

— Ну что ж, смотрите, ведь вы же командующий!

Получил фронт эти танки.

Фашисты на Крайний Север не завозили танков.

«Горы, утёсы, скалы. Где здесь возиться с тяжёлыми танками», — рассуждали они.

И вдруг появились советские танки, к тому же КВ.

— Танки?! — недоумевают фашисты. — КВ? Что такое! Как? Почему? Откуда?! Тут ведь только олень пройдёт!

Двинулись на фашистов советские танки.

7 октября 1944 года наступление советских войск на Крайнем Севере началось. Быстро прорвали наши войска фашистскую оборону. Прорвали, пошли вперёд.

Конечно, не только танки здесь главную роль сыграли. Атака шла с суши. Атака шла с моря. Слева — пехота, справа действовал Северный флот. С воздуха били советские лётчики. В общем ряду здесь сражались и моряки, и пехотинцы, и танкисты, и авиаторы. Общей была победа. Освобождён от фашистов советский Север.

Шагает, шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы считают. Боями за освобождение советского Заполярья завершился год 1944-й — боевой и решающий. Приближался 1945-й — победный год.

Рассказы о Берлинском сражении, штурме Берлина и полной нашей Победе

Москва. Ставка Верховного главнокомандующего

1 апреля 1945 года в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Оба они командовали в то время фронтами, которые ближе других подошли к Берлину.

Просторный кабинет. Большой зал. За столом члены Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Посмотрел Сталин на Жукова, на Конева:

— Садитесь, товарищи. Вопрос о Берлине.

И тут же товарищ Сталин стал задавать маршалам вопрос за вопросом. В каком состоянии войска? Степень их готовности к большим сражениям? Сколько дней понадобится для их окончательной подготовки? Что нужно для успеха в боях за взятие Берлина? Когда можно начать Берлинскую операцию? В какие сроки закончить? Можно ли за 12–15 дней? Как настроение самих командующих?

— Ваше мнение, товарищ Конев? — спросил

товарищ Сталин.

— Войска Первого Украинского фронта, — ответил Конев, командующий этим фронтом, — готовы в ближайшие дни произвести всю необходимую подготовку, готовы к штурму обороны противника на Берлинском направлении. В нужные сроки, товарищ Сталин, уложимся.

— Ваше мнение, товарищ Жуков? — повернулся Сталин к маршалу Жукову.

— К штурму готовы, товарищ Сталин, — ответил Жуков.

На этом заседании маршалам Жукову и Коневу было поручено внести свои добавления и замечания к плану Берлинской операции и через день снова доложить Ставке.

Прошёл день, и вот маршалы снова в кабинете у товарища Сталина.

— Слушаю вас, товарищи.

Доложили маршалы свои соображения. Ставка рассмотрела и утвердила план наступления на Берлин.

Вот этот план.

Прорыв фашистской обороны на Берлинском направлении осуществляют три фронта: 1-й Белорусский, им командует маршал Жуков, 1-й Украинский во главе с маршалом Коневым, 2-й

Белорусский под командованием маршала Рокоссовского.

Основной прорыв на Берлин производят войска маршала Жукова. Армии маршала Конева действуют южнее 1-го Белорусского фронта. Войска маршала Рокоссовского — севернее.

— Ну как, всё ясно? — спросил у маршалов товарищ Сталин.

— Всё ясно, товарищ Сталин, — ответили маршалы.

— Вот и отлично. Вот и всё, товарищи. Желаю успехов, — сказал Верховный Главнокомандующий.

Ночь. Три часа по берлинскому времени

16 апреля. Ночь. Три часа по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова начал прорыв на Берлин.

Укрылось, прижалось к земле всё живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить — тут голову трудно поднять, рукой, ногой, даже пальцем и то шевельнуть опасно.

Прижался вместе со всеми к земле и солдат Ру́шке. Лежит гадает. Что такое? Ночь. Три часа по берлинскому времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в темноте в атаку? Как справятся танки? Они в темноте почти ничего не видят. Как будет стрелять полевая артиллерия?

А как в атаку пойдут солдаты? Как?

Силится, но не в состоянии ничего понять Рушке. Может быть, русские так — попугать решили. Может, спутали просто время.

Ничего не могут понять и другие. В недоумении

генералы.

А артиллерия бьёт и бьёт. Загадочное что-то затеяли русские.

Тридцать минут длился ураганный, испепеляющий всё огонь. Но вот так же неожиданно как начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло всё. Затихло. Тишина над позициями.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял.

В глаза фашистам вдруг ударили, брызнули, ослепили десятки невиданных солнц.

Закрыли глаза фашисты. Что такое?! Снова открыли. Светло впереди, как днём.

«Что такое?» — в недоумении Рушке. Свет шёл, жёг, пепелил глаза. Забегали страшные тени. «Что же случилось?» — гадает Рушке.

Так и не понял солдат. Не узнал. Ударил в этот момент снаряд. Не осталось даже пятна от Рушке.

Сообразили наконец фашисты — так это же прожекторы!

Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом,

ночь превратили в день.

Слепит неприятеля свет, бьёт фашистам в глаза.

Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим.

В растерянности фашисты. Да, не бывало ещё такого!

Катится на них несокрушимо победный вал.

А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолёты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости.

Дымы

Прорывают войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова фашистский фронт.

И в это время чуть южнее прорывают фашистскую оборону войска 1-го Украинского фронта, которым командует маршал Конев.

Но если войска Жукова прорывали фронт ночью, ослепив фашистов светом прожекторов, то у маршала Конева всё обстоит иначе, и даже наоборот.

Здесь линия фронта проходит по реке Не́йсе. Чтобы прорвать гитлеровскую оборону, надо перейти Нейсе. Надо её форсировать. Реку в минуту не перейдёшь. Необходимо навести переправы, мосты. Дело это сложное, небыстрое. Незаметно для противника не создашь переправы. Поэтому не свет тут нужен, а нужна темнота.

— Есть темнота, — доложили маршалу лётчики.

— Есть темнота, — доложили инженерные части.

Поднялись в небо советские самолёты. Вышли к берегу Нейсе инженерные роты. Поставили

они над Нейсе дымовую завесу. Укрыли дымы и Нейсе, и наш и неприятельский берег. Ясно фашистам: готовятся русские к наступлению. Но где, в каком месте? Когда?

Фронт перед войсками маршала Конева широкий — 390 километров. Вот и гадай, в каком месте начнётся прорыв, где наводят мосты, куда подгоняют плоты и лодки?

Заметались фашисты. В напряжении гитлеровские генералы. Разослали вдоль всего фронта посыльных. Торопят с донесениями.

Звонят они на первый участок:

— Что там у вас?

Отвечают с участка:

— Дым и дым кругом.

Звонят на другой участок фронта:

— Что там у вас? Как противник? Что видно?

— Ничего не видно. Кругом дымы.

Соединяются с третьим участком:

— Как обстановка? Как ведут себя русские? Доложите, что видите.

— Видим дымы.

— Дымы, — доложили с четвёртого участка.

— Дымы, — доложили с пятого.

«Дымы, дымы, дымы…» — идут сообщения с шестого, седьмого, десятого.

Погода тихая, безветренная. Воздух почти не движется. Дым не колышется. Висят над Нейсе дымы, укрывают советские части.

Мечутся фашистские генералы, гадают, в каком же месте советские войска начнут атаку, где наводят они переправы, откуда ждать появления русских, где сосредоточить главные силы. Будь вы прокляты, эти дымы!

Подготовились советские части к прорыву. Но прежде и здесь началась мощная артиллерийская атака. Час сорок минут стреляли не умолкая пушки. Затем войска бросились форсировать Нейсе. Затем снова 45 минут содрогалась земля от выстрелов. Это была помощь тем, кто уже переправился на западный берег Нейсе.

Помогли дымы. Только в месте главного прорыва наши войска навели 133 переправы.

Рванулись советские войска вперёд. У фашистов было три полосы обороны.

Не устояла первая полоса — рухнула.

Не устояла вторая полоса обороны — пала.

Прорвали войска маршала Конева третью оборонительную полосу.

Позади фашистская оборона. Проплывают дымы над Нейсе.

Под Штетти́ном

Войска маршала Рокоссовского — 2-й Белорусский фронт — не должны были идти на Берлин. Они лишь помогали армиям Жукова, прикрывали их правый фланг. Главная задача Рокоссовского — нанести удар по фашистам севернее Берлина и идти дальше на запад, навстречу наступающим с запада американцам и англичанам.

У каждого из советских маршалов был свой план наступления. Маршал Жуков начал прорыв ночью, ослепив противника светом прожекторов. Маршал Конев, наоборот, приказал поставить дымовую завесу.

Был свой план и у маршала Рокоссовского. Стал он сосредоточивать войска у города Штеттина. Движутся сюда дивизии.

Зорко следят за тем, что делается в наших войсках, фашисты. Ведут разведку.

Идут к Штеттину колонны советских войск. Видят: в небе появился фашистский самолёт-разведчик. Хороший разведчик у фашистов. И с виду он необычный: два фюзеляжа у самолёта. Когда смотришь с земли, кажется, летит в воздухе рама. «Рама» — так и называли фашистский самолёт-

разведчик наши бойцы.

Закружила над советскими войсками «рама». Высматривает, засекает, куда движутся войска, фотографирует.

— Что же нет истребителей? — заволновались солдаты.

Но вот появились в небе три советских истребителя. Довольны солдаты. Попалась «рама». Будут щепки сейчас от «рамы». Но что такое? Проходят истребители мимо.

— Эх вы, слепые, горе-соколы! — кричат солдаты. — Да вот же она, вот же, левее от вас!

Не видят «раму» советские истребители. Прошли стороной, скрылись за горизонтом.

Двигалась вместе с советскими войсками зенитная установка. Развернули солдаты пушку, решили сами покончить с «рамой». Только развернули, только прицелились, подъехал генерал.

— Отставить! — скомандовал генерал.

Поражаются зенитчики и солдаты.

Вскоре появилась вторая «рама». Вновь приготовили зенитчики пушку, и снова команда:

— Отставить!

«Что такое?» — разводят руками солдаты.

Докладывают фашистские разведчики гитле-

ровским генералам:

— К Штеттину движутся советские войска.

Хорошо действуют фашистские разведчики. Не только докладывают, что движутся советские войска, но и уточняют, сколько их и какие части идут:

— Три танковых корпуса.

— Две общевойсковые армии.

— Очень много переправочных средств. (Рядом со Штеттином протекает широкая река О́дер.)

Всё ясно фашистским генералам. Вот где маршал Рокоссовский начнет прорыв — тут на Одере, возле Штеттина.

Собрали фашистские генералы поспешно с других участков фронта сюда войска. Приготовились. Ждут удара маршала Рокоссовского.

И Рокоссовский ударил. Только не тут. Не у Штеттина. А намного южнее Штеттина, там, где вовсе его не ждали.

Движение же войск под Штеттин был всего-навсего обманный манёвр.

Прорвали войска 2-го Белорусского фронта оборону фашистов. Стремительным шагом пошли вперёд.

Зе́еловские высоты

Прошли при свете мощных советских прожекторов войска маршала Жукова первую оборонительную полосу противника. Поднялись перед ними Зееловские высоты.

Зееловские высоты — укреплённый район на пути к Берлину. Местность здесь возвышенная, всхолмленная, удобная для обороны. С той стороны, откуда наступают советские войска, у высот крутые скаты. Они изрезаны траншеями и окопами. Перед ними глубокий противотанковый ров. Кругом минные поля и огневые точки противника. Зееловские высоты — вторая полоса гитлеровской обороны.

Бросилась советская пехота на штурм высот. Не осилила обороны противника. Рванулись в атаку танки. Не смогли прорваться на новый рубеж. Целый день до глубокой ночи и даже ночью атаковали советские части Зееловские высоты. Крепко их держат враги. Безуспешны наши атаки. День не принёс удачи. Не сломила фашистов ночь.

«Замко́м Берлина» назвали фашисты Зееловские высоты. Крепко держат здесь оборону.

Понимают — тут, на этих высотах, решается судьба Берлина.

Атакуют советские части фашистов. В разгар сражения над атакующими войсками появился советский самолёт. Самолёт как самолёт. Не обратили бы солдаты на него особого внимания. Только вдруг стал самолёт кружить над нашими частями. Покружил, покружил, помахал крылом, затем от него что-то отделилось. Тут же раскрылся парашют. Видят солдаты: что-то спускается. Что — не поймёшь. Ясно одно — не человек.

Спустился парашют ниже. Видят солдаты: на стропах — ключ.

Ключ огромный, старинный. Опустился парашют на землю. Подбежали солдаты. Видят: к ключу прикреплена дощечка. На дощечке слова написаны. Читают солдаты: «Гвардейцы-друзья, к победе — вперёд! Шлём вам ключ от берлинских ворот!»

— Вот это да!

— Эко ж придумали!

Толпятся солдаты вокруг ключа, каждому глянуть хочется.

Оказалось, что этот ключ сделали и послали своим друзьям-пехотинцам советские лётчики.

Ключ был точь-в-точь такой, каким овладели

русские войска, когда в 1760 году уже брали город Берлин.

Понравилась солдатам выдумка лётчиков. Поняли пехотинцы намёк авиаторов.

— Ну, если есть ключ, разомкнём и замок!

Действительно, на следующий день советские войска овладели Зееловскими высотами.

А ещё через день армии маршала Жукова прорвали третью, последнюю оборонительную полосу фашистов.

Впереди за лесами лежал Берлин.

Берлин был рядом. Тем злее фашисты вели бои.

На Берлин идут машины

Он стоял на перекрёстке — русский труженик солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрёстке. Он смотрел на эту силу. И былое шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый — сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель! Сколько отдано друзей! Сколько слёз страной пролито! Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идёт. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади! Гнули, гнули нас фашисты. Всё, казалось, шаг — и всё. Но в минуты те крутые у Москвы, у Сталинграда не терял солдат надежды. Верил он

тогда в победу — быть победе над фашизмом.

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один — и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый — дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагало время сроки, отсчитало рубежи.

И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрёстке русский труженик солдат. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идёт. Под весом этим содрогается планета. Мощь идёт. Под весом этим прогибается земля.

Хофакер

Городок их стоял на восток от Берлина. Был он маленький-маленький. Словно игрушечный. Городок с ноготок. Городок-горошина.

Прожил старик Хофакер здесь 70 лет. Песчинку любую знает.

Наступают с востока русские. Понимает старик Хофакер: не устоит перед русскими город. Если дунуть на этот город, кажется, он развалится.

И вдруг прибегают к Хофакеру внуки:

— Крепость! Крепость!

— Что такое? — не понял Хофакер.

— Наш город — крепость! — кричат мальчишки.

Пришли соседи и тоже про крепость ему сказали. Пришёл бургомистр, то есть старший над городом, и тоже сказал про крепость.

— Какая же крепость? — моргает старик глазами. Прожил здесь Хофакер 70 лет. Любую песчинку знает.

Развёл бургомистр руками:

— Крепость, Хофакер, крепость! — Крик-нул: — Хайль Гитлер! Фюреру лучше знать.

Да, таков был приказ фашистов. Все города,

которые находились на восток от Берлина, объявили они крепостями. Был строгий приказ: советским войскам не сдаваться. Сражаться всем до последнего, и старикам, и детям.

Приказ есть приказ. Стали готовиться жители к защите родного города. Пришли к Хофакеру. Забирают в солдаты внуков.

И вдруг Хофакер:
— Не дам я внуков!
— Да что ты, старый! Приказ же фюрера!
— Не дам! — упёрся старик Хофакер.

Погибли все на войне у Хофакера. Было три сына. Было три зятя. Было — теперь не стало. Весь род как метлой смело. Остались одни лишь внуки.

— Не дам! — прокричал Хофакер.

Оказался старик упрямым. Рядом с городом — русские. Вывесил белый флаг. Посмотрели другие. Прав Хофакер. Зачем же всем погибать напрасно! Появились белые флаги и на других домах.

Узнали фашисты. Примчались в город. Убили Хофакера. Худо пришлось бы жителям. Да тут подошли советские части. Бежали фашисты.

В А́нкламе, в Гре́йфсвальде, в Фре́йбурге, в целом ряде других городов Германии поднялись тогда горожане. Воспротивились они приказам фашистов. Спасли города́ от гибели.

Погиб Хофакер, а внуки остались. Сохранился их давний род. Выросли внуки. И ныне живут в Германии.

В имперской канцелярии

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимало здание. Это имперская канцелярия — ставка Адольфа Гитлера.

Сотни комнат находилось в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находился фюрер фашистской Германии.

Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные лётчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофёр, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера — овчарка Блонди. Не одна — с четырьмя щенятами.

Охраняло убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых была опоясана имперская канцелярия.

Здесь, в подземелье у фюрера, идут бесчисленные заседания и совещания. Шепчется он с

приближёнными, ищет пути, как продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.

Тяжёлые вести несутся с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты. Глаза вот-вот, кажется, вылезут из орбит, на руках надуваются вены. Бегает Гитлер по комнате. Пробежит — остановится. Пробежит — остановится. И кричит, и кричит, и кричит. Эти крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближённые. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы, как снег, растаять.

Особенно грозен был Гитлер тогда, когда пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот на Нейсе и на Одере.

— Измена!.. — кричал Гитлер. — Трусы! Тупицы!.. — клял своих генералов.

— Расстрелять виновных! — Через минуту: — Нет, повесить! — Ещё через минуту: — Нет, расстрелять, а затем повесить…

И снова:

— Предатели!.. Трусы!..

20 апреля 1945 года в подземелье отмечали день рождения фюрера. Нерадостен этот день — всё ближе и ближе подходят к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнётся. Приходят приближённые, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Крутятся возле Гитлера слуги и адъютанты. Чем отвлечь от недобрых дум, чем угодить — не знают.

Вдруг оттуда, сверху, послышались залпы. Один, второй, третий.

Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину.

Все подняли головы вверх, застыли.

Встрепенулся Гитлер. Тоже голову поднял:

— Что там?

Не хватает ни у кого мужества сказать, в чём дело. Стоят, друг на друга искоса смотрят. А потом все вместе — на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперёд:

— Салют, мой фюрер! В вашу честь, мой фюрер!

Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака засунул.

Снова небо взорвали залпы.

Война подошла к Берлину.

«Мы в Берлине!»

21 апреля 1945 года советские войска штурмом ворвались в Берлин.

Родом они полтавские. Пётр Кириенко и Стась Кириенко — отец и сын. Вместе ушли на войну из дома. В первые дни войны. Оказались вместе в части одной, в роте одной и во взводе. Вместе дороги и боли военные мерили. Вместе ходили в атаку, в разведку. Вместе мечтали о нашей победе.

— Быть нам, сы́нку, в Берлине. Быть нам в Берлине, — говорил Кириенко-отец.

А было это тогда, когда шагали солдаты от Берлина в обратную сторону. Тысячи вёрст до Берлина.

Под Сталинградом мечтали они о Берлине. Затем в боях под Курском. Затем — на Днепре.

Стась Кириенко молод, безус. Пётр Кириенко солдат с заслугами. В Первой мировой войне воевал. В Гражданской войне воевал. Ранен. Контужен. Осколки снаряда в теле хранит как память.

Пётр Кириенко и Стась Кириенко словно орёл с орлёнком. Поучает солдатской премудрости молодого солдата бывалый.

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть!

Ранило как-то Стася осколком в грудь. Вынес отец Кириенко сына из са́мого пекла боя.

Контузило как-то Стася. Привалило землёй в окопе. Руками разгрёб Кириенко-отец обвал. Снова сына унёс от смерти.

Шагают солдаты путями войны. Мужает Стась Кириенко в боях и походах. Был молодым птенцом, а нынче и сам летает.

Медали заслужили отец и сын. Вскоре к медалям пришли ордена. С орденами — почёт и слава.

Наступает наша армия. Отвоевали Кириенки и Дон, и Донбасс. Принесли свободу родной Полтавщине.

— Дойдём до Берлина! Быть нам в Берлине!

Перед бойцами — широкий Днепр.

На Днепре при переправе совершилось непоправимое. Сразила фашистская пуля Петра Кириенко.

Помирает отец-солдат:

— Сынку, дойдём до Берлина. Сынку…

Дальше шёл Кириенко Стась. Походом, боями прошёл Украину, Польшу. И вот ворвались наши войска в Берлин.

Стоит солдат на берлинской улице. Смотрит на

небо, на громады домов. Отвлёкся солдат от боя. Неужели и вправду он в Берлине? Слышит отцовский голос: «Сынку, дойдём до Берлина. Сынку…»

Вспоминает отца солдат. Шепчут солдатские губы:

— Батька, батька, ты слышишь меня? Я в Берлине. Я в Берлине… Мы в Берлине! — закричал солдат.

Лежит перед ним Берлин. Склонил перед ним колени.

Стоял недвижно минуту солдат. Затем встрепенулся. Подошёл к стене соседнего дома. Штыком по извёстке вывел, словно печать поставил: «Пётр Кириенко, Стась Кириенко, апрель, 1945 год».

Майоры

Ворвались войска в Берлин. Пробивают дорогу к центру. А в это время другие части с севера, с юга обходят город. Окружают они Берлин. Наступают навстречу друг другу два фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Рвутся солдаты к победной встрече. В первых колоннах идут танкисты.

Бывшие лейтенанты Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин, те, которые принимали участие в окружении фашистов под Сталинградом, давно уже не лейтенанты. Майоры они теперь.

Повзрослели. Закалились. В боях окрепли. Не узнать их теперь по виду. Оба гвардейцы. Оба в наградах. Словом, бойцы бывалые.

Всякое было за эти годы. Сводила судьба друзей. Разводила. На госпитальные койки друзей бросала. Снова ставила в строй. Снова к больничным порогам гнула. Смерть проходила рядом, рядом совсем дышала. Нелёгок их ратный путь. То вместе они сражались, то снова по разным фронтам и армиям.

Вот и сейчас… Служил Ерёмин во 2-й гвардейской танковой армии на 1-м Белорусском фронте

у маршала Жукова. Служил Дудочкин в 4-й гвардейской танковой армии на 1-м Украинском фронте у маршала Конева.

Мечтали друзья вместе войну закончить.

А нынче — ищи ты солдата в поле.

Обходят войска Берлин. Пробивают дорогу танки. С юга идёт 4-я гвардейская танковая армия, с севера — 2-я гвардейская танковая. Всё ближе, всё ближе танки к заветной цели.

И вот 25 апреля в 12 часов дня сомкнулись войска за Берлином. Схвачен Берлин в мешок.

Бросились танкисты разных фронтов навстречу друг другу. Радость бушует в людях. Бежит вместе с другими Ерёмин. Бежит и Дудочкин. Бывают же в жизни порою встречи!

— Петя!

— Вася!

Метнулись оба. И жмут в объятьях один другого. До слёз. До боли. Вот это встреча!

Сошлись в объятьях, расцеловались. Стоят и смотрят. А рядом двое. Совсем безусых. Два лейтенанта. Бегут друг к другу:

— Григорий!

— Паша!

— Как мы с тобою тогда, у Волги! — сказал Ерёмин.

И вдруг то поле под Сталинградом, тот снег пушистый, тот день великий встревожил память. Стоят майоры — и снег пушистый перед глазами.

Подбежали лейтенанты друг к другу, расцеловались:

— Григорий!

— Паша!

Вдруг оба видят: стоят майоры. Стоят и смотрят. Смутились лейтенанты. Зарделись оба.

И отвернулись тогда майоры. Зачем смущать им лейтенантов. Понять ли в эту минуту юным, какие чувства в сердцах майоров.

А слева, справа сюда сходилось всё больше силы, всё больше стали.

Берлин отрезан. Фашизм в капкане.

«Данке шён!»

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Ещё не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки́ солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что ж — подбрось, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится.

Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

— Ну-ка ступай сюда.

Подошёл тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, не робкий, — бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Даёт малышу.

— Данке шён, — произнёс малыш.

Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не слопай, смотри верни!

— Э-эх, наголодался, видать, — заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер, — сказал мальчишка.

— Для сестрёнки просит, — объяснил кто-то.

— Ну что же, тащи и сестрёнке, — ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шён, — произнёс мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошёл он к походной кухне. Тянет тарелку:

— Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты, какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым.

Вскоре возле походной кухни уже группа ребят

собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись, — наводит порядок Зюзин.

Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

— Данке шён!

— Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолёт. Глянули вверх солдаты. Не наш самолёт — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолёт. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин

один замешкался.

Ударила бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползёт по камням, по притихшей улице.

Плечом к плечу

Часть полковника Утихеева вела бой в центре Берлина на Гамбургер-аллее.

Дома здесь массивные, кладка прочная. Штурмовали солдаты одно из зданий. Уже несколько раз поднимались они в атаку, но каждый раз открывали фашисты сильнейший огонь, и бойцы залегали снова. Во дворе здания, за высокой каменной стеной, за железобетонными глыбами, стояли у фашистов крупнокалиберные пулемёты. Стены и пулемёты преграждали дорогу нашим.

Попросили пехотинцы артиллеристов накрыть пулемёты. Направили пушки сюда огонь. Остались нетронутыми пулемёты. Не смогла их поразить артиллерия. Мешают высокие стены. Либо в них ударяют снаряды, либо перелетают и разрываются где-то дальше, не задевая огнём фашистов.

— Вот бы лётчиков нам сюда, — кто-то сказал из советских бойцов.

Отложили солдаты на время атаку, передыхают. Вдруг видят: чуть в стороне, над соседним кварталом, появилось пять советских штурмовиков. Повисли они над каким-то зданием. Атакуют

с воздуха здание. Залюбовались солдаты работой лётчиков. Стали штурмовики над домом в круг. Вот приблизился к зданию первый, носом, словно утёнок, клюнул, задержался, вошёл в «пике́». Бросил бомбы. Снова поднялся к небу. За первым второй — в «пике». Затем то же сделали третий, четвёртый.

— Вот бы и нам таких, — снова сказал тот, кто о лётчиках первым вспомнил.

Поддержали другие:

— Конечно, такие бы враз.

— Не стояли б у этих стен.

— Что им с воздуха — взял и плюнул.

И полковник Утихеев подумал о лётчиках. Позвонил он куда-то в штаб. Пообещали ему авиаторов.

Продолжают солдаты следить за небом. Вот и пятый советский штурмовик зашёл над домом. Вот-вот войдёт в «пике».

И тут — что такое! — вспыхнул в воздухе самолёт. Ясно: подбили его фашисты.

— Эх ты, родимый! — с болью выкрикнул кто-то.

Падает самолёт. И вдруг видят солдаты: отделился от самолёта человек. Следом за ним второй. И тут же открылись два парашюта.

Понимают бойцы, что это лётчик и воздушный стрелок. Довольны солдаты:

— Не растерялись, огонь ребята!

Наблюдают бойцы за лётчиками. Видят: относит ветер лётчиков, несёт прямо сюда, к Гамбургер-аллее. Чем ниже лётчики, тем яснее становится бойцам, что не сядут на нашей они территории. К грозному зданию несёт их ветер, туда, к фашистам, во двор, за стены.

Вот оказались лётчики прямо над головами наших. Вот понесло их туда, во двор.

Понимают пехотинцы: там, за стеной, смерть ожидает лётчиков.

Смотрели солдаты, и вдруг чей-то алмазный голос:

— Братцы, вперёд, в атаку!

Рванулись бойцы в атаку. Перемахнули забор и глыбы.

Минута — и на неприступном дворе солдаты. Вторая — и замолчали фашистские пулемёты. Вот и то место, где опустились советские лётчики.

Бросились лётчики к своим спасителям. Обнимают солдат, целуют:

— Спасибо, пехота! Помогли. Выручили.

Смотрят солдаты на лётчиков, улыбаются:

— Это вам, небеса, спасибо. Вы нас в атаку

подняли.

Поражались потом бойцы: откуда сила взялась такая? Как, каким чудом, за счёт чего стену они осилили?

Каким чудом? За счёт чего?

Солдатским братством называется это чудо.

Вскоре над упрямым зданием появились вызванные полковником Утихеевым советские штурмовики. Смотрят с воздуха авиаторы: взяли уже пехотинцы здание. Махнули крылом, развернулись, ушли помогать другим.

Дружно сражались войска в Берлине. Помогала пехота лётчикам. Помогали пехоте лётчики. Артиллеристы, танкисты, сапёры, связисты общим шагом шагали в битве.

Стояли бойцы, как братья. Локоть к локтю. Плечом к плечу.

Бронзой поднялся в небо

Солдат не мечтал, не гадал, не думал. А вышла слава ему в века. На пьедестале к небу солдат поднялся.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до центра Берлина. Солдаты 8-й гвардейской армии готовились к последним боям. В числе их и солдат Николай Масалов. Был он знаменщиком 220-го гвардейского стрелкового полка. Приготовил к атаке знамя.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними — один из каналов, отходящих от Шпре́е. Рядом — площадь. За площадью — мост. Называется он Горбатым. Мост заминирован. Под огнём противника атаку на мост, на тот берег скоро начнут солдаты.

Притихли солдаты. Так всегда перед штурмом. Где-то гремят орудия, где-то идёт стрельба. Но это не здесь. Это в других местах. Здесь тишина. Временная. Но тишина. И вдруг тишину — солдаты вздрогнули: было так неожиданно — плачем прорезал детский голос.

Было неясно, откуда он шёл. С набережной? Со стороны площади? От моста? Из развалин непо-

далёку стоящего дома?

— Мутти! Мутти! Мамочка! — повторял голос.

— Девочка, — кто-то сказал из солдат.

Ищут солдаты глазами девочку. Где же она?

— Мутти! Мутти! — несётся голос.

Определили теперь солдаты: детский плач шёл от моста. Не видно ребёнка. Камнями от наших, видать, прикрыт.

Вышел вперёд сержант Масалов, подошёл к командиру:

— Разрешите спасти ребёнка.

Подождал командир минуту. О чём-то подумал:

— Разрешаю, сержант Масалов.

Прополз Масалов через площадь к мосту.

И сразу же затрещали фашистские пулемёты, забили мины по площади.

Прижался солдат к асфальту, ползёт от воронки к воронке, от камня к камню.

— Мутти! Мутти! — не утихает голос.

Вот полпути прополз Масалов. Вот две трети. Осталась треть.

Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту, укрылся от пуль под гранитной стенкой.

Потеряли солдаты его из виду. И голос ребёнка утих. И солдата не видно.

Прошла минута, вторая… пять. Волноваться солдаты стали. Неужели смельчак погиб? Неужели погибла девочка?

Ждут солдаты. С тревогой в сторону моста смотрят.

И вот увидели они Масалова. Шёл от моста солдат. Нёс на руках немецкую девочку.

— Жив! — закричали солдаты. — Жив!

Раздалась команда:

— Прикрыть Масалова огнём.

Открыли огонь солдаты. Гремят автоматы, строчат пулемёты. Ударили пушки — словно салют солдату.

Пришёл Масалов к своим. Принёс немецкую девочку.

Оказалось, убили фашисты у девочки мать. Перебегала она вместе с дочкой площадь и попала под взрыв, под пули.

Держит девочку Масалов. Прижалась она к солдату. Года три ей. Не больше. Прижалась, всхлипывает.

Обступили бойцы Масалова. На девочку смотрят. Пытаются чем-то от слёз отвлечь. На пальцах «козу» показывают:

— Идёт коза рогатая…

Посмотрела девочка на солдат. Казалось, хотела

сильней заплакать. Да вдруг взяла и улыбнулась солдатам девочка.

Отгремела война. В Берлине, в одном из красивых старинных парков, советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

Холм. На холме — пьедестал гранитный. На граните — фигура солдата. Стоит он с девочкой на руках.

Не думал солдат, не ведал. А вышло — бронзой поднялся в небо.

«Топор своего дорубится»

Их дивизия пробивалась к Рейхстагу. Рейхстаг — главное правительственное здание фашистской Германии.

Впервые слова про топор Степан Рудокоп услышал во время штурма Зееловских высот. Притормозилось чуть-чуть наше тогда наступление. Фашисты на высотах зарылись в землю. Мы штурмовали, наступали с равнины, с открытого места.

— Скорей бы уж прорваться, — бросил кто-то из наших солдат.

Вот тут-то Степан Рудокоп услышал:

— Дай срок. Топор своего дорубится.

Повернулся Рудокоп на голос. Видит: солдат, артиллерист. Другие, что рядом с ним, — молодые. А этот старый. Точнее, пожилой уже был солдат. В морщинках лицо. С усами.

Запомнил Рудокоп слова про топор. Запали надёжно в память.

И правда, вскоре прорвали наши фашистскую оборону на Зееловских высотах, прорубили дорогу себе к Берлину.

Потом уже, под самым Берлином, когда пе-

реправлялись через Шпрее, когда лезли на бетонные стены бе́рега и казалось, что не осилят берег, солдат снова те же слова услышал:

— Топор своего дорубится.

Признал Рудокоп усача артиллериста. Как знакомому, даже махнул рукой.

И вот в третий раз снова услышал те же слова солдат.

Для обороны Берлина во время уличных боёв в разных местах города фашистами были построены специальные укреплённые помещения — железобетонные бункеры. Это были своеобразные городские крепости. Высота их доходила до 40 метров. Толщина стен превышала два метра. В самых больших бункерах могло разместиться до тысячи фашистских солдат и 30 орудий. Всего по Берлину таких бункеров было 400. Наиболее крупные из них находились в центре города, прикрывали имперскую канцелярию и знаменитый берлинский Рейхстаг.

В штурме одного из таких бункеров, который как раз прикрывал выход к Рейхстагу, и принимал участие Рудокоп.

Укрылись фашисты в бункере, как за семью замка́ми.

Открыла огонь по бункеру полковая артилле-

рия. Не страшна она бункеру. Снаряды как горох от стены отскакивают.

Подошла тяжёлая артиллерия. Дали орудия первые выстрелы. Бункер стоит, не дрогнул.

— Да, ничего орешек. Дудки, его не раскусишь, — кто-то сказал.

Сразу ответ последовал:

— Дай срок, топор своего дорубится.

Повернулся Рудокоп на голос. Снова, значит, усач повстречался. Хотел, как знакомому, махнуть рукой. Смотрит, а это совсем не тот говорил солдат. И годами моложе. И брит под корень.

Обратился Степан Рудокоп к бойцу:

— Откуда слова такие?

— Так дядя один сказал.

— А где же дядя?

— Не стало дяди.

— Убит?

— Убит, — произнёс солдат.

Снял Рудокоп с головы пилотку. Склонил голову в память бойца погибшего. Хоть и видел мельком человека, да жалко ему усача солдата. Зацепила солдата память.

Добили наши бетонный бункер. Сдались фашисты в плен.

Снова шагнули вперёд солдаты. Перед ними

открылась площадь. Там, над Шпрее, стоял Рейхстаг. Смотрят бойцы на Рейхстаг.

— Тоже не сладость, — кто-то сказал Рудокопу. — Тоже не враз осилим.

Посмотрел на бойца, на Рейхстаг Рудокоп:

— Топор своего дорубится.

Золу развеял… рассеял гарь

30 апреля. После полудня. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофёр Гитлера Кемпке получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемпке искать горючее. Нелёгкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемпке, выполняет приказ. Сливает бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал 100 литров. Доложил.

— Мало, — сказали Кемпке.

Снова носится Кемпке. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? — гадает. — Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так сто — двести от силы метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг прорвёмся?!»

Обшарил Кемпке всё, что мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал ещё 80 литров. Нет больше бензина нигде ни грамма — хоть кричи, хоть умри, хоть лопни.

Доложил Кемпке:

— Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад притащить горючее. Снёс он сюда канистры. Стоит и опять гадает: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там внизу, в подземелье, у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближённые фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю: он уходит из жизни.

— Немецкий народ не достоин меня! — кричал на прощание фюрер. — Трусы! Падаль! Глупцы! Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке пилюлю с отравой. Напротив уселась овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру: всё кончено. Медлить нельзя. Иначе завтра плен, и тогда… Страшно о плене ему подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пилюлю. Глотнула Блонди. И тут же — смерть. Позвал щенят. Потянулись глупцы доверчиво. Дал им отраву. Глотнули щенята. И тут же — смерть.

Томятся за дверью приближённые. Переминаются с ноги на ногу. Ждут роковой минуты.

Камердинер Гитлера Линге посмотрел на часы. Половина четвёртого. Тихо, замерло всё за дверью.

Открыли дверь приближённые. Фюрера нет в живых. Мертвы и щенки, и фюрер, и Блонди.

Тело Гитлера завернули в ковёр. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Дыхнуло гарью. Пробушевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время, преодолевая последние метры берлинской земли, советские воины поднимались в последний бой. Начался штурм Рейхстага.

Последние метры война считает

Начался штурм Рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине! Он у Рейхстага!

Смотрит солдат на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны… Стеклянный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружение, три года идёт вперёд. Хранила судьба солдата.

— Я везучий, — шутил солдат. — В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далёком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на Рейхстаг, на здание.

Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны… Стеклянный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

— Вперёд! Ура! — кричит командир.

— Ура-а-а! — повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Громом ухнул огромный взрыв. Поднял он землю девятым валом. Упала земля на землю. Сбила она солдата. Засыпан землёй солдат, словно и вовсе на свете не был.

Кто видел, лишь ахнул:

— Был человек — и нет!

— Вот так пуля ему не отлита!

— Вот так снаряд не выточен!

Знают все в роте Лыкова — отличный товарищ, солдат примерный. Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать. Да только чудес на земле не бывает. Раз погребённый не оживает. Пусть земля ему будет пухом.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немногим совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты — глазам не верят. Поднял взрыв землю, а с ней и Лыкова. Поднял, подбро-

сил, даже поставил на ноги.

Жив оказался солдат. Засыпал, отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает! Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Снова Лыков в атаке, в лихом порыве. Всё ближе и ближе колонны Рейхстага. Купол в небе стеклом сверкает. Последние метры война считает.

Победа

— Сержант Егоров!

— Я сержант Егоров!

— Младший сержант Кантария!

— Я младший сержант Кантария!

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почётное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании Рейхстага.

Бойцы взяли под козырёк и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У Рейхстага идёт бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится залечь в укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, поддерживающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в Рейхстаг.

— Ох, выше бы! — вырывается вздох у наблю-

дающих бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в Рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идёт на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две, десять. Тревога всё больше и больше охватывает солдат. Проходит ещё 30 минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застеклённому куполу, который поднимается над крышей Рейхстага, и осторожно начинают карабкаться по нему.

— Правильно, туда его — к самому небу! — кричат солдаты.

— Выше, братишки, выше!

На площади и в здании ещё шли бои, а на кры-

ше Рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побеждённым Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побеждёнными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы. Сводные полки, приехавшие с фронтов, проходили мимо Мавзолея. Руководители страны на Мавзолее. Масса гостей на площади.

Проходят полки. Чеканят солдаты шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелилась, задвигалась площадь:

— Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамёна поверженной фашистской Германии. Вот поравнялись бойцы с Мавзолеем. Вот повернулись резко. Шагнули вперёд. Замерло всё на площади. Полетели на землю знамёна. К ногам стоящих, к подножию Мавзолея.

И снова идут полки. И снова в солдатском шаге, как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

Победа!

Победа!

Победа!

